

**ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ УПРАВЛЕНИЯ
ПОПУЛЯЦИЯМИ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ,
ОСНОВАННОГО НА УЧАСТИИ
МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ**

Потенциал использования в Центральной Азии управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ.

Подготовлено для Секретариата Конвенции о мигрирующих видах (КМВ).

Исследование подготовлено Франкфуртским зоологическим обществом в сотрудничестве с Казахстанской ассоциацией сохранения биоразнообразия и другими организациями при финансовой поддержке Федерального агентства по охране природы (BfN) Министерства окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей Германии (BMUV), ноябрь 2022 г., обновленная версия сентябрь 2024 г.

Цитирование/список авторов:

Цутер Ш., Михель Ш., Роу Д., Кубанычбеков З., Каримов Х., Скляренко С. Л., Уорд С., 2024. Потенциал использования в Центральной Азии управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ. Отчет Федеральному агентству по охране природы (BfN) и Секретариату Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных (КМВ).

Выражение признательности:

Авторы выражают огромную благодарность следующим экспертам за их советы и вклад в этот отчет: Кларе Ноббе, Полине Орлински, Андреа Штраус, Фаризе Адильбековой, Элеанор Дж. Милнер-Гулланд, Мишель Боуи, Марине Кошкиной, Илье Смелянскому, Ксении Зюковой.

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ОБЛОЖКЕ

Слева направо: Антилопа сайгак, заповедник «Черные земли», Калмыкия, Россия © DNK_KolyaN/ Getty Images; Юрта на пастбище в Синьцзяне, Китай © Wenbin/Getty Images; Фотограф дикой природы © Владимир Бурдяк; Овцы аргали © Нарангерел Наранпурев

© 2025 CMS. Данная публикация может быть воспроизведена полностью или частично и в любой форме в образовательных и других некоммерческих целях без специального разрешения правообладателя при условии указания источника. Секретариат CMS будет признателен за получение копии любой публикации, использующей данную публикацию в качестве источника. Запрещается использовать данную публикацию для перепродажи или в любых других коммерческих целях без предварительного разрешения Секретариата CMS.

Отказ от ответственности

Исследование «Потенциал использования в Центральной Азии управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ» было подготовлено Франкфуртским зоологическим обществом для Секретариата КМВ. Эта работа финансировалась в рамках сотрудничества Секретариата КМВ и Международной академии охраны природы Федерального агентства по охране природы (BfN INA) при Министерстве окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей Германии. Мнения, высказанные в настоящем документе, принадлежат авторам и не обязательно отражают официальную позицию вовлеченных учреждений.

Копии этой публикации доступны на сайте CMS: <https://www.cms.int>. <https://www.cms.int>

Содержание

<i>Резюме</i>	5
Обоснование данного исследования	5
История управления популяциями диких животных в Центральной Азии	6
Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ в международной политике	9
Вызовы и возможности для внедрения СВММ в законодательство стран Центральной Азии	10
Примеры управления популяциями диких животных с вовлечением местного населения в Центральной Азии	12
Осуществимость управления популяциями исследуемых видов диких животных, основанного на участии местных сообществ.....	13
Рекомендации в отношении политики	16
<i>Список сокращений</i>	22
<i>Введение</i>	23
<i>1. Ист орическая роль и подходы к управлению популяциями диких живот ных в Цент ральной Азии</i>	26
1.1 Общая информация об управлении популяциями диких животных	26
1.1.1 Использование диких животных в древние времена.....	26
1.1.2 С XVII по XIX век	30
1.1.3 Советский период	31
1.1.4 От постсоветских времен до наших дней	34
1.2 Управления популяциями диких животных с вовлечением местного населения	39
<i>2. Виды диких живот ных, рассмат риваемые в данном исследовании</i>	43
2.1 Отбор видов для исследования	43
2.2 Статус исследуемых видов	46
2.2.1 Сайгак	46
2.2.2 Архар	50
2.2.3 Снежный барс.....	55
2.2.4 Бухарский олень	57
2.3 Масштабы, причины и последствия браконьерства для рассматриваемых видов	61
2.3.1 Сайгак	61
2.3.2 Архар	63
2.3.3 Снежный барс.....	67
2.3.4 Бухарский олень	72
<i>3. Управления популяциями диких живот ных с вовлечением мест ного населения</i>	74
3.1 Принципы устойчивого управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ	74
3.2 Подходы по управлению популяциями диких животных на основе участия местных сообществ и международная политика	81
3.3 Примеры успешного управления популяциями диких животных, основанного на участии местного населения, по всему миру	87
3.3.1 Сохранение острорылового крокодила в Колумбии	87

3.3.2 Общинные природоохранные организации в Намибии.....	88
3.3.3 Рациональное использование викуньи местными сообществами в Перу	89
3.3.4 Природоохранные кооперативы в Индонезии	90
3.4 Текущие проекты и практика управления популяциями диких животных в Центральной Азии с вовлечением местного населения	91
3.4.1 Эволюция управления популяциями диких животных в Центральной Азии, основанное на участии местного населения	91
3.4.2 Правовые основы использования и охраны диких животных и предпосылки для управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (СВММ) – общие черты в Центральной Азии.....	95
3.4.3 Таджикистан	103
3.4.4 Кыргызстан	113
3.4.5 Казахстан.....	118
4. <i>Применимость управления популяциями, основанного на участии местных сообществ, для целевых видов диких животных.....</i>	122
4.1. Сайгак.....	122
4.1.1. Использование без изъятия животных	123
4.1.2 Использование с изъятием животных.....	127
4.2 Архар.....	137
4.2.1 Использование без изъятия животных	137
4.2.2 Использование с изъятием животных.....	138
4.3 Снежный барс	140
4.3.1 Использование без изъятия животных.....	141
4.3.2 Использование с изъятием животных.....	142
4.4 Бухарский олень.....	146
4.4.1 Использование без изъятия животных	148
4.4.2 Использование с изъятием животных.....	149
5. <i>Рекомендации по разработке политики для лиц, принимающих решения на национальном уровне.....</i>	153
5.1. Общие рекомендации по применению СВММ целевым государствам данного исследования (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан).....	153
5.2 Рекомендации Сторонам Конвенций ООН и касающиеся вовлечения МСОП	161
5.2.1 Сторонам КМВ	161
5.2.2 Касательно СИТЕС.....	163
5.2.3 Касательно МСОП.....	164
5.3 Рекомендации государствам ареала по каждому из целевых видов.....	165
5.3.1 Сайгак.....	165
5.3.2 Архар	170
5.3.3 Снежный барс.....	170
5.3.4 Бухарский олень.....	172
<i>Используемая литература.....</i>	175

Резюме

Обоснование данного исследования

Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM) (также известна как управление природными ресурсами, основанное на участии местных сообществ) охватывает процесс управления популяциями диких животных — включая наземных и водных животных, их среду обитания и связанные с ними ресурсы — местными организациями с целью получения выгоды для местного населения. В литературе используется множество других терминов для описания данной концепции. Основная цель CBWM — с помощью подхода «снизу-вверх», на основе участия разных групп местного населения создать условия, позволяющие местным жителям получать выгоду от устойчивого управления популяциями диких животных, использования диких животных и их среды обитания. Подход направлен на изменение поведения людей и их отношения к дикой природе и тем самым на достижение целей в области сохранения популяций диких животных.

Реализация CBWM обычно означает предоставление права на управление популяциями определенных видов диких животных на конкретной территории местному населению, и это часто включает право на регулирование землепользования. Таким образом, представители местного населения могут самостоятельно принимать решения по вопросам использования диких животных (с изъятием и без изъятия), использования среды их обитания и по расходованию возможных доходов, полученных в результате этой деятельности, например, на социальные проекты. С помощью таких практик можно добиться значительных природоохранных результатов при соблюдении определенных предварительных условий. Согласно тематическим исследованиям, проводимым по всему миру, предоставление местным жителям возможности устойчиво управлять популяциями диких животных способствует сокращению браконьерства и улучшению состояния популяций управляемых видов.

На сегодняшний день в Центральной Азии существует лишь несколько примеров применения CBWM. Целью данного исследования является оценка потенциала применения CBWM для повышения эффективности усилий по сохранению отдельных видов млекопитающих, включенных в Приложения Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных (КМВ), в следующих странах центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Стороны КМВ и государства ареала Центрально-Азиатской инициативы по млекопитающим (ЦАИМ), включая целевые страны данного исследования, приняли Программу работ по инициативе на 2021–2026 годы (ПР ЦАИМ), включающую несколько мероприятий, направленных на содействие внедрению CBWM в Центральной Азии. Для этой цели были выбраны четыре вида животных и варианты CBWM подходов управления их популяциями были оценены с точки зрения их осуществимости. Варианты устойчивого использования с изъятием обсуждаются только для видов, внесенных в Приложение II КМВ. В итоге, авторы отчета выработали рекомендации в отношении политики для поддержки успешного применения этих подходов государственными органами и другими заинтересованными сторонами в регионе.

История управления популяциями диких животных в Центральной Азии

Коренные народы Центральной Азии издревле жили бок о бок с дикими животными и использовали их в своей жизнедеятельности. Археологические свидетельства, петроглифы и остатки древних охотничьих сооружений, найденные в регионе, свидетельствуют о том, что люди охотились на диких животных со времен каменного века. Помимо охоты для пропитания, дикие животные имели культурную и духовную ценность (см. раздел 1.1.1). Косвенные свидетельства многовекового сосуществования людей и больших популяций диких животных, а также фольклор коренных народов Центральной Азии указывают на то, что существовали традиции и неформальные правила, способствовавшие устойчивости охотничьих практик. В XVIII и XIX веках, когда торговля продуктами диких животных между Европой, Центральной Азией и Китаем расширилась из-за возросшего влияния Российской империи в регионе, добыча диких животных стала более интенсивной. Добыча большого количества диких животных группировками местных или иностранных охотников в коммерческих целях стала распространенной, что в итоге привело к сокращению популяций нескольких видов животных (см. раздел 1.1.2).

В советский период в странах Центральной Азии были созданы: официальное законодательство и институциональные структуры для охраны диких животных и управления их популяциями (раздел 1.1.3). Во-первых, были определены охраняемые природные территории, а списки исчезающих видов были объединены в так называемые Красные книги. Добавление какого-либо растения или животного в список Красной книги автоматически означало юридический запрет на их добычу. Была введена централизованная и контролируемая государством система управления охотой, предполагающая лишь небольшое участие местного населения. Она предполагала зональный подход к управлению и такие меры, как подсчет численности популяции, запреты на охоту, ограничения на владение оружием, закрытие границ для контроля торговли и меры по обеспечению соблюдения законодательства.

Такая система управления популяциями диких животных создала условия для восстановления некоторых видов, но в то же время привела к падению численности других видов, например, тех, которые считались вредоносными либо тех, которые подвергались чрезмерной добыче со стороны государственных учреждений. Например, к середине 20-го века наблюдался значительный рост численности сайгаков, что позволяло вести крупномасштабную коммерческую охоту на этот вид в количестве нескольких тысяч особей ежегодно. В случае других видов, таких как джейран и архар, уровни как промысловой добычи, так и браконьерства предположительно были относительно высокими, поскольку численность животных в этот период сократилась. Некоторые хищники, такие как волки и тигры, считались опасными видами и поэтому не были защищены законом или даже целенаправленно уничтожались, что привело к сокращению их численности и локальному вымиранию. И всё же главной характеристикой этого периода по отношению к управлению дикими животными является маргинализация роли местного населения в процессах управления популяциями диких животных и другими природными ресурсами - в результате десятилетий централизованного управления (см. раздел 1.2).

Распад Советского Союза и вызванный им экономический и управленческий кризис значительно затруднили исполнение любых мер по защите или управлению популяциями диких животных (раздел 1.1.4). Этот пробел в правоприменении в сочетании с экономическими проблемами и гражданскими конфликтами в некоторых частях

Центральной Азии привел к широкому распространению браконьерства. По мере того, как правительствам стран Центральной Азии удавалось преодолевать эти кризисы, вводились новые системы охраны и управления популяциями диких животных, бравших за основу элементы советской системы.

Механизмы охраны и управления популяциями диких животных, разработанные в советский период, по-прежнему сохраняются в законодательстве государств Центральной Азии (см. 1.1.3, 1.1.4 – исторический экскурс и 3.4.2 – действующее законодательство). Основные элементы законодательства об охраняемых территориях в основном остались прежними. Исчезающие или редкие виды фауны и флоры также по-прежнему занесены в Красные книги для усиления их защиты. Кроме того, некоторые страны вводили моратории на охоту на виды, не включенные в Красные книги, например, действовавший в течение многих лет мораторий на охоту на сайгака в Казахстане, а также временные запреты на охоту на любые виды в некоторых регионах Кыргызстана.

Для управления популяциями охотничьих видов диких животных во многих странах Центральной Азии используется система, основанная на территориальных единицах (см. 3.4.2). Охотничьи хозяйства закрепляются за частной организацией, которая имеет право использовать диких животных, но также обязана контролировать их использование и обеспечивать их защиту. В настоящее время коммерческие организации управляют популяциями диких животных в регионе без особого вовлечения местного населения. Например, в контексте международного трофейного охотничьего туризма на высокоценные виды, такие как баран Марко Поло и мархур, большинство охотничьих хозяйств управляются людьми, которые приезжают из городов за пределами среды обитания диких животных и преследуют коммерческие интересы. Совсем небольшое количество охотничьих хозяйств закреплены за организациями, основанными местными семьями или местными некоммерческими организациями. Частое исключение местного населения из процесса управления в значительной степени способствовало чрезмерной добыче и сокращению популяций диких животных.

Вместе с тем, однако, рассматриваются или в некоторых случаях уже были опробованы и модели, предполагающие более широкое вовлечение местного населения. Примеры применения управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM) есть в следующих странах: Таджикистан в отношении управления популяциями архара; Казахстан в отношении сайгака и; Кыргызстан, где общественные организации управляют охотничьими практиками или развивают туристическую деятельность, включая возможности наблюдения за дикими животными. Эти первые проекты по развитию инициатив CBWM в регионе способствовали сохранению популяций диких животных и положительно повлияли на развитие сельских районов, но столкнулись с трудностями.

Исследуемые виды и географический охват

Настоящее исследование посвящено вопросам управления популяциями диких животных в следующих странах: Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан и, частично, Монголия. В целях исследования были выбраны четыре вида диких животных и проведена их оценка с точки зрения потенциала и актуальности использования подходов, основанных на участии местных сообществ (CBWM), для сохранения этих видов и управления их популяциями (раздел 2.1). Критерии отбора включали: объем имеющихся знаний и данных

о виде, потенциал управления популяциями вида местным населением, существующие подходы СВWM, актуальность для региона на основании размера ареала вида и необходимость действий по усилению охраны и управления видом. Были выбраны сайгак, архар, снежный барс и бухарский олень.

Сайгак (*Saiga sp.*) — это вид копытных, обитающий в степных, полупустынных и пустынных экосистемах Центральной Азии (см. раздел 2.2.1). В Красном списке МСОП его статус ранее был оценён как вид, «находящийся на грани полного исчезновения» (Critically Endangered) и недавно пересмотрен и изменен на вид, «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (Near Threatened). Основными угрозами являются: браконьерство, вспышки заболеваний, потеря и фрагментация среды обитания (например, из-за строительства инфраструктуры) и конкуренция с домашним скотом. Популяции вида *Saiga tatarica tatarica* в Казахстане демонстрируют устойчивый рост в последние годы после рекордно низкого уровня 2000 года и значительных массовых падежей в двух популяциях в 2010 и 2015 годах. Мораторий на охоту действовал в Казахстане до 2023 года и с тех пор не продлевался. Торговля дериватами сайгака в настоящее время запрещена национальным законодательством во всех государствах ареала. В России, Монголии и Узбекистане сайгак также занесен в национальные Красные книги, что означает, что охота на него запрещена. Сайгак внесен в Приложение II Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС; «нулевая квота на экспорт диких образцов, продаваемых в коммерческих целях») и Приложение II КМВ.

Архар (*Ovis ammon*) — крупнейший вид диких баранов, занесенный в Красный список МСОП как вид, «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (см. раздел 2.2.2). Существует девять подвидов архара с различным охраняемым статусом, восемь из которых обитают в целевых странах настоящего исследования. Основные угрозы составляют браконьерство и конкуренция с домашним скотом. Поскольку систематические исследования популяции не проводятся, в большинстве целевых стран описание состояния популяций вида основывается на экспертной оценке. Согласно Красному списку МСОП, наблюдается стабилизация численности некоторых популяций или даже тенденция роста на местном уровне, но в общей сложности численность вида уменьшается. Охота запрещена во всех государствах ареала, но в некоторых странах охота в исключительных случаях все же возможна. Архар является весьма привлекательным охотничьим видом и ценится среди иностранных охотников. Трофеи архаров из Центральной Азии можно ввозить в другие страны при наличии необходимых разрешений. Вид включен в Приложение II СИТЕС, а также в Приложение II КМВ.

Снежный барс — единственный в данном исследовании хищник. В Красном списке МСОП (раздел 2.2.3) он классифицируется как «уязвимый» (Vulnerable). Его численность в целевых странах невелика, в общей сложности от 1730 до 1920 особей. Неопределенность в оценках популяции затрудняет установление тенденции, но в настоящее время она считается стабильной или близкой к положительной во многих районах, в то время как в некоторых других частях ареала распространения барса, согласно Красному списку МСОП, она отрицательна. Основными угрозами для вида являются нехватка естественной добычи, деградация среды обитания и браконьерство, а также убийство в ответ на нападение снежных барсов на домашний скот и незаконная торговля. Популяции диких копытных, которые являются естественной добычей для барса, в свою очередь, страдают от браконьерства и конкуренции за пастбища с домашним скотом. Снежные барсы находятся

под юридической защитой по всему своему ареалу и включены в Приложение I КМВ, а также в Приложение I СИТЕС.

Бухарский олень считается подвидом таримского благородного оленя, который в Красном списке МСОП оценивается как «вызывающий наименьшие опасения» (Least Concern) (раздел 2.2.4). В дикой природе осталось менее 4000 бухарских оленей, но наблюдается тенденция к росту численности. Ареал обитания ограничивается тугайными лесами в Афганистане, Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Высокая степень фрагментации и потеря подходящей среды обитания вследствие деятельности человека, а также браконьерство являются основными угрозами для бухарского оленя. Во всех государствах ареала имеется законодательство по защите бухарского оленя, и он включен как в Приложения I и II КМВ, так и в Приложение II СИТЕС.

Браконьерство представляет значительную угрозу для всех исследуемых видов, и его настоящие и исторические последствия для их популяций описаны в разделе 2.3. Привлечение местного населения к реализации подходов СВММ (наряду с укреплением существующей системы правоприменения) может потенциально помочь снизить уровень браконьерства, а также воздействие других угроз.

Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ в международной политике

Хотя люди испокон веков управляли природной средой и дикими животными, с точки зрения охраны природы внимание к подходу, основанному на участии местных сообществ (СВММ), стало расти начиная с 1980-х годов. В международном контексте подходы СВММ закреплены как в политике в области прав человека, так и в политике по сохранению биоразнообразия (см. раздел 3.2). Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о правах коренных народов и о правах фермеров и других лиц, работающих в сельских районах подчеркивают важность соблюдения прав местных сообществ.

Уроки, извлеченные из внедрения СВММ показывают, что данный подход может быть эффективным в борьбе с незаконной торговлей дикими животными и может обеспечивать устойчивость использования природных ресурсов (раздел 3.1). Важность СВММ отражена в Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программе в области биоразнообразия (КМ ГРПБ), а также нескольких решениях СИТЕС и, в резолюции 16.6 Конференции Сторон «СИТЕС и средства к существованию». Успех системы СВММ зависит от ряда факторов, включая наличие благоприятной политической среды для расширения прав и возможностей местного населения. Возвращение внимания к правам коренных народов и местного населения – в частности в КМ ГРПБ – дает надежду на то, что директивные органы и практикующие специалисты станут чаще прибегать к внедрению подходов СВММ во всех странах мира.

Примеры реализации CBWM в мире

В мире есть множество примеров успешного применения управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), и отдельные их элементы можно применить и к четырем видам в рамках настоящего исследования (см. раздел 3.3):

- 1) Ассоциация бывших охотников в Колумбии занялась мониторингом и сохранением американского крокодила и сумела вернуть популяцию к уровню, позволяющему продавать крокодиловые шкуры.
- 2) Общинные природоохранные организации в Намибии имеют право принимать решения о землепользовании и использовании диких животных на землях сообщества, получают доход от туризма и трофейной охоты. Это помогло восстановить несколько популяций диких животных.
- 3) Местному населению в Перу разрешено ловить и стричь диких викуний и продавать их шерсть. Это приносит дополнительный доход местному населению и сделало возможным восстановление популяции этого вида.
- 4) В Калимантане, Индонезия, кооперативы по охране природы осуществляют управление природными ресурсами и участвуют в мониторинге и обеспечении соблюдения законодательства. Эти меры способствуют сохранению популяций диких животных и дают местным жителям дополнительную финансовую поддержку.

Уроки, извлеченные из опыта внедрения CBWM в мире показывают, что местное население может играть важную роль в обеспечении устойчивости использования диких животных и вносить значительный вклад в сохранение находящихся под угрозой исчезновения видов. Для этого местное население должно иметь полномочия принимать собственные решения о способе устойчивого использования природных ресурсов и степени их использования, должны иметь возможность распоряжаться получаемыми выгодами, или, по крайней мере, участвовать в принятии управленческих решений. На практике это обычно достигается посредством совместного управления с участием государственных учреждений в той или иной степени. Важным условием успешного внедрения управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM) также является избыточная компенсация затрат, связанных с сохранением диких животных, извлекаемыми из этого доходами. Таким образом, сохранение животных должно быть экономически более привлекательными, чем их незаконное использование.

Вызовы и возможности для внедрения CBWM в законодательство стран Центральной Азии

Так как страны Центральной Азии, которые были частью Советского Союза, имеют общую историю, их законодательства в части охраны природы также во многом схожи (см. раздел 3.4.2). Защита исчезающих видов осуществляется путем внесения их в Красные книги, которые запрещают любую охоту. Но нерегулярность пересмотра и отсутствие стандартных процедур ограничивают эффективность Красных книг. Охрана диких животных, как правило, осуществляется путем определения находящихся под наибольшей угрозой или ценных экосистем как ООПТ. Уровень ограничений человеческой деятельности на ООПТ варьируется от полного запрета на строго охраняемых территориях до регулируемого землепользования и туризма, которые возможны для нескольких других категорий. Охота,

как правило, возможна только за пределами охраняемых территорий и управляется на основе территориального подхода.

В Центральной Азии управление популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), обычно не предусмотрено законодательством и не поддерживается государственными органами. Однако, в рамках действующего законодательства есть и возможности для развития таких подходов без изъятия объектов животного мира (например, туризм с наблюдением за дикими животными) и с изъятием (охота). В настоящее время использование диких животных без изъятия приносит небольшой доход, поскольку наблюдение за дикими животными в целевых странах исследования еще не является популярным, либо существуют другие причины. В большинстве стран Центральной Азии ООПТ управляются только государственными учреждениями, без участия местного населения. Вместе с тем, сообщества, живущие рядом с ООПТ, могут извлечь выгоду, предоставляя услуги туристам, посещающим эти зоны. В Кыргызстане, например, местное население может создавать небольшие охраняемые территории (микро-заповедники) и управлять их туристским использованием. Этот подход уже успешно применяется в нескольких регионах страны, которые наиболее доступны для приезжающих из столицы.

В Центральной Азии распространённой категорией ООПТ являются заказники. Они охватывают гораздо большие площади, чем ООПТ строгих категорий, и играют важную роль в сохранении диких животных. Заказники предназначены для временного ограничения человеческой деятельности с целью защиты определённых видов растений или животных. Однако большинство таких территорий стало постоянными ООПТ, а соблюдение ограничений часто оказывается затруднительным, что приводит к деградации экосистем и браконьерству. Альтернативный подход к управлению заказниками — это CBWM. Этот метод может усилить вовлеченность местного населения и повысить устойчивость использования природных ресурсов.

За пределами ООПТ наблюдение за дикими животными в основном не регулируется (кроме общих рекомендаций по взаимодействию с дикими животными). Местное население теоретически может разрабатывать собственные туристские предложения, включая наблюдение за дикими животными. Однако потенциал развития CBWM без изъятия ограничен рядом факторов: отсутствие туристской инфраструктуры в местах обитания диких животных, их удалённость, ограниченность навыков местного населения и недостаточное понимание потенциала этого вида туризма среди туроператоров и туристов. Поэтому для создания таких туристских предложений обычно требуется первоначальные инвестиции.

Что касается использования диких животных с их изъятием, то существующие сегодня территориальные системы управления предоставляют местному населению определенные возможности. Там, где возможна охота на диких животных, определяются охотничьи хозяйства, и их управление передается юридическому лицу. Это может быть компания, частное лицо или даже НПО, причем последнее может стать способом для местного населения получить возможность управлять популяциями диких животных. Управляющая организация (охотпользователь) обязана разработать план управления и нанять егерей для защиты диких животных от браконьерства и т. д. В рамках этой системы в Центральной Азии было создано несколько организаций, основанных на участии местных

сообществ, занимающихся охотничьим туризмом, которые оказали положительное влияние на сохранение охотничьих видов.

Однако в законодательных системах целевых стран существует несколько юридических препятствий для применения управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM). Например, управляющие охотничьими хозяйствами не имеют официальных полномочий по управлению землепользованием и, соответственно, по обеспечению того, чтобы любое землепользование на территории не наносило вреда диким животным. Кроме того, при желании и по согласованию с ответственным ведомством можно управлять таким хозяйством без проведения охоты, например, используя его только для туризма или сочетать туризм с охотой. При этом, несмотря на затраты на управление, управляющая организация не имеет исключительных прав на туристское использование территории, которую могут посещать и другие лица на бесплатной основе.

Подводя итог, можно отметить, что, хотя в действующем законодательстве уже есть возможности для развития управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM) и этот подход уже применяется отдельными инициативами, необходимо вносить законодательные изменения для улучшения существующей системы для того, чтобы дать возможность местному населению извлекать выгоду из использования диких животных, и обеспечивая их сохранение (см. разделы 3.4.1 и 3.4.2).

Примеры управления популяциями диких животных с вовлечением местного населения в Центральной Азии

Несмотря на описанные выше вызовы, в странах Центральной Азии есть примеры использования диких животных, основанных на участии местных сообществ, с изъятием животных и без (разделы 3.4.3–3.4.5). В Таджикистане и Кыргызстане несколько сообществ создали НПО, чтобы получить права на управление охотничьими хозяйствами и таким образом управлять популяциями диких животных на этих территориях для собственных нужд. Основные объекты охоты — это мархур, архар и сибирский козерог. Хотя количество клиентов небольшое и ежегодно охотятся только на несколько животных, трофейная охота на эти виды может приносить значительные доходы для местного населения; при этом популяции диких животных в данной местности растут. В Таджикистане нестабильная политическая обстановка затруднила применение подхода управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), поэтому в настоящее время он не функционирует. Однако рост популяций диких животных, наблюдавшийся во время реализации пилотных инициатив, свидетельствует об успешном применении CBWM для достижения природоохранных целей. В Казахстане сейчас тестируется подход, при котором местные НПО управляют охотничьими хозяйствами в ареале сайгаков. В некоторых хозяйствах использование с изъятием сочетается с экотуризмом, что приносит дополнительные выгоды. В Кыргызстане несколько НПО, управляющие охотничьими хозяйствами, отказались от охоты и вместо этого существуют за счет организации экскурсий для туристов. Также, с участием местного населения успешно проводились экскурсии по местам обитания сайгаков.

Осуществимость управления популяциями исследуемых видов диких животных, основанного на участии местных сообществ

Для обеспечения устойчивого использования сайгаков и мирного сосуществования людей и антилоп важно активное участие местного населения, как в туризме, так и в охоте в ареале сайгака. Развитию туризма с наблюдением за дикими животными, основанного на участии местных сообществ, могут способствовать изменения в законодательстве, а также финансовая и техническая помощь для разработки туристских предложений. В Казахстане в пилотном режиме уже были представлены туристские предложения по наблюдению за сайгаком в дикой природе. Хотя ни одно из действующих предложений не было подготовлено местными сообществами, местные жители также участвуют, предоставляя услуги туристам. Потенциал развития туризма направленный на наблюдение за сайгаками ограничен из-за удаленности их среды обитания, отсутствия инфраструктуры, переменности распределения стад и миграционного поведения. Некоторые популяции, такие как уральская и прикаспийская, а также тенгизская группировка бетпақдалинской популяции в Казахстане, являются наиболее подходящими для наблюдения. Но и там для развития туризма, в котором местное население может сыграть основную роль, требуются дополнительные инвестиции.

В настоящее время охота на сайгака не разрешается ни в одной стране ареала. В последние годы некоторые популяции сайгака в Казахстане достигли исторического максимума с начала 1950-х годов. С биологической точки зрения, устойчивое использование с изъятием животных этого вида кажется осуществимым в Казахстане. В настоящее время сайгаки охраняются государственными инспекторами. Зимой 2023/2024 года с целью снижения численности и смягчения конфликта между человеком и сайгаками возникающего вследствие ущерба, наносимого стадами сайгака сельскому хозяйству, был произведен отстрел сайгаков. Управление таким мигрирующим видом, как сайгак, представляет собой сложную задачу и требует тщательной подготовки. Успешность любой системы устойчивого использования во многом зависит от поддержки местного населения, проживающего в ареале сайгака и общества в целом. Чтобы создать чувство хозяина и положительное отношение к виду, местное население необходимо вовлечь в управление сайгаком путем прямого участия в принятии управленческих решений и путем предоставления местным сообществам возможности получения экономических выгод от использования сайгаков. Существует несколько вариантов такого вовлечения. Они рассмотрены в данном исследовании (раздел 4.1.2) и кратко изложены ниже.

1. Создание управленческих советов для каждой популяции сайгака, которые должны включать все заинтересованные стороны, в том числе представителей местного населения. Эти советы смогут принимать решения по вопросам управления, устанавливать квоты на охоту, обсуждать угрозы и природоохранные потребности. Участие местных сообществ поможет сформировать чувство хозяина.
2. Местное население может создать НПО (или ассоциации), которым будет передана ответственность за управление охотничьими хозяйствами. Такие НПО смогут использовать диких животных для собственных нужд, организовать охотничий туризм или экскурсии для наблюдения за дикими животными.
3. Разрешения на охоту для спортивных целей и для собственных нужд: Для создания ощутимых выгод для местного населения можно выделить определённое

количество разрешений на охоту для всех сообществ в ареале распространения сайгака.

4. Предоставление местным жителям субсидированного мяса сайгака, полученного в результате коммерческого промысла сайгаков.
5. Распределение доходов от коммерческого промысла сайгака.
6. Легальный сбор рогов сайгака, полученных в результате естественной смертности, для включения в общую систему управления запасами рогов и получения дополнительных доходов для местных сообществ.

Приоритетна реализация хотя бы одного из первых двух вариантов, чтобы вовлечь местное население в принятие решений, а также использовать комбинацию других мер для получения экономических выгод для местного населения. Для того чтобы сделать выбор в пользу наилучшего решения, необходимо более детально изучить опыт других регионов мира, опробовать подходящие подходы и провести мониторинг последствий, чтобы при необходимости скорректировать управление.

Эти меры могут значительно повысить заинтересованность казахстанцев в поддержке охраны сайгака и терпимом отношении к присутствию животных на используемой ими земле. Неравномерное распределение сайгаков в разные сезоны и годы приводит к неравномерному распределению затрат и возможностей получить выгоды для местных сообществ в ареале сайгака. Для создания механизмов оценки затрат от присутствия сайгака и справедливого распределения мяса, охотничьих разрешений и денежных доходов было бы полезно создать ассоциации сообществ и/или охотничьих хозяйств для каждого ареала сайгака (подробнее см. раздел 4.1.2).

Архар

Архар обладает большим потенциалом с точки зрения реализации управления им, основанного на участии местных сообществ (CBWM), которая также может столкнуться с серьезными вызовами. Этот вид может стать привлекательным элементом экотуризма и сыграть важную роль в охотничьем туризме, и обе эти деятельности могут успешно сочетаться. Наблюдение за архаром может быть экономически привлекательным вариантом в районах, где возможность охоты либо отсутствует, либо ограничена. Такие предложения особенно подходят для живописных горных экосистем, а также для мест с культурными достопримечательностями, привлекающими туристов, что делает развитие и поддержание инфраструктуры и услуг в таких местах более экономически целесообразным. Подходящими для этого могут быть территории с небольшими популяциями архаров, которые не могут быть использованы для охоты, или где охота запрещена или нежелательна.

Для популяций, где охота возможна, применение CBWM с изъятием животных также возможно и может быть экономически выгодным. В Центральной Азии местное население может получить право управлять популяциями диких животных, создав НПО, которое станет управляющей организацией охотничьего хозяйства. Если в таких хозяйствах развивать охотничий туризм, ориентированный на трофейную охоту, можно собрать значительные средства на развитие сел и охрану вида. Охота в целях пропитания или спортивная охота также возможны, но они принесут меньше выгод. Для этого необходимо создать политические и правовые условия, позволяющие передавать охотничьи хозяйства в управление НПО. В настоящее время правовая база в большинстве стран позволяет

передачу такой ответственности НПО созданным местным сообществом. Учитывая природоохранные и общественные выгоды, вытекающие из применения CBWM, например, используя модели, опробованные в Кыргызстане и Таджикистане, государственные учреждения должны способствовать внедрению данного подхода и его принятию как охотпользователями, так и обществом в целом.

Снежный барс

Сохранение снежного барса с вовлечением местного населения можно реализовать через туризм с возможностью наблюдать барса в дикой природе и охоту на кормовых видов барса. Однако, потенциал для наблюдения за снежным барсом в целевых странах ограничен из-за его редкости, удаленности мест обитания и скрытного поведения. Гарантировать туристам встречу со снежным барсом невозможно, поэтому такие наблюдения часто являются частью более широких туристских предложений. В результате только небольшая часть стоимости тура остаётся у местного населения в ареале обитания снежного барса. Тем не менее, в других странах распространения барса есть несколько успешных примеров реализации туров по наблюдению за этим животным, и следует рассмотреть возможность перенятия их опыта в местах с хорошим потенциалом для развития такого вида туризма.

Применение CBWM с добыванием копытных видов, являющихся кормовыми для снежного барса, может стать эффективным стимулом для охраны вида и его среды обитания. Это напоминает модель, успешно применяемую для архаров. Охотничьи хозяйства, управляемые местной НПО, могут поддерживать популяции диких копытных, а следовательно, и снежных барсов. Доходы от охоты на копытных могут поступать в распоряжение местных сообществ, что будет способствовать их позитивному отношению к охране этого вида. Опыт применения управления популяциями диких копытных, кормовых для снежного барса, основанного на участии местных сообществ (CBWM), показывает, что увеличение доступности кормовых видов на определенной территории ведет к росту численности снежных барсов. Однако рост популяции барса может привести к учащению случаев нападений снежных барсов на скот. Поэтому важно принимать меры по снижению конфликтов между человеком и снежным барсом, например, устанавливая загоны, в которые не может проникнуть хищник и страховать скот. Эти меры уже применяются в некоторых районах ареала снежного барса и способствуют улучшению сохранения вида (см. раздел 4.3).

Бухарский олень

Законодательство по защите бухарского оленя в настоящее время допускает только использование без изъятия животных, что может быть привлекательным для местного населения, проживающего на территории ООПТ и вокруг них. Наблюдения за бухарским оленем в дикой природе, учитывая его сходство с другими видами оленей, вряд ли будут очень привлекательными для туристов сами по себе и могут выступать лишь дополнительным источником дохода. Бухарский олень, обитающий в живописных местах, может стать одним из объектов наблюдения в рамках туров по диким животным

Центральной Азии. Такие туры будут особенно привлекательны, если сочетать их с посещением культурных достопримечательностей.

Если национальное и международное законодательство и статус бухарского оленя изменятся в сторону послабления охраны, охота может стать возможной. В некоторых частях его ареала, особенно в Узбекистане, численность бухарского оленя превысила кормовую ёмкость имеющейся в настоящее время среды обитания. Распространение оленей за пределами ООПТ вызывает конфликты с местными землепользователями, которые все чаще воспринимают оленей как вредителей. Для решения этой проблемы можно применить управление популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), и позволить местному населению извлекать выгоду из присутствия этих животных. На бухарского оленя можно охотиться ради оленины, если целью является регулирование популяции. Это может быть полезно на некоторых перенаселенных оленями территориях, особенно в Узбекистане. Трофейная охота также может быть экономически привлекательным вариантом. CBWM может быть реализовано посредством закрепления охотничьих хозяйств за местными общественными организациями. Существуют и другие способы вовлечения местных сообществ, как в случае с сайгаком. Например, местным жителям можно выдавать разрешения на охоту в существующих охотничьих хозяйствах и делиться мясом оленя с ними. Это поможет создать положительное отношение к бухарскому оленю и усилить его охрану. Поскольку бухарский олень страдает от потери и деградации среды обитания, доходы от любого вида устойчивого использования должны направляться на восстановление этих мест. Это принесло бы пользу не только самому виду, но и другим эндемичным видам региона (см. раздел 4.4).

Рекомендации в отношении политики

Как показывает настоящее исследование четырех видов, применение в Центральной Азии методов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), может принести значительную пользу как для сохранения находящихся под угрозой видов вне государственных ООПТ, так и для местного населения. Создание у местных сообществ чувства хозяина и предоставление им возможностей для извлечения выгод из существования диких животных могут помочь решить существующие конфликты, улучшить статус сохранения диких животных и одновременно повысить уровень жизни в этих сообществах. В заключение исследование предлагает рекомендации по расширению применения CBWM в странах Центральной Азии. Эти рекомендации предназначены для государственных органов, представителей Сторон Конвенций ООН и других заинтересованных сторон (см. раздел 5).

Общие рекомендации по применению СВМ целевым государствам данного исследования (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан)

- При принятии решений учитывать экономические выгоды от СВМ в качестве стимула для улучшения сохранения диких животных и их мест обитания, а также в качестве вклада в развитие сельских районов.
- Рассматривать устойчивое использование с изъятием как меру сохранения диких животных и принимать решения о его применении на основе достоверных научных данных.
- Привести процедуры оценки видов для занесения в Красные Книги в соответствии с руководящими принципами Международного союза охраны природы (МСОП).
- Рассмотреть возможность разрешения ограниченной охоты на отдельные виды животных, занесенные в Красную книгу, если есть доказательства того, что это будет способствовать их сохранению.
- Пересмотреть действующие нормативные акты, чтобы установить запреты на охоту только для видов, которым угрожает законная охота. В частности, отдавать предпочтение более эффективному регулированию охоты и рассмотреть возможность отмены существующих запретов на охоту, которые противоречат природоохранным нуждам и подходам управления, основанным на участии местных сообществ (СВМ).
- Рассмотреть возможность изменения законодательства о заказниках и подобных территориях, чтобы: 1) разрешить устойчивое изъятие целевых видов, например, с помощью подхода, основанного на участии местных сообществ (СВМ) и 2) гарантировать, что любое землепользование на территории таких ООПТ не наносит вреда диким животным.
- Поощрять создание некоммерческих НПО на уровне местных сообществ в качестве организаций, занимающихся управлением популяциями диких животных и их сохранением.
- Поощрять и поддерживать управление охотничьими хозяйствами некоммерческими общественными организациями в качестве взаимодополняющего подхода к хозяйствам, управляемым коммерческими компаниями.
- Пересмотреть законодательство и административные практики и внести в них необходимые изменения, чтобы облегчить закрепление охотничьих хозяйств за НПО, созданными местными сообществами.
- Где это уместно, рассмотреть возможность снижения уровня денежной ответственности некоммерческих охотпользователей за браконьерство, совершенное на их территории посторонними лицами.
- Проанализировать существующие и создать новые охотничьи хозяйства, убедившись, что эти хозяйства имеют достаточный размер для управления популяциями видов диких животных, принимая во внимание границы земель местных сообществ, административные единицы и топографические особенности.
- Поощрять создание ассоциаций охотничьих хозяйств для управления популяциями видов диких животных с широким ареалом распространения.
- Внести изменения в законодательство об использовании диких животных без изъятия, предоставив субъектам управления охотничьими хозяйствами

исключительные права на предоставление туристских услуг на территории этих хозяйств.

- Разработать и внедрить государственные программы финансирования для поддержки создания туристических предложений, связанных с дикими животными в странах Центральной Азии.
- Предоставлять обучение и финансовую поддержку местному населению для поддержки развития экологически безопасного туристского бизнеса по наблюдению за дикими животными.
- Рассматривать охраняемые природные территории, управляемые частными лицами, в качестве одного из способов достижения целей по сохранению территорий Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы КБР в области биоразнообразия (цель «30 на 30»).
- Внести изменения в законодательство, разрешив создание частных охраняемых природных территорий, где популяции диких животных и землепользование должны управляться организацией, отвечающей за эту территорию.
- Выявить и устранить препятствия для управления охраняемыми природными территориями некоммерческими организациями.

Рекомендации Сторонам Конвенций ООН и относительно участия МСОП

Сторонам КМВ

- Полностью реализовать мероприятия, связанные с СВММ, предусмотренные Программой работ ЦАИМ и Международным планом действий по сохранению архара.
- Оценить потенциал подходов к экотуризму и охотничьему туризму, основанных на участии местных сообществ для улучшения охраны мигрирующих видов и их местообитаний в Центральной Азии, а также за ее пределами, и включить СВММ в соответствующие инструменты КМВ.
- Оценить опыт других конвенций (например, Конвенции о викунье и других соответствующих политических механизмов) в решении проблемы конкуренции за пастбища как угрозы для мигрирующих видов в Центральной Азии (см. раздел 3.3.3).
- Предложить Секретариату КМВ провести мероприятия по наращиванию потенциала для информирования лиц, принимающих решения, о подходах СВММ, их преимуществах, связанных с ними рисках и предпосылках успеха.
- Сторонам, являющимся Странами ареала бухарского оленя, рассмотреть возможность исключения бухарского оленя из Приложения I к КМВ и сохранения его только в Приложении II в соответствии с критериями включения видов и текущим природоохранным статусом подвида, например, чтобы сделать возможным в будущем внедрение СВММ с использованием, включающим добывание.

Сторонам СИТЕС

- Рассмотреть возможность внесения предложения об отмене действующей аннотации о нулевой квоте СИТЕС на экспорт образцов сайгака, присходящих из дикой природы, торгуемых в коммерческих целях, и запросить консультационную поддержку Секретариата СИТЕС о процедуре, необходимой для этого.

Касательно МСОП

- Группе специалистов по устойчивому использованию и жизнеобеспечению и Группам специалистов Комиссии по выживанию видов МСОП продолжать оказывать техническую поддержку государствам ареала ЦАИМ по подходам CBWM.
- Группе специалистов по оленям Комиссии по выживанию видов МСОП - пересмотреть оценку бухарского оленя в Красном списке МСОП для обоснования разработки мер по сохранению и управлению.
- Государствам ареала ЦАИМ рассмотреть возможность привлечения Группы специалистов по конфликтам и сосуществованию человека и диких животных Комиссии по выживанию видов МСОП для получения консультаций по управлению конфликтами между человеком и дикими животными в Центральной Азии.

Рекомендации государствам ареала в отношении каждого исследуемого вида

Сайгак

- В различных конкретных местах оценить целесообразность развития экологического туризма, включающего наблюдение за сайгаками, основанного на участии местного населения, и в наиболее перспективных местах – оказать поддержку развитию соответствующего бизнеса.
- Создать общественные управленческие советы для каждой популяции сайгаков с участием представителей всех соответствующих заинтересованных сторон, которые будут принимать решения по таким вопросам управления, как устойчивое использование, мониторинг и устранение угроз.
- Рассмотреть возможность развития трофейного охотничьего туризма в качестве источника дохода для охотничьих хозяйств в ареале обитания сайгака, особенно для тех, которые закреплены за организациями, созданными местными жителями.
- Если на сайгаков ведется крупномасштабная промысловая охота, предоставить определенное количество разрешений на охоту для собственных нужд местным сообществам в пределах ареала сайгака, чтобы позволить им добывать сайгаков в нескольких специально выбранных охотничьих хозяйствах, где сайгаки держатся в сезон охоты.
- В случае крупномасштабного промысла сайгака, рассмотреть возможность предоставления местному населению субсидированного мяса в качестве легко реализуемого механизма распределения выгод.
- Перераспределять часть денежных доходов от будущего крупномасштабного промысла сайгака в пользу охотничьих хозяйств и местных сообществ посредством четко определенного и прозрачного механизма распределения.
- Рассмотреть возможность создания фонда для поддержки местного населения, который будет получать долю доходов от промысла сайгака и торговли его продукцией, и распределять эти средства по местным сообществам.
- Создать механизмы контроля и пункты сбора рогов животных, погибших естественной смертью.
- Разрешить сбор рогов сайгака, полученных в результате естественной смертности животных, при условии эффективного контроля, чтобы увеличить выгоды для местного населения.
- Внедрить адаптивное управление популяциями сайгака на основе надежного и всестороннего мониторинга популяции.

- Установить эффективные механизмы управления запасами рогов сайгака, включая их маркировку и регистрацию.
- Координировать с другими странами ареала все меры по подготовке международной торговли продукцией из сайгака.
- Разработать предложение об отмене аннотации о нулевой квоте на коммерческую торговлю дериватами сайгака, происходящими из дикой природы, в Приложении СИТЕС и добиваться его одобрения Конференцией Сторон СИТЕС, основываясь на проверенных механизмах эффективного контроля за законной добычей и торговлей, а также предотвращения незаконной торговли и легализации нелегально добытых рогов сайгака.

Архар

- Поддерживать разработку туристских предложений по наблюдению за дикими животными (включая архаров), основанных на участии местных сообществ, посредством первоначальных инвестиций и помощи в разработке и продвижении туристского продукта, обеспечивая таким образом связь между выгодами и природоохранными усилиями.
- Для использования с добыванием животных выделять организациям, созданным местным населением, подходящие территории, потенциально пригодные для управления популяциями архаров.
- Выделять охотничьи квоты для созданных местным населением, юридических лиц, управляющих охотничьими хозяйствами, когда численность архаров в этих хозяйствах достигнет установленных пороговых значений.

Снежный барс

- Оказывать финансовую и техническую поддержку для применения мер по смягчению конфликтов между человеком и дикими животными в ареале снежного барса.
- Рассмотреть возможность создания частных охраняемых природных территорий и развития туризма, основанного на участии местных сообществ, в целях содействия сохранению местообитаний снежного барса.
- Рассмотреть возможность использования подходов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM) с добыванием в отношении видов, которые служат кормовой базой снежного барса (козерог, мархур, архар и т. д.), для поддержки сохранения природы;
- Предоставлять охотпользователям в (потенциальном) ареале снежного барса ограниченные квоты для охоты на старых самцов тех видов копытных, которые являются кормовой базой для снежного барса, в соответствии с научными стандартами, чтобы не нанести вред популяции.
- Разрешать ограниченную местную охоту на копытных, являющихся кормовыми ресурсами снежного барса только на территориях с высокой плотностью популяции этих видов.
- Разрешить организациям, управляющим охотничьими хозяйствами долгосрочно или на короткое время арендовать пастбища, чтобы влиять на землепользование ради благополучия видов, являющихся кормовой базой снежного барса.

Бухарский олень

- Поддерживать развитие экологического туризма, основанного на наблюдениях за бухарскими оленями в их естественной среде обитания, с вовлечением местного населения.
- Рассмотреть необходимые законодательные изменения, разрешающие охоту на бухарского оленя, в случае исключения его из Приложения I КМВ: например, исключение вида из Красных книг, прозрачные процедуры установления квот и получения разрешений.
- Рассмотреть СВММ с трофейной охотой на одиночных самцов в популяциях, насчитывающих не менее 100 учтенных животных и достаточную долю взрослых особей.
- Рассмотреть возможность любительской охоты и охоты ради оленины, особенно там, где сокращение численности популяции желательно для предотвращения деградации местообитаний.
- Вовлечь местные сообщества в управление популяциями бухарского оленя для пилотного внедрения СВММ с перспективой будущего использования с добыванием животных или, по крайней мере, получения местным населением своей доли выгод от охоты.
- Не допускать организации вольерного разведения бухарского оленя.
- Создать новые охотничьи хозяйства с перспективой использования бухарского оленя за пределами охраняемых территорий в будущем.
- Рассмотреть возможности использования подходов СВММ в качестве вклада в сохранение и восстановление местообитаний бухарского оленя.

Список сокращений

АСБК	–	Казахстанская ассоциация сохранения биоразнообразия
ГБАО	–	Горно-Бадахшанская автономная область
КНМС	–	Коренные народы и местное население
КМ ГРПБ	–	Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа по сохранению биоразнообразия
КМВ	–	Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных
НПО	–	Неправительственная организация
ОО	–	Общественная организация
СИТЕС	–	Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения.
ЦАИМ	–	Центрально-Азиатская инициатива по млекопитающим
ЧМЖ	–	Чума мелких жвачных животных
<hr/>		
ANCOT	–	Ассоциация природоохранных организаций Таджикистана
BfN	–	Федеральное агентство по охране природы Германии (Bundesamt für Naturschutz, BfN)
CBC	–	Сохранение природы с вовлечением местного населения
CBNRM	–	Управление природными ресурсами с вовлечением местного населения
CBWM	–	Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ
CIC	–	Международный совет по охоте и охране животного мира.
FZS	–	Франкфуртское зоологическое общество
GIZ	–	Германское общество по международному сотрудничеству.
ICCA	–	Территории, охраняемые коренными народами и местным населением
NABU	–	Германский Союз охраны природы и биоразнообразия.
OECM	–	Другие эффективные меры сохранения территорий
WCS	–	Общество охраны дикой природы.
WWF	–	Всемирный фонд дикой природы.

Введение

В последние десятилетия численность, видовое разнообразие и размеры ареалов крупных диких млекопитающих быстро сокращаются. В то же время, численность человеческого населения и домашнего скота неуклонно растут. В мировом масштабе суммарная численность диких животных с 1970 по 2018 год сократилась, в среднем, на 69% (WWF, 2022). По состоянию на 2015 год, 96% биомассы млекопитающих в мире составляли люди и домашний скот, а все остальные наземные и морские млекопитающие – лишь 2% (Bar-On et al., 2018; Ritchie & Roser, 2021). Последние авторы показали также, что крупные и средние млекопитающие особенно угрожаемы, или даже оказываются на пути к исчезновению, вследствие чрезмерной охоты, браконьерства и вытеснения скотом. Центральная Азия не является исключением из этой мировой тенденции. Например, Бергер с соавторами (Berger et al., 2013) обнаружили, что в семи исследованных ими районах Монголии, Индии и Тибетского плато (Китай) биомасса диких копытных составляет менее 5% от биомассы домашних животных. В этих районах наблюдается сильная корреляция между сокращением численности диких животных и ростом поголовья кашемировых коз, вызванным мировым спросом на их пух. В большинстве регионов Центральной Азии дикие копытные и хищные млекопитающие существуют во фрагментированных анклавах местообитаний и с гораздо меньшей численностью, чем исторически было свойственно их популяциям. Это верно даже для видов, к которым родственные или экологически близкие виды хорошо себя чувствуют в других частях мира, например, в Европе или Северной Америке – для таких, как, например, марал *Cervus canadensis*, бухарский олень *Cervus hanglu bactrianus*, сибирская косуля *Capreolus pygargus* или архар *Ovis ammon*. Но и напротив, есть примеры стабильных и восстанавливающихся популяций диких животных в Центральной Азии, таких как сайгак *Saiga tatarica* в Казахстане, мархур *Capra falconeri* в Таджикистане, несколько локальных популяций сибирского козерога (сибирского горного козла) *Capra sibirica* и архара *Ovis ammon*. Большие популяции диких копытных, типа этих, также помогают сохранению хищников, например снежного барса *Panthera uncia* (напр., Kachel et al., 2016, Suryawanshi et al., 2021), и падальщиков, таких как грифы и орлы (последние питаются падалью преимущественно во время миграций).

В Центральной Азии земли используются для скотоводства даже в пределах охраняемых территорий, за исключением природных заповедников (категория I МСОП) и строго охраняемых зон других ООПТ как заповедных зон национальных парков (категория II МСОП). Однако площадь ООПТ обычно недостаточна для обитания диких копытных и крупных хищников, которым необходимы обширные территории. К тому же существующие запреты на использование земель для скотоводства часто не соблюдаются. В дополнение к этому, местообитания диких животных деградируют и фрагментируются вследствие других антропогенных воздействий, таких как расширение населенных пунктов, строительство линейной инфраструктуры, добыча природных ископаемых. Поэтому охрану диких животных необходимо, хотя бы в некоторой степени, интегрировать в ландшафты, используемые людьми. В таких ландшафтах сосуществование людей и крупных млекопитающих, как правило, затрудняется конкуренцией за ресурсы (пастбища и воду), браконьерством и конфликтами между человеком и дикими животными, особенно в случаях, когда численность диких животных восстановлена. Когда браконьеры охотятся на крупных млекопитающих, терпимость последних к присутствию людей, домашнего скота и

соответствующей инфраструктуры снижается, и, таким образом, доступная животным территория значительно сокращается.

Достичь сосуществования людей и крупных млекопитающих, в частности – отсутствия браконьерства и терпимости к некоторому воздействию диких животных на использование земель, более вероятно при условии, что местные землепользователи чувствуют себя хозяевами дикой природы и получают ощутимые выгоды от ее существования. Опыт из разных уголков мира, включая Центральную Азию, показывает, что управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM), может стать действенным инструментом для восстановления и сохранения популяций крупных млекопитающих, снижения конфликтов между людьми и дикими животными, а также для улучшения благосостояния отдельных людей и целых сообществ (например: Ostrom, 1990; Murphree, 1993; Cooney et al., 2016; Cooney et al., 2018).

Данное исследование посвящено возможностям и проблемам применения в Центральной Азии методов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), с учетом исторических особенностей региона и мирового опыта использования такого управления. Для целей этого исследования под «сообществами» понимаются как общины коренных народов, обладающих своими уникальными характеристиками и международно признанными правами, так и местные сообщества некоренного населения, проживающие вблизи мест обитания диких животных. Тех и других часто называют «местным населением» или «сообществами» в масштабе локальных территорий, а в более широком масштабе и для целей международной политики используется понятие «коренные народы и местное население» (КНМС).

Настоящее исследование было подготовлено в рамках Центрально-Азиатской инициативы по млекопитающим (ЦАИМ, САМІ) Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных (КМВ). ЦАИМ имеет широкий географический охват и включает множество видов диких животных, но в данной работе рассматриваются только некоторые из этих стран и видов. Основное внимание уделяется четырем странам Центральной Азии, в прошлом входившим в состав Советского Союза, а именно Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану. В этих странах управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM), уже было опробовано либо соответствующие Стороны КМВ выразили интерес к такому подходу. Также, в зависимости от наличия актуальной информации, некоторые аспекты рассматриваются и для соседних стран, таких как Монголия. Исследование сосредоточено на четырех видах млекопитающих, входящих в ЦАИМ, для которых доступна достаточная информация о статусе популяций, их использовании и охране. Они особенно удобны для разговора об управлении популяциями, основанном на участии местных сообществ, поскольку встречаются в достаточном количестве, нуждаются в сохранении и имеют большой потенциал для использования как без изъятия, так и с изъятием. Эти выбранные виды: сайгак, архар, снежный барс и бухарский олень. Конкретная ситуация для каждого из них специфична, и это позволяет исследовать разные возможности развития CBWM и расширяет рамки исследования. Также учитывается опыт применения управления, основанного на участии местных сообществ для других видов, а равно и потенциал интеграции устойчивого использования других видов с управлением целевыми видами.

Некоторые вопросы, затронутые в исследовании, являются чувствительными, и не лишены противоречивости. Например, трудно точно отследить и зафиксировать масштабы незаконной охоты. Официальные данные о зафиксированных случаях браконьерства часто

трудно получить, и они не всегда отражают реальную картину. Поэтому в исследовании частично использована неофициальная информация, источники которой не могут быть раскрыты для защиты конфиденциальности информаторов. Масштабы браконьерства можно частично оценить по данным о популяциях животных и их поведению. Поскольку в регионе мало опубликованных актуальных материалов, авторам пришлось опираться на личные наблюдения и опыт своих контактных лиц. Это также связано с ограниченным количеством публикаций о пилотных проектах по управлению популяциями диких животных с вовлечением местного населения в Центральной Азии. Обзор текущего использования целевых видов и практики управления их популяциями, а также анализ проблем и препятствий для применения подходов, основанных на участии местных сообществ, должны помочь более эффективному вовлечению местного населения региона в охрану и управление популяциями диких животных, возрождая при этом местные традиции. Однако, некоторые примеры и вызовы, обсуждаемые в исследовании, могут быть политически чувствительными и способны привести к негативным последствиям как для вовлеченных людей, так и для политического восприятия предлагаемого подхода в целом. Поэтому авторам пришлось проявить предельную осторожность, в некоторых случаях не полностью раскрывая детали конкретных ситуаций и приводя не все источники информации.

1. Историческая роль и подходы к управлению популяциями диких животных в Центральной Азии

1.1 Общая информация об управлении популяциями диких животных

В разделе представлена информация об истории управления популяциями диких животных в Центральной Азии с древнейших времен до постсоветского периода. Приводятся сведения об обычаях коренных народов Центральной Азии, описывается интенсификация использования, начиная с XVIII века, охрана природы и управление животным миром в советский период, а также последствия распада Советского Союза для популяций диких животных и управления ими в регионе.

1.1.1 Использование диких животных в древние времена

Охота на диких животных играла важную роль в жизни человека с доисторических времен (Kean & Howell, 2018). В течение палеолита, особенно во второй половине этого периода, коллективная охота на крупных млекопитающих была важнейшим занятием древних людей (Blank & Li, 2021). В Центральной Азии археологические находки мезолита и неолита включают множество наконечников стрел. В одной из пещер в отрогах Гиссарского хребта (Узбекистан и Таджикистан) были найдены охотничьи инструменты и многочисленные фрагменты костей животных, добытых неандертальцами (150–40 тыс. лет до нашей эры). Среди этих животных были сибирский козерог, дикие лошади *Equus ferus*, маралы и другие (Blank & Li, 2021). Изобретение лука со стрелами и начало применения на охоте собак, что произошло в неолитический период, упростили охоту даже на таких быстрых и осторожных животных, как сайгак и джейран *Gazella subgutturosa* (Blank & Li, 2021).

Охота на диких животных имела также духовное и культурное значение. В 1958 г. археолог А. П. Окладников обнаружил в пещере Тешик-Таш (Кыргызстан) доисторическое захоронение, в котором рога сибирского горного козла были размещены вокруг человеческого скелета (Маанаев и др., 2015). Похожие традиции сохранились и до наших дней: в некоторых регионах Центральной Азии дикие копытные до сих пор считаются священными, их рога и черепа часто размещаются на святых местах, старинных захоронениях выдающихся личностей, на кладбищах, на видных местах у входа во двор или дом (Рисунок 1) (собственные наблюдения Ш. Михеля и Х. Каримова).

Еще одним источником информации о взаимодействиях древних людей и диких животных являются петроглифы. Они датируются разными периодами, самые ранние относятся к бронзовому веку. На многих петроглифах можно увидеть диких парнокопытных, таких как сибирский горный козел, дикие бараны и олени. Некоторые петроглифы показывают сцены охоты с использованием луков и стрел, а иногда и охотничьих собак (Рисунок 2). Эти изображения помогают понять, как развивались охотничьи методы и какие технологии использовались в древности. Например, петроглифы Саймалуу-Таш в Кыргызстане, показывающие сцены охоты, датируются скифо-сакским (VIII - III вв. до н. э.) периодом (Tashbaeva et al., 2001). Аналогичные сцены охоты изображают петроглифы, оставленные древними енисейскими кыргызами (Евтюха, 1948).

Рисунок 1: Черепа и рога сибирского горного козла и барана Марко Поло, выставленные в мазаре (святое место) в Вахане (Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан). Фото: Ш. Михель

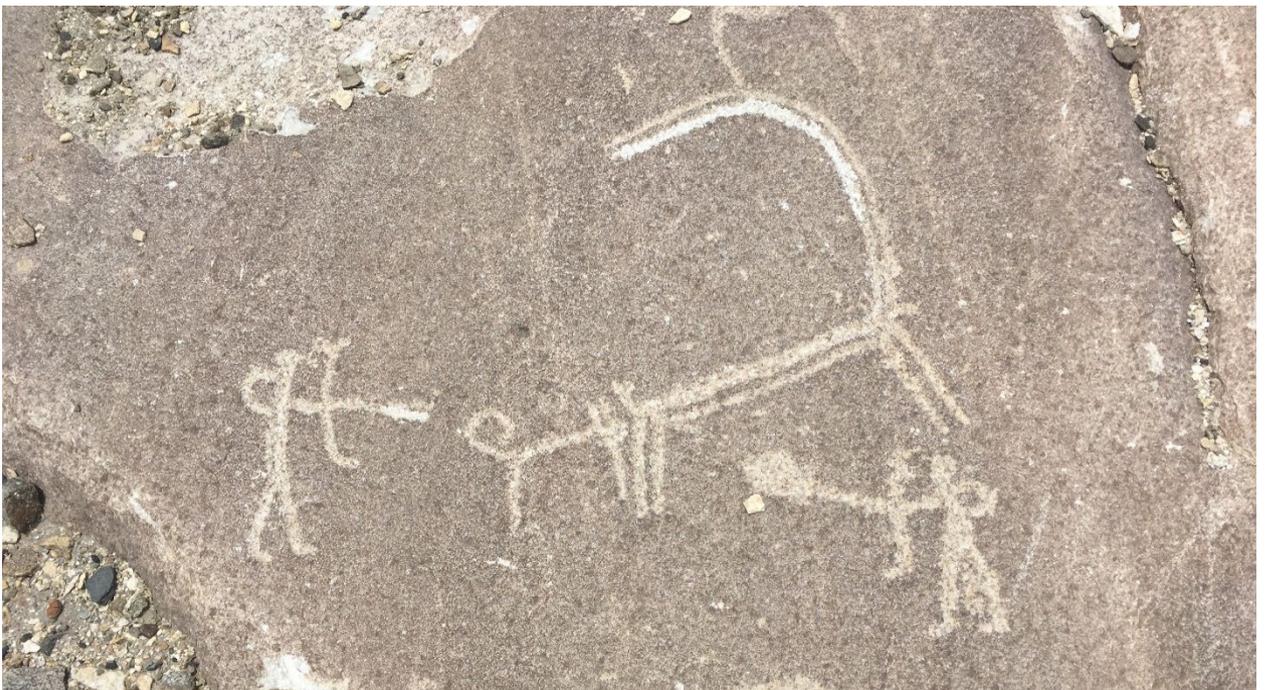

Рисунок 2: Петроглифы со сценой охоты, где видно использование лука со стрелами и охотничьей собаки. Лянгар, Вахан, Таджикистан. Фото: Thieme.

Для охоты на диких животных были предназначены и древние «стреловидные планировки» – системы каменных стенок на плато Устюрт в Казахстане и Узбекистане, более известные как "араны", а в английском языке – "воздушные змеи пустыни" (desert kite; Рисунок 3; Crassard et al., 2022). Эти сооружения располагались в разных местах на плато и по его краям (чинкам), и служили ловушками для стад диких копытных. Охотники могли направлять животных в эти ловушки, используя обрыв чинка как естественный барьер. Животные загонялись в сужающийся коридор, образованный каменными стенками, который приводил их в загон с ловчими ямами (Рисунок 4).

На Устюрте древнейшие араны предшествуют погребениям V-II веков до н.э. Наличие керамики или других артефактов позволяет предположить, что эти сооружения впервые появляются примерно в IV–II веках до нашей эры, а самые поздние датируются XIII-XIV вв. н. э. Но еще не так давно, по этнографическим сообщениям 1920-х гг., "каменные сооружения с глубокими рвами" использовались для охоты на "куланов, диких лошадей и антилоп" (Amirov et al., 2015). Описания охоты с помощью таких конструкций известны и для XIX века. Объектами этой охоты были сайгаки, джейраны и устюртские уриалы (*Ovis vignei arkal*) (Amirov et al., 2015), а также дикие непарнокопытные, ныне исчезнувшие в регионе. Многовековая история использования этих конструкций, охватывающая, возможно, более двух тысячелетий, говорит о том, что основные охотничьи животные на протяжении долгого времени сохраняли достаточно высокую численность, несмотря на то, что араны были предназначены и фактически использовались для их массового истребления (Деом, Сала, 2009).

Рисунок 3: Араны – стреловидные планировки для загонной охоты на Устюрте. Фото: Ш. Михель.

Рисунок 4: Каменная стенка - фрагмент арана - сооружения для загона диких животных в ловушку. Фото: Ш. Михель.

Фольклор коренных народов Центральной Азии также отражает взаимоотношения человека с дикими животными. Примерами могут служить казахские легенды об Аксакулане и Аксак-киике, кыргызская легенда о Кожожаше и другие. В некоторых историях проводится четкая грань между нравственным и безнравственным поведением по отношению к животным, в других – видны элементы правил охоты, направленных на обеспечение устойчивости охотничьего промысла.

Так, кыргызская легенда повествует об искусном охотнике по имени Кожожаш, который убивает всю семью дикой козы Кайберен. Кайберен просит охотника не убивать её и Алабаша, отца её детёнышей, чтобы она могла родить новое потомство. Несмотря на это, Кожожаш убивает Алабаша. Тогда Кайберен заманивает охотника в сложный и запутанный скальный лабиринт, из которого он не может выбраться, и таким образом наказывает его (Айтраева, 2006). Подобные легенды, а также песни и стихи, иллюстрирующие правила древней охоты, часто можно услышать в сельских районах Центральной Азии.

В других древних сказаниях этого региона упоминаются ограничения на количество животных, которое охотник может убить за сезон или даже за всю жизнь. В этих историях нарушение правил, которые могут включать также запрет на убийство беременных самок или самок, при которых есть детёныши, приводит к наказанию нарушителя сверхъестественными силами (по сообщениям традиционных охотников из Кыргызстана и Таджикистана Ш. Михелю). Таким образом, народные сказки косвенно подтверждают

существование традиционных правил охоты, которые диктуют моральное поведение или ограничивают охоту для обеспечения устойчивости промысла.

1.1.2 С XVII по XIX век

В XVII в. охота была важной частью жизни людей в Центральной Азии, так как продукты диких животных широко использовались. Например, шкуры применялись для изготовления одежды, обуви и фляг (Blank & Li, 2021). На охоте использовали лошадей, собак, хищных птиц, таких как беркут *Aquila chrysaetos* и соколы. Также применялись различные охотничьи инструменты, такие как сети и ловушки. Для массового добывания быстрых животных существовали и другие методы. В сообщениях XVIII века упоминаются хорошо развитые практики групповой охоты на сайгаков. Банников (Bannikov, 1963) описывает один из таких методов, позволявший добыть сразу много антилоп: две земляные стены строились под углом друг к другу, в форме воронки, в ее узком конце в землю наклонно втыкались заостренные на концах стебли тростника, длиной около 70 см. Сайгаков загоняли в эту воронку, они добежали до щетки острых тростников, ранились о них, и в итоге погибали. Также использовались такие методы, как выгон животных на лёд или устройство ловчих ям на водопоях.

С XVII по начало XX в. возрастало значение пушного промысла с целью торговли мехами, особенно в Казахстане. На копытных охотились ради мяса, а на благородных оленей (марал, бухарский олень) и сайгаков – также ради рогов. В результате естественные ареалы и численность многих копытных и пушных зверей существенно сократились, но первые попытки ввести охотничье законодательство не смогли изменить эту ситуацию (Blank & Li, 2021).

Некоторые правила и верования из народных преданий Центральной Азии, уходящие корнями в древность, оставались актуальными и до недавнего времени, а в некоторых удалённых районах до сих пор применяются местными охотниками. Такие неформальные правила, по всей видимости помогали обеспечить устойчивость охоты на диких животных (как говорилось в разделе 1.1.1). Например, местный житель и бывший охотник из деревни в долине Шахдара (Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан) рассказал, что в досоветское время в каждой деревне был только один или несколько охотников. Они охотились только в определённых районах, снабжали мясом местное население и следили за тем, чтобы популяция сибирских козерогов не истощалась (Наврузшоев, личн. сообщение, 2005).

В XIX - начале XX вв. интенсивная охота на диких копытных привела к значительному сокращению их популяций и исчезновению некоторых видов в регионе. Это было связано с расширением Российской империи в Центральной Азии, что обусловило интенсификацию использования природных ресурсов и расширение торговли между Россией, Европой, Центральной Азией и Китаем. По мере развития торговли увеличивался спрос на продукцию из диких животных, что, в свою очередь, оборачивалось увеличением пресса охоты (Blank & Li, 2021). Основная цель охоты сместилась с удовлетворения собственных потребностей домохозяйств на производство товаров для торговли, вместе с этим распространялись и более современные методы охоты. Тогда же в Российской империи начали появляться первые охраняемые природные территории, организованные частными землевладельцами либо государством (Попов, 2020), однако эти меры не могли

предотвратить негативные последствия интенсивной охоты на виды, добываемые для торговли. Кулан исчез на большей части своего ареала в конце XIX – начале XX века, ещё раньше вымерла дикая лошадь (Гептнер и др., 1961). Из-за перепромысла резко сократилась численность сайгаков – с конца XVIII века на западе их ареала, в XIX веке по всему ареалу (Соколов, Жирнов, 1998).

В отношении сайгаков основной движущей силой этого процесса был, по всей видимости, рост спроса на рога и вовлечение в промысел уральских казаков (Blank & Li, 2021). Сайгачьи рога скупали купцы и продавали их по высоким ценам в Китай. Например, в период 1840-1850 гг. бухарскими и хивинскими купцами продано в Китай 344747 пар рогов сайгаков, что иллюстрирует масштабы охоты на этих животных в то время (Bannikov, 1963). Некоторые виды, такие как тарпан, вымерли полностью, другие, как бобры, исчезли в отдельных регионах. В целом, предпочитаемыми объектами охоты в то время были пушные звери, и их численность значительно сократилась, в частности, это относится к волку, лисице и выдре (Blank & Li, 2021). Однако, поскольку никакого мониторинга диких животных не существовало, какой была судьба многих других видов, встречающихся в регионе, и как на них повлияла охота – неизвестно.

1.1.3 Советский период

Как описано в предыдущем разделе, в конце XIX – начале XX века дикие животные Центральной Азии находились под прессом интенсивной охоты. Сайгаков это привело к порогу вымирания, другие парнокопытные, такие как джейран и горные бараны (*Ovis spp.*), а также несколько видов хищных, сократились в численности или исчезли в отдельных регионах. В ответ на это, в начале советского периода власти начали разрабатывать законодательство для регулирования охотничьего хозяйства. Был введен запрет массового истребления животных и использования ядов, создавались охраняемые природные территории. Однако, вместе с этим, власть поощряла и инициировала уничтожение «вредных» животных, к которым относились тигр, снежный барс, медведь, волк и другие хищники, а также хищные птицы. Это привело к снижению численности таких животных и даже к исчезновению, например, туранского тигра (*Panthera tigris tulliana*) (Blank & Li, 2021).

Именно в советский период в Центральную Азию привнесена концепция особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Советская система ООПТ первоначально включала только две категории: заповедники — строго охраняемые природные территории, где любые виды человеческой деятельности, кроме научных исследований, были запрещены, и заказники — территории с временными ограничениями хозяйственной деятельности с целью сохранения природы. Позже добавились еще национальные парки, где допускались туризм и экологическое просвещение в комбинации с запретом любой другой деятельности.

В течение советского времени в Центральной Азии было создано более тридцати заповедников. Первые из них появились в 1920-1930-е гг., как Аксу-Жаблаглы, Барсакельмес и Тигровая балка; последние создавались в 1980-е гг., как Нарынский и Дашти-Джум (Соколов, Сыроечковский, 1990). Площадь ООПТ, их режимы и фактическое исполнение режимов в разное время и в разных местах были различными, и все это влияло на эффективность территориальной охраны крупных млекопитающих. Однако, сами по себе ООПТ обычно слишком малы для сохранения популяций таких видов, которым

свойственно использование обширных индивидуальных участков или дальние миграции – как всем включенным в настоящее исследование. Это делает необходимым применение также мер, ограничивающих использование и обеспечивающих защиту животных за пределами ООПТ.

Заказники занимали значительно большую площадь, по сравнению с заповедниками. В заказниках разрешалось различное использование земель, но на некоторый срок, обычно от 5 до 10 лет, вводились ограничения, чтобы дать возможность определённым видам растений или животных восстановиться. В зоологических заказниках, предназначенных для сохранения диких животных, охота была запрещена. В советское время эта концепция функционировала с переменным успехом, поскольку ограничения, установленные государством для этих территорий, применялись в разной степени. Заказники и сегодня существуют в Центральной Азии, но большинство из них стали зонами ограниченного использования на неопределённый срок, притом, что соблюдение ограничений стало практически невозможным (см. раздел 3.4.2).

В Советском Союзе охота стала частью централизованной плановой экономики, и делилась на, так называемые, промысловую и спортивную/любительскую. Последняя категория включала, в том числе, организацию охоты как престижного занятия высокопоставленных партийных и государственных чиновников в элитных охотничьих хозяйствах. Кроме этих двух основных видов охоты существовала и охота на «вредных» животных, которая почти не регулировалась. Крупномасштабная промысловая охота находилась под строгим контролем централизованных государственных организаций, которые отвечали за саму охоту, продажу продукции охоты и охрану диких животных. Спортивная и любительская охота для «простых» людей организовывалась через общества рыбаков и охотников, впервые основанных как формально негосударственные организации в 1953 году. Эти общества регулировали доступ к государственным ресурсам, а членство в них было обязательным условием для получения охотничьего билета, который давал право иметь и использовать для охоты огнестрельное оружие и был необходим для получения разрешений на охоту (охотничьих путевок). С учетом этих особенностей, охотобщества фактически были частью государственной системы управления. Тем не менее, браконьерство продолжало существовать и в советский период. В сочетании с завышенными нормами разрешенной добычи, оно приводило к значительным колебаниям численности диких животных, массовому сокращению популяций и даже вымиранию некоторых видов, таких как туранский тигр, который считался «вредным» и был целенаправленно истреблён (Blank & Li, 2021).

Вместе с тем, советская система управления популяциями диких животных добилась значительных успехов в восстановлении некоторых видов. Один из наиболее известных примеров — восстановление сайгака, которое оказалось возможным благодаря запрету на охоту и ограничениям на владение огнестрельным оружием, введенным уже в ранние годы советской власти. К началу 1920-х годов оставались только маленькие группы сайгаков, занимавших мелкие, разрозненные участки в пределах своего прежнего ареала. Однако в 1930-1940-х гг. их численность быстро восстанавливалась и в 1950-х гг. уже начали выдавать разрешения на охоту. Например, в 1954 г. власти разрешили отстрел 50 тыс. сайгаков. Во второй половине 1950-х гг. охота на сайгаков в Прикаспии стала контролироваться государством, и была создана специальная охотничья бригада (Bannikov, 1963). Одновременно была создана служба охраны для защиты сайгаков от браконьеров. Кроме того, сайгаков и других диких животных охраняли хорошо организованные

региональные (областные) охотничьи инспекции. В рамках государственной программы проводились авиаучёты сайгаков для определения численности популяции, что служило основанием установления квот на охоту. В последующие годы эта система была расширена и до конца существования Советского Союза охватила практически все популяции сайгаков. Ежегодная охота приводила к колебаниям численности популяций, но никогда не доводила их до полного уничтожения (Соколов и Жирнов, 1998).

Наряду с такими целенаправленно разработанными и применяемыми мерами, социальные и экономические трагедии и кризисы, которыми была богата первая половина XX века, также затронули не только людей, но и диких животных Центральной Азии. Например, кулан окончательно исчез в Казахстане на фоне великого голода во время коллективизации в 1932 году (Сотников, 1986). С другой стороны, присутствие людей в местах обитания диких животных сократилось в результате принудительной седентаризации кочевых хозяйств вкупе с трагическим снижением численности населения из-за голода, и это должно было способствовать восстановлению популяций диких животных. Например, это, по всей видимости, помогло восстановлению численности сайгаков к 1950-м годам. И наоборот, переселение людей из других частей Советского Союза в Центральную Азию во время Второй мировой войны и позднее для развития сельского хозяйства могло оказать негативное влияние на местообитания, используемые сайгаками и другими животными. Впрочем, авторы настоящего исследования не знакомы с какими-либо научными работами или отчетами, где бы описывались эффекты этих грандиозных социальных и экономических изменений для диких животных Центральной Азии.

Основные причины колебаний численности сайгаков, в некоторые годы весьма значительных, заключались как в естественной массовой смертности, так и в слишком интенсивном легальном и нелегальном добывании (Соколов и Жирнов, 1998). В некоторых регионах намеренно устанавливались чрезмерно высокие квоты на добывание сайгаков, чтобы замедлить рост популяции и предотвратить расширение её ареала на территории, интенсивно используемые в сельском хозяйстве. Неудачные методы мониторинга и стремление охотничьих бригад выполнить план также могли приводить к избыточному изъятию. Свидетельства очевидцев и участников позднесоветского добывания сайгаков дают основания думать, что браконьерство местного населения и неучтённый промысел для местной заготовки мяса также могли быть достаточно существенными, чтобы влиять на динамику популяции.

Джейран — это пример вида, который был почти уничтожен промысловой охотой в советский период. Охота на джейранов проводилась ночью с автомобиля в свете фар. Как указывают Гептнер с соавторами (Гептнер и др., 1961), этот способ охоты был повсеместно запрещен в СССР, но местные жители сообщали, что её продолжали использовать в промышленной охоте на джейранов даже в 1970-х гг., например, в юго-восточной части пустыни Кызылкум в Узбекистане (Stöck, личн. сообщ., 1993). В Казахстане джейран находится под защитой с 1978 г. (когда он был включен в первую Красную книгу Казахстана), однако незаконная охота на него (в основном ради развлечения) продолжается и по сей день, несмотря на высокие штрафы и риск тюремного заключения.

Горные бараны также были объектом промысла ради мяса. В 1960-х гг. численность архаров в Восточном Памире (Таджикистан) Г.Н. Сапожников (1976) оценивал в 70–80 тыс. голов. Однако более поздние оценки были значительно ниже: А.К. Федосенко и А.А. Луцкина (2005) оценили численность на начало 1990-х гг. в 11,5–12 тыс. особей. Это

различие может объясняться тем, что оценка Сапожникова была завышена, но также есть непроверенная информация об интенсивном промысле архаров для снабжения мясом государственных служащих.

В юго-западном Таджикистане местные жители сообщали, что в советское время популяция таджикского уриала *Ovis vignei bochariensis* была почти выбита в результате организованной государством промысловой охоты ради мяса. Говорят, что вывозили «полные грузовики уриалов» (Шакула, личн. сообщ., примерно 2009). Эти сообщения могут быть преувеличенными, так как Сапожников (1976) отмечал, что плотность уриалов в этом регионе была относительно низкой — 0,6–1 особь/км². Федосенко (2002) рассматривает браконьерство как основную причину значительного сокращения численности уриала в некоторых районах Таджикистана в 1960-х гг. Итак, неумеренное изъятие, как в ходе организованного государством промысла, так и браконьерское, вероятно, стало причиной снижения численности этого вида.

Для ограничения изъятия угрожаемых видов в конце 1970-х гг. были введены Красные книги. В среднеазиатских республиках СССР они появились в 1980-х гг. В Красные книги вносятся виды, которые считаются редкими и/или находящимися под угрозой исчезновения, и, следовательно, требующими защиты закона. Внесение в Красные книги происходило на основе экспертных оценок, без четких критериев и, в основном, в них включали виды, которые отличаются какой-то особой привлекательностью, редки в определенном регионе либо сокращают численность из-за добывания. Концепция Красных книг и сейчас используется в регионе, хотя и с некоторыми модификациями и изменениями (см. раздел 3.4.2).

1.1.4 От постсоветских времен до наших дней

С распадом Советского Союза страны Центральной Азии столкнулись с глубоким экономическим кризисом, который привел к нехватке финансирования для государственных органов и учреждений, включая природоохранные. В то же время, массовая эмиграция специалистов дополнительно снизила возможности управления популяциями диких животных. В результате, в постсоветский период потенциал учреждений, занимающихся охраной природы и регулированием охоты, значительно ослаб. Это привело к ослаблению правоприменения и, соответственно, к росту браконьерства со стороны людей, страдающих от безработицы и отсутствия доходов (Blank & Li, 2021).

Приведем несколько примеров, как постсоветский кризис отразился на диких животных в Центральной Азии. В Таджикистане в 1990-х гг. разразился гражданский вооруженный конфликт, который, помимо прочего, привел к массовому браконьерству (Michel & Rosen, 2024). В 1990-е – 2000-е гг. пограничную службу страны плохо снабжали продовольствием и мясо архаров стало желанным дополнением к рациону пограничников. Они либо занимались браконьерством сами, либо предоставляли оружие и боеприпасы опытным местным браконьерам. Использование боевого автоматического оружия приводило к катастрофическим последствиям, так как оставалось много подранков, которые затем умирали. В Кыргызстане инспекторы вновь созданного заповедника, получавшие низкую зарплату и плохо снабжавшиеся, сами участвовали в браконьерстве. Это привело к

снижению численности копытных и снежного барса в этом районе (личн. сообщ. анонимного очевидца, записано Ш. Михелем, 2005).

В Казахстане фактическое открытие границ для международной торговли в сочетании с бедностью на селе и с бесконтрольностью сотрудников охотинспекций, не имевших надлежащей зарплаты, привело к массовому браконьерству на сайгаков. Сайгаки не только служили источником пищи, но и стали источником дохода от продажи рогов для нужд традиционной китайской медицины (Milner-Gulland, 2001). С 1995 по 2004 г. было легально продано 67 т частей и дериватов сайгаков (в основном, рогов), что соответствовало примерно 280 тыс. особей. Кроме того, неизвестное количество рогов было продано нелегально (Blank & Li, 2021). Преимущественное добывание самцов имело дополнительно драматические последствия, так как привело к нарушению соотношения полов в популяции и к коллапсу системы размножения (Milner-Gulland et al., 2003). Вместе с другими факторами, такими как болезни и суровые зимы, это вызвало резкое сокращение численности сайгаков (Milner-Gulland et al., 2001).

Эволюция частного управления популяциями диких животных в Центральной Азии

С начала рыночных реформ в конце 1980-х гг. в Советском Союзе и их продолжения после обретения независимости Центральной Азией, у частных организаций появилась возможность заниматься управлением популяциями диких животных. Возникшая в советский период система охотничьих хозяйств, где охотничьими ресурсами управляли государственные органы или общества охотников-любителей, послужила основой для развития новой территориальной системы управления популяциями диких животных в Центральной Азии. В этой системе охотничьи хозяйства передаются частным юридическим лицам; они управляют охотугодьями, несут обязательства по охране диких животных и взамен получают разрешения на охоту, которые могут использовать сами или продать, но не имеют права землепользования.

Эти изменения привели к тому, что международный охотничий туризм стал важной частью использования диких животных в Центральной Азии. Частные компании начали активно участвовать в развивающейся индустрии трофейной охоты, предоставляя иностранным охотникам различные услуги, такие как получение разрешений, транспортировка, размещение и сопровождение охотников, покупающих туры через западные охотничьи агентства. Результаты развития частных охотничьих хозяйств для международного туризма оказались разными (Michel & Rosen, 2024).

Несмотря на описанные выше ограничения, охота на виды животных, занесенные в Красные книги, была возможна в некоторые периоды при условии принятия решений на высоком уровне. Например, все подвиды горных баранов включены в Красную книгу Казахстана с 1978 года, но в период с 1990 по 2002 гг. их разрешалось добывать в рамках международного трофейного охотничьего туризма по специальным разрешениям, выданным правительством. Это было представлено как научный эксперимент с участием представителей Института зоологии. Всего за указанный период было официально добыто 166 самцов, в основном в Центральном Казахстане и Мангистауской области. Данных о незаконной охоте в этот период нет, только непроверенные сведения об организации параллельных незаконных охот для иностранцев; другие источники предполагают, что эта ограниченная охота способствовала сохранению целевых популяций (Frisina, 2002;

Исмаилов, личн. сообщ., 2022). С 2003 года разрешения на охоту на диких баранов в Казахстане не выдавались.

В Кыргызстане легальное использование диких животных развивалось стремительно. К 2010 г. около 100 охотничьих хозяйств предлагали охоту на архаров и сибирских козерогов. Однако многие из этих хозяйств были слишком малы для эффективной охраны популяций копытных и для биологически устойчивой и экономически рентабельной деятельности. В такой ситуации егеря не работали, охранники охотничьих лагерей занимались браконьерством ради пропитания и торговли мясом, квоты превышались, а охотников незаконно возили в районы, находящиеся за пределами охотничьих хозяйств. Закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» (2014) установил минимальные размеры территорий охотничьих хозяйств и с 2016 г. правительство Кыргызстана выделяет более крупные участки, обычно площадью от 100 тыс. га в одни руки, более пригодные для поддержания жизнеспособных популяций охотничьих видов (Michel & Rosen, 2024).

В Таджикистане большинство мест обитания памирского горного барана *Ovis ammon polii* за пределами ООПТ охватываются коммерческими охотничьими хозяйствами – по крайней мере, если говорить о территориях, где поддерживается значительная численность этого вида. В 2010 г. владельцы этих хозяйств объединились в "Ассоциацию охотников Таджикистана", которая распределяет квоты на добычу архаров между своими членами. Территории за пределами ареала архара, но с большими популяциями диких животных, привлекательных для иностранных охотников, в основном переданы частным компаниям, некоторые из которых были основаны семьями из местного населения. Некоторые охотничьи хозяйства успешно проводят работы по борьбе с браконьерством, контролируя свои территории с помощью собственных сотрудников, неформальных сетей и сотрудничества с полицией, национальной службой безопасности и пограничниками. В таких охотничьих хозяйствах численность диких животных за последние десятилетия оставалась стабильной или росла, например, в юго-восточном Памире, где процветает

популяция памирского горного барана (Valdez et al., 2016), или в долине Пянджа, где восстановилась популяция мархура *Capra falconeri* (Akramov et al., 2022).

Рисунок 5: Информационный аншлаг охотничьего хозяйства, Казахстан, 2018. Фото: Ш. Михель

С 2008 г. власти Казахстана начали передавать все подходящие для охоты территории юридическим лицам на конкурсной основе. На текущий момент интересные охотникам хозяйства с крупными популяциями охотничьих животных уже распределены (Рисунок 5), но обширные территории, где численность охотничьих видов низка, или где обитают сайгаки, охота на которых была запрещена до конца 2023 года и будущее этого моратория неясно, распределены только в редких случаях. В частности, распределены огромные площади в ареале бетпакдалинской популяции сайгака (Центральный Казахстан), поскольку их управляющие надеются получить возможность охоты на сайгаков в будущем. На 2021 г. в Казахстане было 729 охотничьих хозяйств общей площадью 120 млн. гектаров (44,2% территории страны). Эти хозяйства охватывают 53% потенциально пригодных для охоты земель (223 млн. гектаров; 82% страны). Штат егерей охотхозяйств суммарно превышает 2,7 тыс. человек.

Во всех странах Центральной Азии местные охотники имели, а часто и сейчас имеют право охотиться в угодьях, закрепленных за обществами охотников и рыболовов, на территориях государственных лесхозов и в нераспределённых охотничьих угодьях, формально управляемых центральными государственными органами, ответственными за охрану диких животных и охотничье хозяйство. Общая для этих территорий проблема – они имеют, или имели в прошлом, очень слабый контроль за соблюдением правил и очень слабую охрану от браконьерства. Охота на таких территориях часто проводилась, а в некоторых случаях и сейчас проводится по разрешениям, которые не привязаны к конкретным участкам, в лучшем случае указывается более крупная административная единица. Некоторые охотники даже использовали разрешения с указанной квотой на отстрел несколько раз. Например, в Кыргызстане добывали вместо одного разрешенного

сибирского горного козла – трех (А. Улеманн, личн. сообщ., 2010). Все эти особенности местной любительской охоты привели к тому, что охотники не чувствуют себя хозяевами охотничьих ресурсов, и, как следствие, численность популяций диких животных сокращается. По этой причине, по крайней мере, в Казахстане и Кыргызстане были предприняты попытки закрепить все охотничьи хозяйства за юридическими лицами и разрешить охоту только на контролируемых территориях охотхозяйств (личн. сообщ. С. Соколова, 2008 и А. Мусаева, 2009 Ш. Михелю).

В ряде регионов Кыргызстана по некоторым видам животных были введены моратории на охоту до 2030 года. Это такие виды, как сибирский горный козел, архар, косуля, кабан и гималайский улар. Поскольку некоторые из этих региональных мораториев постепенно завершаются, возникла инициатива введения общего моратория для отдельных видов. Основная цель действующих и будущего мораториев — восстановление популяций видов, находящихся под охраной. Однако существует мнение, что законная охота не является основной угрозой для этих видов, так как квоты на охоту слишком низкие, чтобы вызвать снижение численности популяций. Моратории на охоту не снимают основные угрозы, такие как перевыпас, браконьерство и конфликты между человеком и дикими животными, которые на самом деле и приводят к сокращению популяций. Поэтому введение моратория, скорее всего, не приведет к восстановлению популяций.

Например, официальная квота на добывание архаров составляет около 100 особей из популяции в 18,9 тыс. особей, обитающих вне ООПТ. Для сибирского козерога квота составляет 600 особей из популяции в 40 тыс. особей вне ООПТ. Это соответствует 0,5% и 1% от общей численности популяций, соответственно (Департамент сохранения биоразнообразия и ООПТ, 2022; Кубанычбеков, личн. сообщ., 2022). Фактическое влияние законной охоты на развитие популяций ещё меньше, так как в основном добываются только старые самцы архаров, и значительная часть добытых сибирских горных козлов — это также самцы. Эти виды имеют полигинную систему спаривания, так что изъятие нескольких самцов не оказывает значительного влияния на воспроизводство. Кроме того, соблюдение мораториев на охоту остаётся неудовлетворительным. Отсутствие полного запрета на охоту и легальность огнестрельного оружия позволяют браконьерству существовать или даже усиливаться, поскольку у охотпользователей и их сотрудников нет достаточных стимулов для контроля за соблюдением мораториев. Все это объясняет, почему существующие локальные моратории не достигают заявленной цели — восстановления популяций.

В Монголии охота на ООПТ национального значения запрещена в соответствии с законодательством. Однако в пределах ООПТ местного значения могут создаваться охотничьи хозяйства. Совмещение статусов ООПТ и охотничьего хозяйства могло бы помочь защитить эти территории, например, от добычи полезных ископаемых, одновременно обеспечив устойчивое управление популяциями диких животных (Амгаланбаатар, личн. сообщ., 2022).

В разделе 1.1 мы обсудили значимость диких животных для традиционного образа жизни народов Центральной Азии, начиная с древности, затем – снижение численности животных вследствие расширения Российской империи и усиления охоты ради торговли. Далее мы рассмотрели появление законодательства об охране природы и управлении охотничьими ресурсами, а также ошибки этого управления в советский период, влияние социально-экономических кризисов на состояние популяций диких животных и, наконец, появление в регионе инициатив, основанных на участии местного населения. Природоохранные меры

и законодательство стран Центральной Азии, включая создание ООПТ и процедур включения видов в Красные книги, в значительной степени сформировались в советский период, и до сих пор оказывают влияние на управление популяциями диких животных в рассматриваемых странах. Несмотря на некоторые успехи этих мер, чрезмерная законная и незаконная охота на крупных млекопитающих, таких как джейран, тигр и другие, привела к сокращению численности и даже исчезновению некоторых видов. Но самое главное, что в период с XVII века и до сегодняшних дней вовлечённость местного населения в управление популяциями диких животных и природопользованием, а равно и хозяйское отношение местных жителей к диким животным, значительно ослабли; об этом пойдет речь в следующем разделе.

1.2 Управления популяциями диких животных с вовлечением местного населения

Основываясь на предшествующем обзоре истории управления популяциями диких животных в Центральной Азии, в этом разделе рассмотрим участие местного населения в управлении популяциями диких животных, что послужит основой для дальнейших рассуждений по теме данного исследования.

До российской колонизации и советской власти местные жители в основном сами управляли вопросами, связанными с дикими животными, будь то институционализировано или нет. Традиционное использование диких животных в основном было связано с удовлетворением собственных нужд домохозяйств. Однако расширение Российской империи и рост торговли привели к появлению новых мотиваций для охоты, что нарушило традиционные методы управления и снизило участие местного населения (см. раздел 1.1). Когда местные традиции и хозяйское отношение оказались утрачены вследствие централизованного управления, не учитывавшего интересы местного населения, браконьерство приобрело особенно разрушительный характер.

Во многих случаях традиционное использование диких животных коренными народами подразумевало формально нерегулируемую охоту, хотя легенды, упомянутые в разделе 1.1, а также экономическое, культурное и духовное значение животных, особенно диких парнокопытных, свидетельствуют о том, что традиции и обычаи уже устанавливали некоторые правила или ограничения, направленные на обеспечение устойчивости использования. Например, в Западном Памире и Вахане на территории Таджикистана и Афганистана существовали традиционные подходы, основанные на привязанных к территориям правах и обязанностях охотников в контексте использования природных ресурсов местными сообществами. Отдельные местные охотники имели эксклюзивное право охоты на определенных территориях и, вероятно, по крайней мере в некоторых случаях, оно сочеталось с обязанностью делиться частью добытой дичи с остальным сообществом (личн. сообщ. членов местного сообщества Ш. Михелю).

Другой пример. В 2009 г. местный охотник из кишлака Догоргунд в Ваханском коридоре (Афганистан) показал туристам голову и две шкуры уриала (Рисунок 6). Он объяснил, что охотится только в районе выше деревни, между двумя ущельями, и что никто другой не имеет права охотиться там. По его оценкам, популяция уриалов в этой области насчитывала около 30 особей, и он говорил, что решение о добыче он принимал на основе своей оценки выживаемости ягнят (Ахмадшо, личн. сообщ., 2009). Последующие наблюдения около 60 уриалов выше этого кишлака (Алидодов, личн. сообщ., 2009), а также результаты учетов, проведенных национальным офисом Общества охраны диких животных (WCS Afghanistan)

(Moheb et al., 2012), показали, что локальная популяция уриала может устойчиво использоваться для традиционной местной охоты без негативных последствий для численности. В то же время, на таджикской стороне Ваханского коридора этот вид был истреблен, несмотря на официально принятые меры охраны.

Рисунок 6: Традиционный охотник с черепом и шкурами уриала у ворот своего дома; еще один череп виден над воротами. Вахан, Афганистан 2009. Фото: Ш. Михель

Советская централизованная система управления охотой допускала некоторое участие местного населения. Оно, в основном, ограничивалось трудоустройством или обязанностью сдавать добытую дичь в центральные сборные пункты. В случае спортивной и любительской охоты местные жители могли стать членами общества охотников и рыболовов, чтобы получать разрешения на охоту на определённые виды диких животных. Формально, все члены этих обществ имели право голоса в принятии решений общества или его местного отделения. Однако, поскольку планирование границ охотничьих хозяйств и управление ими, а также установление и распределение квот на охоту были централизованы, у этих обществ было очень мало возможностей для самостоятельного принятия управленческих решений. Представительство местных жителей в обществах было ограниченным, управлялись они централизованно, при этом большая часть власти была сосредоточена в национальной штаб-квартире.

В некоторых частях Центральной Азии, особенно в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане, в советское время была разрешена традиционная охота с луком и стрелами, хищными птицами (главным образом беркутами) и борзыми собаками

(местными породами тазы и тайган). Однако традиционные охотники и заводчики тайганов в Кыргызстане сообщают, что в Советском Союзе эти борзые считались инструментами браконьерства и систематически уничтожались правоохранными органами, что почти привело к исчезновению этой древней и культурно значимой породы собак (личн. сообщ. традиционных охотников Ш. Михелю). То, что изначально воспринималось как попытка уменьшить браконьерство, могло быть воспринято местными жителями как кампания против их многовековой охотничьей традиции, что ещё больше сокращая хозяйское отношение местного населения к диким животным.

В историческом прошлом, сайгак также использовался степными народами в качестве источника мяса. Существуют свидетельства такого использования, восходящие к доисторическим временам. Однако, интенсификация торговли сайгачьими рогами в XIX веке привела к перепромыслу, и численность популяций сайгака значительно снизилась. В советский период охрана сайгака усилилась благодаря масштабным мерам по его защите, но местные жители были отстранены от охоты и управления популяциями сайгака. Только в некоторые годы до начала контролируемой государством промысловой охоты на сайгака местным жителям было также разрешено охотиться на него. В результате, количество добытых животных тогда оказывалось слишком большим, что приводило к сильным колебаниям численности популяции. Тем не менее, популяции сайгака в советское время сохранились, ни одна не была уничтожена. Позже, в период распада Советского Союза и недостаточной охраны, браконьерство почти привело к исчезновению вида (см. раздел 2.2.1).

В настоящее время в Центральной Азии внедряются проекты и стратегии, направленные на привлечение местного населения к управлению локальными популяциями диких животных, чтобы дополнить действующие природоохранные меры. Например, в 2019 г. правительство Монголии решило создать совет по совместному управлению популяцией монгольского сайгака с участием представителей НПО. Это новый подход, который ранее не применялся (Чимеддорж, 2020). Он предполагает большее вовлечение местного населения в управление сайгаком. Кроме того, недавно разработанная в Казахстане Стратегия сохранения сайгака и управления его популяциями (CMS, 2023) также предполагает участие местного населения, например, через создание общественных советов управления популяциями сайгака.

Современные системы передачи охотхозяйств в управление юридическим лицам, которые были внедрены в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане с 1990-х гг., создают правовую основу для возможного развития на определённых территориях подходов к управлению популяциями диких животных, основанных на участии местного населения. С 2008 г. этот механизм используется для развития таких подходов (CBWM) в Таджикистане, с 2010 года – в Кыргызстане, а совсем недавно, в 2022 году, и в Казахстане появилась первая территория, где управление животным миром основано на участии местного сообщества. В разделе 3.4 описывается и анализируется развитие этого подхода в каждой из этих стран, достигнутые ими успехи, а также возникшие проблемы и трудности.

Дикие животные исторически играли важную роль в жизни местного населения – в удовлетворении его жизненных потребностей, в традициях, верованиях и обычаях. Использование популяций диких животных и управление ими коренные народы осуществляли сами. Однако с расширением Российской империи и затем созданием Советского Союза, которые способствовали усилению роли государства либо коммерческих структур, роль местных жителей в управлении дикими животными

сократилась. В советский период в Центральной Азии была разработана и внедрена система законодательства по охране и управлению популяциями диких животных. Однако советская система охраны природы была централизованной, участие местного населения и применение его традиционных подходов сводились к минимуму. Дикие животные использовались одновременно законным и незаконным путем. Такое использование было неустойчивым, приводя к сокращению численности и исчезновению некоторых видов животных. Процветали только те виды, которые получали особую защиту и управление в рамках централизованной системы. Как следствие, традиционные знания и методы управления популяциями диких животных были в значительной степени утрачены, хотя некоторые из них до сих пор сохранились в удаленных горных регионах. Вместе с тем, стоит отметить, что в последние десятилетия в странах Центральной Азии все же начали появляться стратегии и проекты, направленные на постепенное увеличение участия местного населения в управлении популяциями диких животных.

2. Виды диких животных, рассматриваемые в данном исследовании

2.1 Отбор видов для исследования

Так как в одном исследовании невозможно подробно рассмотреть все виды, охваченные ЦАИМ, было выбрано только четыре из них. Исследование нескольких видов позволит показать, как различные подходы с вовлечением местного населения могут помочь в их охране и управлении. На основании этих примеров можно будет перенести выработанные рекомендации на другие виды, входящие в ЦАИМ. При отборе видов для данного исследования использовались следующие критерии:

1. *Имеющиеся знания и данные*: примерная оценка авторами объема данных и знаний о виде, доступных им и общественности.
2. *Потенциал вовлечения местного населения в управление*: мы провели предварительную оценку на основании нашего опыта относительно потенциала вовлечения местных сообществ в управление определенным видом, учитывая особенности поведения вида, его местообитания и расстояние до людей.
3. *Существующие подходы к управлению, основанному на участии местных сообществ*: критерий отражает количество существующих примеров такого управления видами, известных группе авторов.
4. *Пригодность для региона*: для каждого вида оценивался ареал и количество стран, в которых вид встречается.
5. *Необходимость действий*: критерий отражает потребность в развитии новых механизмов управления для определенного вида, предполагающих более активное участие местных сообществ в решении существующих проблем.

Основываясь на оценке, приведенной в Таблице 1, в качестве целевых были отобраны следующие четыре вида, включенные в ЦАИМ:

1. **Сайгак**: знаковый вид для степей Центральной Азии, распространенный в нескольких странах: России, Казахстане и Монголии, кроме того, одна из популяций зимует в Узбекистане. Значительный рост популяции в Казахстане в последние годы вызвал конфликт с местным населением и привел к дискуссиям об устойчивом использовании сайгака. Целью данного исследования является содействие в решении этих проблем.
2. **Архар**: вид горных баранов, очень привлекателен для охоты, встречается в 11 из 14 стран ЦАИМ. В регионе есть примеры управления популяциями этого вида, основанного на участии местных сообществ, например, в Кыргызстане и Таджикистане. При этом было извлечено много уроков, которыми хотелось бы поделиться в данном исследовании, чтобы выработать рекомендации для тиражирования в других местах.
3. **Снежный барс**: одно из самых известных диких животных региона, встречается почти во всех странах ЦАИМ. Ему угрожает браконьерство, но также истощение кормовой базы вследствие незаконной и неустойчивой охоты на копытных. В регионе, в частности в Кыргызстане и Таджикистане, есть примеры, как местные сообщества успешно сохраняют барса, в том числе используя его без добывания, и

примеры организованного местными сообществами устойчивого охотпользования, сохраняющего объекты питания снежного барса. Существует большой потенциал распространения этого опыта в другие страны.

4. **Бухарский олень:** хорошо изученный вид, подходящий как для наблюдения за дикими животными, так и для охоты. Он имеет большой потенциал для применения подходов, основанных на участии местных сообществ (CBWM). Притом необходимо действовать, поскольку в некоторых районах численность этого вида чрезмерно выросла, что приводит к деградации местообитаний и конфликтам с человеком.

Таблица 1: Оценка пригодности видов, включенных в ЦАИМ, для данного исследования.

Виды, включенные в ЦАИМ	Имеющиеся знания и данные	Потенциал вовлечения местного населения в управление	Существующие подходы к управлению, основанному на участии местных сообществ	Пригодность для региона	Необходимость действий
Архар	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая
Азиатский гепард	высокая	высокая	высокая	средняя	высокая
Кулан	высокая	средняя	средняя	высокая	высокая
Бухарский олень	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая
Газель Беннета (чинкара)	средняя	высокая	средняя	средняя	средняя
Тибетская антилопа (чиру)	средняя	высокая	средняя	средняя	высокая
Гобийский медведь	средняя	средняя	средняя	средняя	высокая
Джейран	высокая	высокая	средняя	высокая	высокая
Кианг (тибетский кулан)	средняя	высокая	средняя	средняя	средняя
Монгольский дзерен	высокая	средняя	средняя	средняя	средняя
Переднеазиатский леопард	средняя	высокая	средняя	высокая	высокая
Лошадь Пржевальского	высокая	средняя	средняя	высокая	высокая
Сайгак	высокая	высокая	средняя	высокая	высокая
Снежный барс	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая
Тибетский дзерен	средняя	высокая	средняя	средняя	высокая
Уриал	высокая	высокая	средняя	высокая	высокая
Дикий верблюд	высокая	высокая	высокая	средняя	высокая
Дикий як	средняя	высокая	средняя	средняя	высокая

Пригодность для исследования

высокая

средняя

низкая

2.2 Статус исследуемых видов

Для оценки целесообразности применения управления популяциями, основанного на участии местных сообществ (CBWM), важно понимать состояние популяций целевых видов. В этой главе собраны доступные данные и описаны текущие тенденции. Уровень научных знаний о популяциях различается в зависимости от вида. По сайгаку и бухарскому оленю имеется достаточно данных. Для архара систематические учёты в масштабе всего ареала не проводятся, что снижает точность оценок. Единственным источником информации для оценки статуса снежного барса являются его регистрации сетью фотоловушек. В случаях, когда фактических данных недостаточно, мы используем экспертные оценки текущего статуса и тенденций.

2.2.1 Сайгак

Систематика и распространение

Сайгак — копытное животное, населяющее степи, полупустыни и пустыни Центральной Азии. Согласно МСОП, существует два подвида: номинативный подвид *Saiga tatarica tatarica* обитает в Казахстане, России и Узбекистане. Монгольский сайгак *Saiga tatarica mongolica* обитает в Монголии. Международные конвенции (КМВ и СИТЕС) рассматривают их как два разных вида: *Saiga tatarica* и *Saiga borealis* в соответствии со своей стандартной номенклатурой, основанной на классификации Уилсона и Ридера (Wilson & Reeder, 2005). В этом исследовании мы следуем классификации МСОП. Номинативный подвид раньше встречался также в Китае, но к середине XX века там исчез (Cui et al., 2017). В прошлом сайгак также мигрировал в Туркменистан в зимний период, но ко времени распада Советского Союза эти миграции сошли на нет. Популяция монгольского сайгака всего одна, а номинативный подвид в настоящее время разделен на четыре крупные популяции, занимающие каждая свой ареал: популяция Северо-Западного Прикаспия в России и три популяции в Казахстане (с заходами в прилегающие районы России и Узбекистана): Уральская, Устюртская и Бетпақдалинская.

Природоохранный статус

Быстрое сокращение численности сайгака по всему ареалу в 1990-х гг. поставило под угрозу выживание вида (см. раздел 1.1). В 2002-2023 гг. вид был признан «находящимся на грани полного исчезновения» (Critically Endangered) в Красном списке МСОП, но недавно его статус пересмотрен и его состояние оценивается как «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (Near Threatened). Улучшение природоохранного статуса стало возможным благодаря введению различных мер по охране вида, реализуемых государствами ареала, национальными и международными НПО и другими заинтересованными сторонами. С 1995 г. сайгак включен в Приложение II СИТЕС. В 2002 г. *Saiga tatarica* был включен в Приложение II КМВ, монгольский вид добавлен туда в 2008 г. В 2006 г. вступил в силу подписанный всеми государствами ареала Меморандум о взаимопонимании относительно сохранения, восстановления и устойчивого использования антилопы сайги (*Saiga* MoU, MoV Сайга), разработанный и действующий в рамках КМВ. С тех пор

Секретариатом Конвенции регулярно проводятся встречи Сторон меморандума, в ходе которых рассматриваются и принимаются меры по сохранению всех популяций сайгака.

На национальном уровне ситуация с охраной сайгака различается в зависимости от страны обитания. В Монголии, России и Узбекистане вид включен в национальные Красные книги и имеет особый статус охраны. Хотя большая часть мировой популяции сайгака обитает в Казахстане, здесь он не занесен в Красную книгу, но были приняты специальные правила, предоставляющие сайгаку высокий уровень защиты, и был введен мораторий на охоту (действовал до конца 2023 года). Антибраконьерские операции в России, Узбекистане и Монголии в основном осуществляются инспекторами ООПТ. В Казахстане существует отдельная, со своим финансированием, служба охраны диких животных "Охотзоопром", в составе которой имеется группа инспекторов, чья основная задача – защита сайгака от браконьеров. Инспектора этой службы имеют полномочия для действий как в пределах, так и за пределами охраняемых природных территорий.

Численность популяций и тенденции ее изменения

Меры по охране сайгака в Казахстане оказали значительное влияние на бетпакдалинскую популяцию. С 2003 года, когда был зафиксирован самый низкий уровень численности, размер этой популяции стабильно рос. Несмотря на браконьерство, остававшееся проблемой, удалось восстановить её численность до приблизительно 242,5 тыс. особей – такая оценка была получена по результатам апрельского авиаучета 2015 года. Однако в мае того года геморрагическая септицемия, вызванная бактерией *Pasteurella multocida*, привела к массовой гибели более 200 тыс. животных (Kock et al., 2018). Это стало серьезным ударом для популяции, переместив её с первого на второе место по численности среди всех популяций сайгака в мире. С тех пор, однако, популяция снова всё время растет, и сейчас её численность превышает уровень 2015 года, достигнув на апрель 2023 г. 745,3 тыс. особей (АСБК, 2023). С 2016 года самой крупной стала уральская популяция, обитающая в Западном Казахстане. Она также пережила массовую гибель, на несколько лет раньше бетпакдалинской, но быстро восстановилась, и далее стабильно росла с высокой скоростью. С 2016 по 2023 г. эта популяция оказалась способной увеличиться с 70,2 тыс. до примерно 1.130 тыс. особей, что является самым высоким уровнем численности сайгака, когда-либо отмечавшимся на западе Казахстана (Рисунок 7). Состояние третьей казахстанской популяции, устюртской, было менее благоприятным, но в настоящее время также улучшается. Размер этой популяции снижался в течение многих лет, несмотря на природоохранные усилия, и достиг исторически минимального уровня, 1.270 особей, в 2015 г. Многим казалось, что популяцию ожидает вымирание. Однако после этого численность пошла вверх, и к апрелю 2023 г. оценивалась в приблизительно 39,7 тыс. особей (АСБК, 2023).

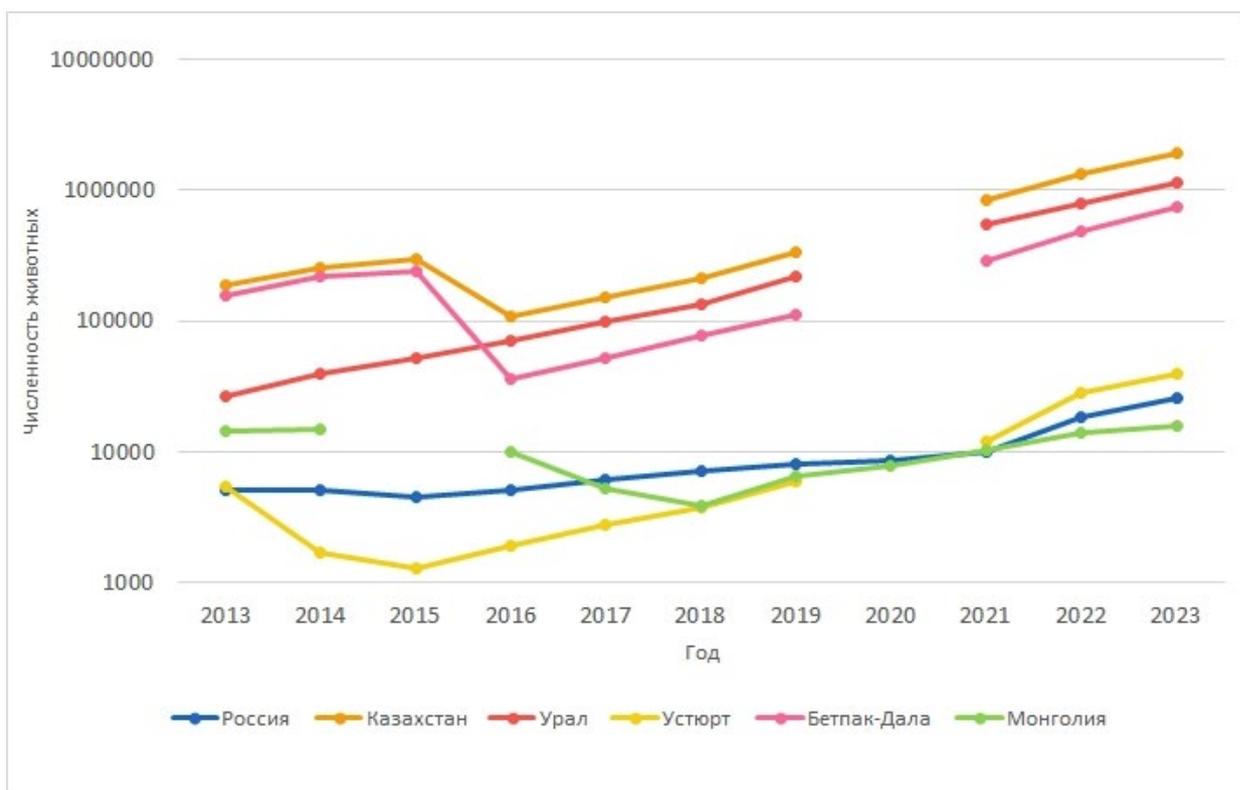

Рисунок 7: Динамика численности популяции сайгака в мире за последние 10 лет. Вертикальная ось имеет логарифмическую шкалу. Для Казахстана отдельно показана численность каждой из трех популяций. Пробелы графика – годы, в которые не было учета, и нет экспертной оценки. Источники: Россия: КМВ, 2020b; Elista.org, 2022; Рожнов и др., 2023; Казахстан: Институт зоологии Комитета науки, Казахская ассоциация сохранения биоразнообразия; Монголия: Чимеддорж, 2022; Чимеддорж и Бувейбатар, 2017; Чимеддорж и Бувейбатар, 2021; Чимеддорж и др., 2020; WWF Монголия, 2023.

Если в Казахстане численность основных популяций сайгака ежегодно оценивается на основе авиаучетов, то для популяции Северо-Западного Прикаспия в России регулярно выполняется только приблизительная оценка наземными методами, лишь в отдельные годы были попытки учета с помощью беспилотника. Численность этой популяции оставалась примерно на одном уровне в течение многих лет, но с 2016 г. стала медленно расти, и в 2022 г. достигла уровня около 18,5 тыс. особей (Elista.org, 2022). Параллельно с этим в популяции увеличилась доля самцов, что могло способствовать положительной тенденции в динамике численности (CMS, 2021). С биологической точки зрения, ситуация с сайгаком в России выглядит обнадеживающе, при условии, что меры по его сохранению останутся на том же уровне или даже будут усилены. В будущем проблемой может стать ограниченность территории, пригодной для обитания вида.

Состояние монгольского сайгака не столь позитивно, как других популяций, но всё же оставляет надежду на будущее. Оценка численности популяции с воздуха не проводится, используются исключительно наземные учеты, что затрудняет прямые сравнения и выявление тенденций. После обнадеживающих результатов учета 2014 года, показавшего около 14 тыс. особей, численность сайгака снизилась. По учету 2016 года численность оценивалась в 10 тыс. особей, возможно вследствие увеличения браконьерства после прекращения финансирования службы местных инспекторов. Зимой 2016-17 гг. монгольская популяция пострадала от эпизоотической вспышки чумы мелких жвачных в

Западной Монголии, которая затронула как домашний скот, так и диких животных. Несколько тысяч сайгаков погибли по этой причине. Суровая зима следующего года еще увеличила потери. Однако с тех пор ситуация улучшилась, и к 2023 г. популяция снова возросла до приблизительно 15,5 тыс. особей (презентация Баярмаа Чулуунбат на встрече Альянса по сохранению сайгака, 11.02.2024 г., Самарканд). Тенденция к росту может сохраниться и в последующие годы, если не помешают вспышки заболеваний или увеличение уровня браконьерства.

Угрозы

Несмотря на то, что глобальное состояние сайгака выглядит позитивно, этот вид по-прежнему находится под угрозой из-за различных факторов. Важнейшей угрозой для сайгаков во всех странах ареала является браконьерство (CMS, 2021). Это особенно актуально для *Saiga tatarica tatarica*, поскольку его численность достаточно велика, чтобы браконьеры могли заготавливать большие партии рогов. Обзор выявленных случаев браконьерства и незаконной торговли приведен в разделе 2.3.1.

Вторая, очень опасная угроза, которая может в короткое время уничтожить тысячи животных — это вспышки заболеваний (подробнее см. выше в подразделе «Численность популяции и тенденции»). Что сайгаки склонны к массовой гибели — известно еще с советских времен, когда было зафиксировано несколько подобных случаев. В недавней истории особенно значимыми были три случая массовой гибели. Два из них произошли в Казахстане — в 2010 г., когда погибло около 12 тыс. животных уральской популяции, и в мае 2015 г., когда более 200 тыс. сайгаков погибли всего за несколько недель в различных частях ареала бетпақдалинской популяции. Официально причиной этих падежей признан пастереллез, вызванный бактерией *Pasteurella multocida* и вероятно спровоцированный экстремальными погодными условиями, а именно высокими температурами перед окотом и высокой влажностью во время окота (Kock et al., 2018). Наконец, зимой 2016-17 гг. несколько тысяч животных — по оценкам, 70% монгольской популяции — погибли из-за вспышки чумы мелких жвачных (ЧМЖ) (Чимеддорж и Бувейбатар, 2017). Все три случая привлекли большое внимание общественности и природоохранных организаций. Борьба со вспышками заболеваний в настоящее время является важным компонентом программ по сохранению сайгаков.

Менее прямая, но все же значительная угроза — утрата местообитаний. Местообитания сайгака утрачиваются вследствие фрагментации (полностью или частично) и деградации. Специфически важной проблемой для всех стран ареала является строительство линейной инфраструктуры (CMS, 2021). Сайгакам необходимы большие открытые пространства без значительных препятствий для миграции между летними и зимними пастбищами. Автомобильные или железные дороги могут стать непроходимыми барьерами. Ограждения, например, вдоль автомобильных и железных дорог или на национальных границах, могут быть очень длинными, и это имеет разрушительные последствия для связанности местообитаний. В регионе есть несколько печальных примеров, когда инфраструктура препятствует перемещению диких животных. Процедуры планирования часто недостаточно учитывают воздействие на диких животных, поскольку первостепенное значение придается экономическому развитию. Другим фактором, сокращающим площадь доступных для сайгака местообитаний, является расширение добычи нефти и газа. Потери местообитаний из-за добычи природных ресурсов могут быть как прямыми (вследствие появления новых шахт, буровых участков и промышленной инфраструктуры), так и

косвенными, вследствие деградации, из-за которой местообитания становятся непригодными для сайгака. В последнее время ситуация меняется к лучшему, поскольку правительства, кредитные организации и проектировщики стали учитывать потребности диких животных.

Четвертая опасность для сайгака — конкуренция за пастбища с домашним скотом. Эта проблема пока характерна в основном для Монголии, где состояние пастбищ является ограничивающим фактором для роста популяции сайгака (CMS, 2021). Ослабленное физическое состояние сайгаков способствовало их массовой гибели от ЧМЖ в 2017 году. Сверх того, пастухи относятся к сайгакам враждебно, так как не получают никакой конкретной выгоды от их существования, и видят угрозу своим интересам в конкуренции сайгака с домашним скотом за корм и в предполагаемом участии сайгака в переносе болезней (Чимеддорж, 2017). Из-за высокой численности сайгака в уральской и бетпакдалинской популяциях в Казахстане были зарегистрированы конфликты со скотоводами и земледельцами. Местные жители жалуются на слишком большое количество сайгаков, пасущихся на пастбищах, которые необходимы для домашних животных, и на то, что сайгаки уничтожают сенокосы. Также имеются сообщения, что сайгаки уральской популяции повреждают посеы на полях в России, а из-за сайгаков бетпакдалинской популяции теряется часть урожая посевных культур в северной части её ареала в Центральном Казахстане. Прямой контакт между домашним скотом и сайгаками может потенциально привести к передаче болезней. Эти новые конфликты в Казахстане стали сейчас причиной дискуссии о необходимости разрешить охоту на сайгаков с целью контроля их численности. Многие считают, что необходима система государственной монополии, аналогичная существовавшей в советские времена, но слышны и другие голоса. Подходы к регулированию популяций, основанные на участии местных сообществ (CBWM), имеют большой потенциал как раз для смягчения конфликтов. В настоящее время в Казахстане в рамках реализации Стратегии сохранения сайгака и управления его популяциями разрабатывается решение для устойчивого использования данного вида (CMS, 2023).

2.2.2 Архар

Систематика и распространение

Архар — вид диких баранов, распространенный по всей Центральной Азии, населяющий открытые ландшафты мелкосопочников и высоких гор со спокойным рельефом. Описано несколько подвидов, но различия между некоторыми из них и границы между их ареалами не вполне ясны.

Различные подвиды архаров встречаются в следующих странах ареала: алтайский архар *O. a. amton* — в Казахстане, Монголии и России; казахстанский архар *O. a. collium* — в Казахстане; гобийский архар *O. a. darwini* — в Китае и Монголии; тибетский архар *O. a. hodgsoni* — в Китае; тяньшанский архар *O. a. karelini* — в Китае, Кыргызстане, Казахстане, в прошлом также в Узбекистане; каратауский архар *O. a. nigrimontanae* — в Казахстане; баран Марко Поло или памирский архар *O. a. polii* — в Афганистане, Китае, Кыргызстане и Таджикистане; баран Северцова *O. a. severtzovi* — в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Баран Северцова морфологически и биогеографически, а также по характеру

местообитаний, значительно отличается от других подвидов. Еще один подвид, северокитайский или шаньсийский архар *O. a. jubata*, обитал в Китае, но считается вымершим (Harris et al., 2009).

Природоохранный статус

В Красном списке МСОП архар оценивается как «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (Near Threatened), «потому что численность этого вида, как полагают, значительно сокращается (предположительно, со скоростью, немного меньшей, чем 30% за три поколения, принимаемые за 24 года) из-за браконьерства и конкуренции со скотом, вероятно, усугубленной воздействием продолжающегося изменения климата» (Reading et al., 2020a). С конца 1980-х гг. архар находится под защитой закона во всех странах ареала (в Таджикистане с 1987 г. – Федосенко и Луцкекина, 2005) и включен в национальные Красные книги, хотя охота на него в некоторых странах полностью не запрещена.

Архар находится под защитой международных соглашений. Он занесен в Приложение II КМВ, в рамках конвенции в 2014 г. был разработан и принят Международный план действий по сохранению архара (Mallon et al., 2014). Он также включен в Приложение II СИТЕС, что делает международную торговлю образцами архара контролируемой. Европейский союз применяет собственные, более строгие меры контроля и требует разрешений на импорт трофеев архара. Закон США об исчезающих видах (the US Endangered Species Act) относит архара к видам, находящимся под угрозой исчезновения, за исключением некоторых стран ареала – Монголии, Кыргызстана и Таджикистана, для которых он расценивается как угрожаемый. Статус угрожаемого вида позволяет импортировать в США трофеи архаров, законно добытые в этих странах, по специальным разрешениям на ввоз, выдаваемым федеральной Службой рыбы и дичи. Для таксонов, признанных находящимися под угрозой исчезновения, разрешения на ввоз трофеев, как правило, не выдаются. В связи с постановлением правительства Кыргызстана 1990-х гг., разрешающим охоту только на *O. a. polii*, ввоз трофеев архаров, которые могут принадлежать *O. a. karelini*, из Кыргызстана в США не допускается. Это создает существенные проблемы для устойчивой охоты на архаров в Кыргызстане, учитывая неопределенность относительно того, какие подвиды обитают в стране.

Численность и тенденции ее изменения

Информация о размерах глобальной популяции архара представлена в видовом очерке Красного списка МСОП (Reading et al., 2020a). Оценки национальных популяций, приведенные в Плане действий (Mallon et al. 2014), соответствуют общей численности вида около 107 тыс. особей, но в Красном списке МСОП предполагается существенно более низкая численность. Доступные данные имеют различную достоверность и относятся к различным масштабам пространства и времени. Численность популяции в целом оценивается как сокращающаяся. Если где-то выявляется рост, это, вероятнее, отражает большую интенсивность учетов в соответствующем регионе.

Более свежие надежные оценки численности популяций в масштабе целых стран получить трудно. Для пяти стран Центральной Азии размеры популяций представлены в Таблице 2. К этим цифрам следует относиться с осторожностью, поскольку они не основаны на учетах, по которым имеется общедоступная документация. В типичном случае эти оценки

получают путем компиляции данных, предоставленных администрациями ООПТ и охотпользователями.

Таблица 2: Современные данные о популяциях архаров в пяти странах Центральной Азии.

Страна	Регион	Численность	Год	Источник
Казахстан	Все	16.451	2021	Комитет лесного хозяйства и животного мира, 2022
	Включая:	Отсутствует		
	<i>O. a. collium</i>	13.083		
	<i>O. a. karelini</i>	2.657		
	<i>O. a. nigrimontanae</i>	711		
Кыргызстан	Все, только охотхозяйства	15.507	2021	Национальный комитет статистики, 2022
Кыргызстан	Все, включая нераспределенные угодья	22.304	2021	Департамент сохранения биоразнообразия и ООПТ, 2022
Монголия	По всей стране	17.903-26.155	2009	Reading et al., 2020 со ссылками на различные оценки
Таджикистан	Восточный Памир, охотхозяйства	26.500	2018	Служба охраны рыбы и дичи США, 2022
Узбекистан	Нуратинский заповедник	1.474 (весна)	2022	Н. Бешко, личн. сообщ., 2022
		1.350 (осень)		

Комитет лесного хозяйства и животного мира Казахстана предоставил данные о четырёх подвидах архаров, а также о транскаспийском уриале *Ovis vignei arkal*, объединяя эти виды под общим термином "горные бараны" (Абдрахманов, личн. сообщ., 2022 г.). В Таблицу 2 уриал не включен. Предоставленные данные указывают на постепенное, хотя биологически не невозможное, увеличение численности трёх подвидов (см. Рисунок 8), в то время как численность *O. a. ammon*, встречающегося в горах Алтая практически полностью за пределами Казахстана, снижается и, возможно, он в стране уже исчез.

В отчете Департамента сохранения биоразнообразия и ООПТ Республики Кыргызстан (2022) указаны три подвида: тьяншанский архар *O. a. karelini*, памирский архар или баран Марко Поло *O. a. polii* и архар Северцова *O. a. severtzovi*. В отчете за 2021 год указано 69 особей архара Северцова в Баткенской области. Учитывая крайнюю редкость этого подвида архаров за пределами его оставшегося основного ареала в Нуратинском заповеднике Узбекистана, его появление в Кыргызстане имеет большое природоохранное значение.

Присутствие подвида в этой части Ферганской долины также было подтверждено Узбекистаном в 2022 году (Бешко, личн. сообщ., 2022).

*Рисунок 8: Казахский архар *O. a. collium* на территории охотхозяйства «Северо-Восточное», Карагандинская область, Казахстан, 2018. Фото: Ш. Михель.*

С начала 1990-х гг., в связи с развитием международного охотничьего туризма в Кыргызстане, различие между тьяншанским архаром и архаром Марко Поло стало предметом научных и правовых дискуссий. Некоторые ученые, например А.Т. Давлетбаков (личн. сообщ., 2010–2021), утверждают, что архары Марко Поло населяют только южные части страны и представлены небольшими популяциями, а большинство архаров принадлежит тьян-шаньскому подвиду, который, по их мнению, не находится под угрозой исчезновения и остается стабильным по численности. Однако правительство Кыргызской Республики в начале 1990-х гг. считало, что тьяншанский архар представлен лишь в небольшом количестве и населяет ограниченное число территорий в Иссык-Кульской и Нарынской областях.

Данные по Узбекистану относятся только к учетам в пределах Нуратинского заповедника, а представленные цифры – это число животных, непосредственно наблюдавшихся на учетных трансектах. Экстраполяция этих данных дает численность популяции весной 2022 года более 2.219 особей, осенью – 2.272 особей. Отсутствие существенного увеличения численности с весны до осени может объясняться более низкой выявляемостью вида осенью и погодными условиями во время обследования. Данные фотоловушек зафиксировали большие стада и высокий успех размножения. Вне ООПТ численность архара низка (Бешко, личн. сообщ., 2022).

Для Монголии самая новая доступная информация была представлена в 2020 г. (Reading et al., 2020), но она основана на данных учетов 2009 года и экспертных предположениях о тенденциях изменения численности в отдельных регионах при общем ее сокращении.

Согласно этим данным, популяции архаров в западной и центральной Монголии продолжают уменьшаться, а в восточных регионах наблюдаются признаки роста. Популяции в южной Монголии относительно стабильны.

Данные из четырех других стран ареала свидетельствуют, что популяции архара там стабильны и даже растут. Однако, поскольку эти данные представлены администрациями ООПТ и охотхозяйств, а затем компилированы государственными органами, ответственными за управление этими популяциями, существует высокий риск искажения в положительную сторону. Некоторые НПО и отдельные эксперты — в основном те, кто выступает против легальной охоты — время от времени заявляют о трагически низкой и постоянно снижающейся численности, которая намного ниже оценок, подтвержденных результатами учетов с участием независимых экспертов из национальных и международных научных учреждений и МСОП.

Угрозы

Основными угрозами для архара являются браконьерство (ради мяса), конкуренция за пастбища, возможно вытеснение и передача болезней домашним скотом, а также утрата местообитаний. Этот набор угроз, кажется, мало различается для разных популяций, несмотря на разницу занимаемых ими местообитаний. В целом, архары чрезвычайно нетерпимы к человеческому вмешательству (Федосенко, 1999; Namgail, 2004; Maroney, 2006; Namgail et al., 2007; Harris, 2007; Schaller & Kang, 2008). В местах, где бывает скот с пастухами, архары обычно не появляются. Более крупные субпопуляции архаров приурочены обычно к территориям с высоким уровнем активной охраны (несколько ООПТ, некоторые охотничьи хозяйства и закрытые территории горнодобывающих компаний) и/или к удаленным и труднодоступным местам. Например, плотность популяции архара в Сарычат-Эрташском заповеднике (Кыргызстан) оценивается в 2,26 особей / км² (95%-й доверительный интервал 1,47–3,52), тогда как в соседней долине Койлю, используемой для выпаса скота, архары не были отмечены (Khanuyari et al., 2020). Хотя конкуренция со скотом за скудные пищевые ресурсы явно важна как фактор, лимитирующий численность архаров, полное отсутствие этого вида во многих подходящих местообитаниях скорее всего вызвано браконьерством, и связанным с ним беспокойством, а также преследованием со стороны пастушьих собак. В охотничьих хозяйствах, управляемых местными сообществами, где эффективно предотвращается браконьерство, архары могут сосуществовать со скотом. Редкие наблюдения в местах, где нет браконьерства и беспокойства со стороны скота и собак, позволяют предположить, что архар может привыкнуть к присутствию человека (см. Young et al., 2011) — например, вблизи золотого рудника Кумтор и в Сарычат-Эрташском заповеднике.

Пограничные ограждения на государственных границах создают препятствия для перемещения и расселения архаров, мешая доступу к оптимальным сезонным пастбищам и способствуя фрагментации и генетической изоляции (Luikart et al., 2011; Rosen, 2012; Mallon et al., 2014; Ali et al., 2017).

Правовая защита и использование

Во всех странах Центральной Азии изъятие из природы видов, включенных в Красную книгу, в принципе запрещено, но может быть разрешено специальными распоряжениями правительства. На основании таких распоряжений ежегодно устанавливаются квоты для

добывания в рамках охотничьего туризма в Кыргызстане (около 100 голов в год), Монголии (количество варьирует от года к году), Таджикистане (110 голов в сезон 2019/2020 гг. по данным Службы рыбы и дичи США, 2022) и Узбекистане (до 6 голов в год). В Казахстане аналогичное решение в настоящее время только обсуждается. Все эти квоты можно считать консервативными, учитывая представленные данные о численности популяций, и то, что легальная охота не является прямой причиной ни сокращения численности, ни удержания ее на низком уровне на каких-то локальных территориях.

2.2.3 Снежный барс

Систематика и распространение

Снежный барс (*Panthera uncia*) – самый мелкий представитель крупных кошачьих из рода *Panthera* и ранее выделялся в отдельный род *Uncia*. Генетические исследования (Davis et al., 2010) показали, что ближайшим родственником снежного барса является тигр (*Panthera tigris*), с которым они разошлись 2,7–3,7 миллионов лет назад. Общепризнанных подвидов не выделяется из-за высокой связанности мест обитания снежного барса в пределах ареала и его способности преодолевать большие расстояния, в том числе пересекая районы с неподходящими биотопами.

Снежный барс распространен в 12 странах Центральной Азии (Афганистан, Бутан, Китай, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Непал, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан). Пригодные для него местообитания расположены в горах на высотах от 600 до 4000 м над уровнем моря на севере ареала и от 2500 до 5800 м – на юге. Обычно снежные барсы встречаются в безлесных местах со скальными выходами, но иногда также в разреженных лесах и редколесьях.

Природоохранный статус

С 2017 года снежный барс оценивается в Красном списке МСОП как уязвимый вид (Vulnerable, VU), до того его состояние считалось как «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (Near Threatened, NT). Авторы последней оценки считают предыдущую оценку 2008 года некорректной, так что изменение статуса в 2017 г. является скорее формальным исправлением и не отражает реальное изменение статуса вида (McCarthy et al., 2017). Эта оценка, как и предположения о численности популяций, также вызывают сомнения, однако статус остается неизменным, поскольку лучших данных о глобальной численности не существует, что не позволяет присвоить виду более высокую категорию риска согласно критериям Красного списка.

Вид включен в Приложение I СИТЕС и Приложение I КМВ. В течение последних двух десятилетий легальная охота повсеместно запрещена. Последние случаи легальной охоты имели место в Монголии в начале 1990-х гг.

Численность и тенденции ее изменения

В 2021 г. численность популяции снежного барса в Монголии была оценена на основе систематических стратифицированных учетов (Bayandonoi et al., 2021). Предварительный результат составил около 953 взрослых особей (при 95%-м доверительном интервале 806–

1.127) для всей площади пригодных местообитаний в Монголии, составляющей 326.617 км². К сожалению, нет подобных оценок численности для других стран ареала.

Данные о численности приводятся в страновых отчетах (McCarthy et al., 2017): от 100 до 120 особей в Казахстане, от 300 до 400 в Кыргызстане (Рисунок 9), от 250 до 280 в Таджикистане и 30-50 или 80-120 в Узбекистане. Различия в числах обусловлены, вероятно, разными отчетными годами. В Казахстане, согласно последним (на 2021 г.) оценкам Института зоологии (Алматы), численность составляет от 140 до 180 особей (Служба центральных коммуникаций, 2022), в то время как в 2014 г. она оценивалась в 110–130 особей (Mallon and Kulikov, 2015). В Таджикистане в середине 1960-х гг. А.И. Соков (1971) предполагал, что численность снежных барсов составляла около 1.000 особей, однако в последнем издании Красной книги Таджикистана (2015) предполагается, что в стране обитает 250 особей. В текущем проекте Национального плана действий по сохранению снежного барса (Правительство Республики Таджикистан, 2022) предполагаемая численность популяции указана как 500 особей. Однако, как и в других странах, систематические исследования популяции в масштабах страны отсутствуют, а плотность популяции существенно варьирует, что делает оценку для больших территорий крайне сомнительной.

Рисунок 9: Котята снежного барса в заповеднике Байбоосун, Кыргызстан. Фото: Акматов

Из-за сомнительности как прежних, так и современных оценок численности снежного барса сложно определить направление изменений его популяции. Предполагается, что в одних районах численность остается стабильной или немного увеличивается, а в других, скорее всего, снижается (McCarthy et al., 2017). Возможно, на некоторых территориях в пределах бывшего СССР вид локально исчез. Представление о росте или восстановлении популяций в некоторых случаях может сложиться вследствие увеличения учетного усилия в районах, где ранее учеты не проводились. В то же время, не исключено, что природоохранные меры также имели какой-то результат.

Угрозы

Основные причины снижения численности снежного барса включают незаконное убийство зверей, как совершаемое с целью браконьерства, так и случающееся при защите скота пастухами, а также сокращение пищевых ресурсов – популяций диких копытных, происходящее из-за браконьерства, конкуренции со скотом и вследствие вызванной скотом деградации местообитаний. С помощью фотоловушек показано, что бродячие самцы снежных барсов регулярно отмечаются во многих районах, но встречи размножающихся самок приурочены к ограниченным территориям (Лукаревский, личн. сообщ., около 2015 года; ANCOT, неопubl. данные; Ilbirs, неопubl. данные). Хотя тут возможен непропорциональный учёт, связанный просто с меньшей подвижностью размножающихся самок, также вероятно, что таким образом зафиксировано реальное отсутствие самок на больших территориях, и причина этого – в их меньшей склонности к расселению, по сравнению с самцами. Это означает и меньшую вероятность повторного заселения самками тех территорий, откуда снежные барсы когда-то исчезли. Кроме того, самки с котятами используют для охоты сравнительно небольшие территории, и потому им необходимы участки с более высокой плотностью населения копытных. Низкая плотность популяций жертв может влиять на пригодность местообитаний для размножающихся снежных барсов, и, следовательно, на их репродуктивный успех.

2.2.4 Бухарский олень

Систематика и распространение

До недавнего времени бухарский олень считался подвидом благородного оленя *Cervus elaphus*. В 2017 г. он был впервые включен в Красный список МСОП как отдельный вид – *Cervus hanglu*, включающий собственно бухарского оленя *C. h. bactrianus*, а также хангула *C. h. hanglu* и таримского оленя *C. h. yarkandensis*. Распространение бухарского оленя ограничено долинами рек Амударья, Сырдарья, Зарафшан и Или с прилегающими к ним полупустынями и пустынями. Автохтонные популяции сохранились только в нескольких местах в бассейне первой из этих рек, популяции в остальных нынешних участках обитания были восстановлены во второй половине XX – начале XXI в.

Природоохранный статус

В настоящее время в Красном списке МСОП вид *Cervus hanglu* в целом рассматривается как «вызывающий наименьшие опасения» (LC). Основанием для такой оценки служит то, что популяция насчитывает 2–2,5 тыс. взрослых особей и продолжает расти, площадь встречаемости (Extent of Occurrence, EOO) превышает 1 млн. км², а непосредственно заселенная видом площадь (Area of Occupancy, AOO), хоть полностью и не известна, но явно не приближается к опасному порогу менее 2000 км², который по критериям Красного списка МСОП служит основанием для придания виду статуса уязвимого (VU) (Brook et al., 2017a).

Учитывая, что общая численность вида *Cervus hanglu* и известная заселенная им площадь (AOO) близки к пороговым значениям для статусов угрожаемого и уязвимого (EN и VU), в будущем вид, возможно, должен быть отнесен к категории «находящийся в состоянии, близком к угрожаемому» (NT). Бухарский олень как подвид (*C. h. bactrianus*), по-видимому, также соответствует этой категории (находящийся в состоянии, близком к угрожаемому – NT), а таримский олень (подвид *C. h. yarkandensis*) может заслуживать более высокой категории риска. Хангул (подвид *C. h. hanglu*) уже оценен отдельно как «находящийся на грани полного исчезновения» (Critically Endangered) (Brook et al. 2017b).

Численность популяций и тенденции ее изменения

В последнем обзорном отчете по бухарскому оленю (CMS, 2020a), основанном на национальных отчетах государств ареала и оценках экспертов, указывается, что общая численность вида оставалась стабильной и увеличивалась. Однако на различных изолированных участках обитания численность и динамика локальных популяций различны (CMS, 2020a). В отчете приведены следующие данные о численности популяций рассматриваемого подвида и направлении ее изменения по странам (включая неполовозрелых особей и вольерных животных):

Казахстан:	>900 особей – увеличивается
Таджикистан:	>500 особей – стабильно/увеличивается
Туркменистан:	~250 особей – стабильно/немного увеличивается
Узбекистан:	>2.000 особей – увеличивается, в заповеднике Бадай-Тугай наблюдается перенаселение, что вызывает деградацию экосистемы и самой популяции
Всего:	3,735–3,900 особей

Рисунок 10: Бухарский олень в Зеравшанской долине, Таджикистан. Фото: Ш. Михель

Наибольшая популяция бухарского оленя в настоящее время обитает в Узбекистане, в границах участка Бадай-Тугай государственного биосферного резервата «Нижне-Амударьинский». На основании учета 2019 года оценка плотности этой популяции составляла примерно 24 особи/км², общая численность – 2.112 особей (95%-й доверительный интервал: 1.320–3.344). Налицо очень значительный рост, ведь в 1999 г. там было всего около 100 животных. Однако авторы заключают, что такой размер популяции несовместим с сохранением экосистемы тугайных лесов, в которой обитают олени, и не способствует сосуществованию с местными землепользователями (Cornelis et al., 2020). Сложившаяся ситуация представляет угрозу устойчивости популяции: либо естественные процессы, такие как увеличение смертности или снижение воспроизводства вследствие слишком высокой плотности, либо риск увеличения браконьерства могут значительно сократить численность бухарского оленя на этой территории. Видимо важным фактором является ограниченность перемещений оленей. Она, в свою очередь, обусловлена сочетанием нескольких причин, среди которых важную роль играют физические барьеры, созданные антропогенными изменениями ландшафта, браконьерство/беспокойство и поведенческие особенности популяции, связанные с её историей, включая реинтродукцию. Другие популяции бухарских оленей в Узбекистане сейчас стагнируют либо растут очень медленно, однако любая хорошо охраняемая изолированная популяция может столкнуться в будущем с подобными проблемами.

В Казахстане к 1956 г. вид полностью исчез. В 1981 г. 22 бухарских оленя было завезено в охотничье хозяйство Карачингиль в долине р. Или. Таким образом, все современные казахстанские популяции являются либо полувольными, либо реинтродуцированными. В 1999 г. численность популяции составляла около 80 особей. В 2021 г. численность полувольной популяции на огороженной территории в охотничьем хозяйстве Карачингиль по официальным данным составляла 605 голов и еще 80 оленей обитали на воле за пределами ограждения. Это свидетельствует, что популяция значительно выросла за последние десятилетия. Нет информации, управляется ли популяция в настоящее время таким образом, чтобы стабилизировать ее численность. Животные из Карачингиля использовались для программы реинтродукции бухарского оленя в долину р. Сырдарья

(Туркестанский лесхоз), начатой в 2002 г. К 2020 г. численность оленей там достигла примерно 150 особей. С 2020 г. началось переселение из Карачингиля в государственный природный резерват «Иле-Балхаш», расположенный в Южном Прибалхашье, восточнее дельты р. Или. В настоящее время на этой территории обитает более 100 оленей.

В Таджикистане в заповеднике Бешаи-Палангон (ранее назывался «Тигровая балка») обитает крупнейшая автохтонная популяция бухарского оленя. Эта популяция имеет первостепенное значение для генетической целостности подвида, несмотря на то, что в прошлом ей пришлось пройти через серьезные падения численности, возможно и «бутылочные горлышки», и на то, что выходцы из этой популяции представлены в большинстве реинтродуцированных популяций, если не во всех. Эта популяция непрерывно растет, начиная с 1990-х гг., когда наблюдался минимальный уровень ее численности, и есть опасение, что в ближайшем будущем у нее могут возникнуть проблемы, аналогичные рассмотренным выше для заповедника Бадай-Тугай в Узбекистане. В 2010 г. численность оценивалась в 150 особей, в 2019 г. – 350 особей, что демонстрирует явно положительную тенденцию. Расселение оленей вдоль р. Пяндж пока ограничено. Несмотря на то, что вид распространен в пойме реки вверх по течению до заповедника Даштиджум (в старых источниках – также Дашти-Джум), крупная популяция здесь пока не сформировалась. Возможно, этому препятствует недостаток доступных местообитаний и браконьерство, в частности, в пойменных участках на территории Афганистана. Менее крупная, стабильная или медленно растущая реинтродуцированная популяция существует в Зерафшанской долине, где является трансграничной с Узбекистаном. В этой долине развитие сельского хозяйства на пойменной территории, в сочетании с соответствующими изменениями гидрологического режима реки, привели к большим потерям местообитаний бухарского оленя (Ш. Михель, неопубл. отчет, 2018).

Угрозы

Естественные местообитания бухарского оленя — пойменные (тугайные) леса — быстро сокращаются вследствие человеческой деятельности. Преобразования речного русла для освоения или защиты сельскохозяйственных земель и для добычи грунта, приводят к прямым и косвенным потерям актуально существующих и потенциальных местообитаний в различных частях ареала. Даже естественные местообитания в пределах ООПТ могут оказаться недоступными из-за антропогенных барьеров, предотвращающих реколонизацию, например, в биосферном резервате «Нижне-Амударьинский» в Узбекистане (CMS, 2020a). Площадь пригодных пойменных местообитаний и фрагментация местообитаний и популяций кажутся наиболее важными лимитирующими факторами, однако браконьерство и связанное с ним беспокойство также могут влиять на рост популяций и ограничивать способность оленей к расселению, особенно за пределами охраняемых территорий.

Правовая защита и использование

Бухарский олень в настоящее время защищен законодательством всех стран, где он обитает. Он включен в Приложения I и II КМВ под названием «*Cervus elaphus yarkandensis* (популяции в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Афганистане)» в соответствии с принятой для этой конвенции таксономической системой (Wilson & Reeder, 2005). Включение в Приложение I КМВ требует обеспечения правовой

защиты от изъятия из природы, а Приложением II предусмотрена необходимость заключения международных соглашений о трансграничной охране. Международные меры по охране согласованы в рамках Меморандума о взаимопонимании по вопросам сохранения и восстановления бухарского оленя (Bukhara Deer MoU) в рамках КМВ. До недавнего времени разрешения на охоту на бухарского оленя не выдавались, только в исключительных случаях разрешался отлов для переселения и реинтродукции. В 2022 г. в базе данных по разрешениям СИТЕС зафиксирован первый случай ввоза охотничьего трофея, происходящего из дикой природы, из Узбекистана в Россию; в начале 2024 г. турист-охотник из США охотился на бухарского оленя в Узбекистане.

2.3 Масштабы, причины и последствия браконьерства для рассматриваемых видов

Все виды, отобранные для данного исследования, находятся под угрозой из-за незаконной охоты, однако масштабы, участники, причины такой охоты, а также ее прямые и косвенные последствия разнятся в зависимости от конкретного вида. В этом разделе описывается проблема браконьерства в Центральной Азии и сделана попытка оценить ее влияние на каждый из рассматриваемых видов. Также описываются текущие меры по борьбе с браконьерством и потенциал использования подходов, основанных на участии местных сообществ (CBWM), для снижения влияния браконьерства.

2.3.1 Сайгак

Масштабы браконьерства

В 1990-х гг. браконьерство было настолько интенсивным, что уничтожило 95% всего поголовья вида (см. раздел 1.1). Вслед за коллапсом популяций сайгака размах браконьерства также сократился, поскольку прибыль от незаконной торговли рогами значительно уменьшилась из-за низкой плотности популяций, а риск быть пойманным увеличился из-за усиления мер по охране сайгаков (Kühl et al., 2009). Таким образом, когда численность сайгаков была низкой, браконьерская деятельность организованных преступных групп с целью незаконной торговли почти прекратилась, однако в настоящее время она снова является проблемой.

Ежегодно в регионе фиксируется множество случаев браконьерства, и изымаются незаконно добытые части и дериваты сайгаков, предназначенные для продажи в Китай и Юго-Восточную Азию (ТенгриНьюс, 2022b; ТенгриНьюс, 2022c). Так, с 2016 по 2020 гг., в соответствии с МоВ по сайгакам, Казахстан и Россия предоставляли Секретариату КМВ информацию о случаях браконьерства и изъятия. Хотя количество этих случаев год от года варьирует, общее число остается примерно на одном уровне, что ясно свидетельствует о том, что браконьерство остается серьезной угрозой для сайгаков (см. Рисунок 11). Подобный же неизменный тренд наблюдается в отношении количества изъятых рогов, причем в России оно даже увеличилось. В Казахстане же к концу рассматриваемого периода увеличилось количество изъятых туш сайгаков. Значительное превышение числа изъятых рогов по сравнению с числом изъятых туш указывает на то, что лишь малая часть случаев браконьерства обнаруживается и регистрируется.

Влияние браконьерства на популяции сайгака

Браконьерство в коммерческих целях исторически оказывало большое влияние на популяцию сайгака. Незаконное добывание, в первую очередь самцов ради рогов, стало основной причиной резкого сокращения популяции сайгака, наблюдавшегося в 1990-х гг., в результате чего от прежней численности популяции по всему ареалу осталось всего около 5%. Чтобы популяция смогла восстановиться, были приняты меры по сохранению как на национальном, так и на международном уровне (см. раздел 2.2.1, Howe et al., 2011).

Браконьерство по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для вида, хотя интенсивные антибраконьерские мероприятия сдерживают ее до уровня, который позволяет популяции сайгака расти и восстанавливаться.

Причины браконьерства

Причины браконьерства разнообразны и различаются по странам ареала (CMS, 2021). Наибольшие потери сайгак несет от деятельности организованных преступных групп, нацеленной на добычу рогов для экспорта их в Китай и Юго-Восточную Азию. Браконьерством другого типа иногда занимаются местные жители, проживающие в ареале сайгака: они добывают сайгаков ради мяса для личного потребления или с целью продажи. Такие местные браконьеры чаще всего не охотятся специально на самцов, но если случается добыть рогача, могут продать рога. Побудить человека к браконьерству могут экономические трудности и безработица, но это может быть и охота как хобби или желание использовать мясо сайгака как альтернативу забою собственного скота. Также широко распространено «браконьерство по случаю», когда местный житель просто стреляет в сайгака, случайно попавшегося на глаза, например, во время пастбы скота. Такое браконьерство может происходить даже при очень низкой численности сайгака и потому представляет особую опасность для выживания малых популяций. Наконец, третий тип – это браконьерство охотников из крупных городов, как правило, находящихся за пределами ареала сайгаков. Эти люди незаконно охотятся на сайгаков из спортивного интереса или ради развлечения. Такие охотники, скорее всего, оказывают наименьшее влияние на популяции сайгаков. Официальные данные о числе добытых браконьерами животных следует интерпретировать с осторожностью, так как многие случаи, по всей видимости, остаются невыявленными.

2.3.2 Архар

Масштабы браконьерства

Есть основания считать, что архары продолжают подвергаться интенсивному браконьерству, несмотря на официально принятые меры по охране. Существуют некоторые сведения о браконьерстве на архаров. Например, о случаях такого браконьерства регулярно сообщается в Казахстане. Статистику выявленных случаев браконьерства и задержанных браконьеров получить нелегко, поскольку систематический учет не ведется. Точный мониторинг популяции архаров и случаев браконьерства проводить трудно, так как большинство архаров обитает в отдаленных местах, что делает патрулирование и обеспечение правоприменения сложной задачей. Для определения уровня браконьерства часто используются косвенные свидетельства.

Рисунок 12: Недавний случай браконьерства на архаров в Алматинской области на юго-востоке Казахстана (источник: <https://ohotniki.kz/articles/brakonerstvo/2020-brakonerov-s-myasom-arkhara-zaderzhali-politsejskie-almatinskoj-oblasti>).

Рисунок 13: Конфискованные ружья и черепа архаров в охотничьем хозяйстве в Восточном Памире, Таджикистан, 2009. Фото: Ш. Михель

Влияние браконьерства на популяции архара

По указанным выше причинам оценить влияние браконьерства на популяции архара трудно. Поэтому мы попытаемся оценить масштабы браконьерства на основании данных из местных отчетов и по косвенным признакам.

Если удастся остановить браконьерство, численность архаров может значительно увеличиваться всего за несколько лет. Например, после того, как группа из местного населения Северного Аличура (Восточный Памир, Таджикистан) в 2013 г. установила охрану архаров, их численность возросла со 106 особей в декабре 2012 г. до 577 в декабре 2018 г. (ANCOT, неопubl. инф., 2019). В Казахстане, в только что созданном Каратауском заповеднике (2004 г.), численность архаров составляла 38 особей, а к 2021 году их стало уже более 300. Следовательно, причиной сокращения или стагнации численности популяций в подходящих местообитаниях, вероятно, является браконьерство. Например, учеты, проведенные в сентябре 2013 г. на двух экологически сопоставимых территориях Таджикистана продемонстрировали следующие показатели: на неохраняемой территории плотность популяции архара оценена в 0,01, козерога – 0,7 особей/км², тогда как в соседнем охотничьем хозяйстве, где принимались меры по борьбе с браконьерством, оценки составили для архара 2,7, для козерога – 0,9 особей/км² (Michel & Rosen, 2024). На хребте Нуратау в Узбекистане популяция архара сосредоточена почти исключительно на

территории Нуратауского заповедника. За пределами этой ООПТ архары встречаются лишь изредка (собственные наблюдения, Бешко, личн. сообщ., 2016).

Браконьерство и охота могут оказывать значительное влияние на поведение архаров, в зависимости от интенсивности и методов добывания. Там, где есть браконьерство и/или скот охраняется собаками, архары обычно держатся на большом расстоянии от людей и скота. В охотничьих хозяйствах, где для приближения к архарам используются транспортные средства, животные убегают от машин. При отсутствии браконьерства и в местах, где скот находится на свободном выпасе без собак, архары могут привыкнуть к присутствию людей и используют пастбища совместно со скотом (Рисунок 14). В районе золотого рудника Кумтор в Кыргызстане, где введен строгий запрет на охоту, архаров иногда можно увидеть пасущимися в нескольких метрах от грунтовых дорог, по которым ездит тяжелая горнодобывающая техника и перемещаются рабочие (Давлетбаков, личн. сообщ., 2015). Точно также, замечено, что архары в Сарычат-Эрташском заповеднике в Кыргызстане и в заповеднике Их Нарт в Монголии привыкли к присутствию исследователей и подходили близко к их лагерям (Рисунок 15) (Куленбеков, личн. сообщ., 2015; Reading, личн. сообщ., примерно 2010).

Рисунок 14. Домашние яки пасутся вместе с архарами. Юго-Восточный Памир, Таджикистан. Фото: Бекмуродов.

Рисунок 15. Спокойно пасущиеся архары в Сарычат-Эрташском заповеднике – свидетельство отсутствия браконьерства. Фото: Гилберт.

Причины браконьерства

Местные жители могут оказаться участниками незаконной охоты по разным причинам: для добывания средств к существованию, из коммерческих соображений, иногда из спортивного интереса и даже чтобы отомстить за то, они ощущают себя исключенными из легального использования ресурсов. В случае браконьерства на архара, однако, получение средств к существованию или надежда на скромный заработок едва ли бывают основной движущей силой. Охота на архаров обычно требует долгих переходов пешком или верхом по сложной местности. Вероятнее, что браконьерство мотивируется спросом на трофей, показывающий силу и выносливость охотника.

В некоторых случаях архары оказываются необычно близко к людям, и это делает их легкой добычей для браконьеров. Например, местообитания архаров часто расположены близко к государственным границам, где животные легко доступны для имеющих оружие пограничников. В Центральной Азии известны случаи, когда вооруженные сотрудники государственных органов были вовлечены в браконьерство на архаров (различные личн. сообщ. Ш. Михелю, 1993–2022).

Существует неофициальная информация, что в Казахстане некоторые охотхозяйства, где основной ценной дичью для иностранных охотников является сибирский козерог, могут допускать или даже сами практиковать браконьерство на архаров, которые формально находятся под защитой национальной Красной книги потому не представляют коммерческой ценности для легального охотничьего туризма (Левитин, личн. сообщ., 2018).

Сообщения о незаконной трофейной охоте поступают из различных частей ареала архара, хотя во многих случаях трудно получить надежные подтверждения. Например, в апреле 2017 г. кыргызстанская таможня на границе с Таджикистаном изъяла семь трофеев барана Марко Поло, которые собирались отправить европейским охотникам (National Explorer,

2017). Разрешение на импорт отсутствовало, а разрешение на охоту в сопроводительной документации было фальшивым.

Там, где охота на архаров является законной, нарушение правил охоты подрывает эффективность мер по обеспечению устойчивости использования вида. Известны случаи охоты за пределами отведенных территорий и даже на особо охраняемых природных территориях, где любая охота запрещена, а также вне официального сезона охоты. Случаи охоты на архаров иностранцами на ООПТ были зарегистрированы в Кыргызстане и Таджикистане. На территории заповедника Зоркуль в Таджикистане в 2010 г. был даже обнаружен незаконный охотничий лагерь.

С учетом, что на рынке легальной охоты на горных баранов существует сильная конкуренция и погоня за «рекордными» трофеями, возникает предположение, и оно подкреплено фотоматериалами, что трофеи иногда фальсифицируются. Эти поддельные трофеи могут включать рога более чем одного барана. Дополнительные животные, добытые для получения таких трофеев, могут не учитываться в соответствующих разрешениях и документации. Кроме того, поддельные трофеи потенциально могут исказить представление о реальном состоянии опромышляемых популяций диких баранов, не позволяя вовремя заметить, что размеры добываемых рогов постепенно уменьшаются, что служит индикатором перепромысла. Уменьшение размеров добываемых рогов либо показывает, что слишком мало особей достигают преклонного возраста, либо что средний размер рогов в популяции имеет общую тенденцию к уменьшению из-за отрицательного отбора. К тому же, любые незаконные и неэтичные практики подрывают репутацию легальной охоты, могут вызвать запреты на импорт трофеев и другие негативные экономические, социальные и природоохранные последствия, да и просто поощряют браконьерство.

2.3.3 Снежный барс

Масштабы браконьерства

Существует оценка масштабов браконьерства на снежного барса и незаконной торговли продуктами этого браконьерства в странах ареала вида (Nowell et al., 2016). На основе интервью с экспертами авторы этой работы нашли, что ежегодно с 2008 по 2016 г. незаконно добывалось от 221 до 450 снежных барсов. Предполагается, что по меньшей мере подобное количество животных добывалось браконьерами и в последующие годы (Snow Leopard Trust, 2024).

Большая часть случаев браконьерства остается невыявленной. По Казахстану данных мало: с 2003 г. известно всего пять фактов и ни одного изъятия незаконно добытого животного. Однако неофициальные сообщения и низкое число снежных барсов в подходящих местах обитания указывают на продолжающееся браконьерство (Nowell et al., 2016). В Кыргызстане с 1990-х гг. уровень браконьерства и торговли снизился: в то время ежегодно незаконно добывалось от 90 до 120 животных (Koshkarev & Угураев, 2000). В период с 2000 по 2002 годы антибраконьерский отряд "Группа Барс", созданный германской НПО NABU, изъял 16 снежных барсов. За период с 2003 по 2016 год зафиксировано всего 14 случаев браконьерства и изъято соответствующее количество снежных барсов (Nowell et al., 2016).

Реальное число случаев браконьерства, вероятно, больше. Исследователи, пытавшиеся пометить снежных барсов радиоошейниками в горах Внутреннего Тянь-Шаня, обнаружили

очень мало следов присутствия зверя за пределами ООПТ, несмотря на подходящие местообитания и достаточное обилие потенциальных жертв, зато нашли несколько ногозахватывающих капканов. Это свидетельствует о разгуле браконьерства (Kachel, личн. сообщ., 2014). В Таджикистане, по оценкам, ежегодно жертвами браконьеров становится 20–25 снежных барсов, из которых 10 попадают на черный рынок, но за период 2010-2016 гг. было только восемь случаев изъятия (Nowell et al., 2016).

Влияние браконьерства на популяцию снежного барса

Незаконное добывание, вероятно, является основной причиной снижения численности популяции снежного барса (Nowell et al., 2016). Снежный барс, как высший хищник, имеет естественно низкую скорость размножения и редко становится жертвой других хищников (Mallon & McCarthy, 2024). Учитывая масштаб браконьерства и то, что общая численность вида не превышает нескольких тысяч особей, можно с уверенностью утверждать, что любая дополнительная смертность по антропогенным причинам создает угрозу выживанию вида.

Любая локальная популяция снежного барса может быстро оказаться под угрозой, если жертвами браконьеров становятся размножающиеся самки. В отличие от самцов, которые способны переселяться на большие расстояния, самки обычно менее мобильны, и предпочитают обосновываться ближе к материнскому индивидуальному участку. Поэтому потерю самок нелегко компенсировать, и она может привести к локальному вымиранию, особенно в изолированной части ареала, отгороженной антропогенными или природными барьерами (В. Лукаревский, личн. сообщ. Ш. Михелю, 2015). В дополнение к этому, размножающимся самкам требуется более высокая плотность населения жертв, чем самцам. Поэтому браконьерский пресс на виды копытных, служащие основными кормовыми объектами снежного барса, может оказать значительное негативное влияние на его репродуктивный успех (Mallon & McCarthy, 2024).

Причины браконьерства

Снежных барсов убивают, преимущественно, в отместку за нападение на скот либо в целях незаконной торговли (Таблица 3). Когда снежный барс проникает в плохо охраняемую кошару или загон для скота, это сооружение часто оказывается для него ловушкой. Хищник убивает большую часть или даже весь скот, который там находится, и сам становится добычей пастуха. В таких случаях владельцы скота могут попытаться компенсировать свои потери, продав снежного барса – живого или мертвого – либо его части, которые ценятся на черном рынке (Рисунок 16). Эксперты подсчитали, что 60% случаев «ответного» и случайного браконьерства заканчиваются попыткой продать животное (Nowell et al., 2016).

Таблица 3: Рейтинг угроз, связанных с добыванием (прямым убийством и изъятием из природы) снежных барсов по странам ареала. Источник: SLN, 2014, цит. по: Nowell et al., 2016. Чем выше число, тем серьезнее воспринимаемая угроза: высокая (красный, 11–15); средняя (оранжевый, 6–10); низкая (желтый, 1–5); не представляет угрозы (белый, 0).

Добывание (убийство или отлов) снежных барсов	Афганистан	Бутан	Китай	Индия	Монголия	Непал	Пакистан	Россия	Кыргызстан	Казахстан	Таджикистан	Узбекистан	Среднее для всего ареала
В ответ на убийство домашних животных	13	6	10	8	11	12	14	8	6	12	8	8	9,7
Браконьерство для продажи шкуры или костей	9	6	8	6	6	9	12	10	15	11	11	9	9,3
Пополнение коллекций зоопарков и музеев	0	0	0	0	0	6	0	0	2	3	3	5	1,1
Традиционная охота местного населения	0	3	3	0	4	3	0	0	0	6	1	9	2,4
Вторичное отравление и попадание в капканы	3	7	6	6	7	9	6	14	9	10	4	0	6,7

Рисунок 16: Шкура снежного барса, выставленная на продажу в Таджикистане. Фото: Анон. 2009.

В Таджикистане в период с 2012 по 2020 г. было зарегистрировано 60 нападений снежных барсов на домашний скот, что привело к общей потере не менее 950 овец и коз (UNEP & GRIDArendal, 2020). Часть снежных барсов, напавших на домашний скот, отлавливали и позже выпускали, в некоторых случаях после перевозки на другую территорию. С 2021 г.

вольеры для конфискованных снежных барсов или таких, которые были пойманы в кошарах, управляются охотничьим хозяйством от имени или в сотрудничестве с государственными природоохранными органами (Asia-Plus, 2021). Неясно, что происходит с этими животными дальше. Сообщается, что по крайней мере один такой снежный барс был перевезен в Саяно-Шуменский заповедник для пополнения популяции.

В Казахстане, по неофициальным данным, в 2010–2018 гг. через таксидермические мастерские Алматы ежегодно проходило около 8-10 шкур снежного барса, но все они происходили из Кыргызстана. В последние годы (с 2019–2020 гг.) сообщений о появлении в Алматы шкур снежного барса не было, может быть это связано с улучшением охраны в Кыргызстане. В то же время, в Кыргызстане стало больше сообщений о случаях браконьерского добывания снежных барсов местными жителями с целью незаконной торговли. СМИ сообщали о нескольких неудачных попытках местных жителей незаконно продать части снежного барса в 2020-2022 гг. (kloop, 2020; kloop 2021; kabar 2022a; kabar 2022b; Sputnik.kg, 2022).

Несколько раз, в частности в Таджикистане, отмечались случаи незаконной трофейной охоты на снежных барсов и незаконного отлова живых животных для использования в постановой охоте (когда ранее пойманного снежного барса выпускают под выстрел охотника, который щедро платит за это). Рынок такой незаконной охоты и, следовательно, ее прямое влияние на популяцию весьма ограничены, но само явление может сформировать у местных браконьеров представление, что снежного барса можно продать для этой цели, и это может мотивировать отлов. Один из немногих известных случаев – появление в социальных сетях в 2015 г. фотографии российского бизнесмена с убитым

снежным барсом, хотя время и место предполагаемого браконьерства так и не удалось установить (UNEP & GRIDArendal, 2020; Рисунок 17).

Рисунок 17: Российский бизнесмен Павел Те и снежный барс. Источник: <https://zapovednik-khakassky.ru/en/news-archive/ohotnik-na-snezhnogo-barsa-popalsya-v-seti-feysbuk-5722.html>

Незаконная охота на виды, служащие добычей снежного барса

Сокращение численности животных, служащих снежным барсам добычей, представляет для этого вида такую же угрозу, как и незаконное добывание самих барсов (McCarthy et al., 2017). В Центральной Азии в качестве пищевых объектов для снежного барса наиболее важны горные копытные: сибирский козорог, архар, локально мархур и уриал, а кроме них – сурки. Подобно тому, что мы рассмотрели для архара, браконьерство является важным драйвером сокращения численности и других видов горных копытных. Действующими факторами служат непосредственно смертность и сокращение площади доступных местообитаний, поскольку копытные, подвергаемые браконьерству, избегают территорий, где появляется человек. Движущие силы браконьерства на всех горных копытных аналогичны описанному выше для архара (Раздел 2.3.2).

На сибирского козерога легально охотятся по всему его ареалу, за исключением ООПТ, а в Кыргызстане также за исключением регионов, где действует мораторий на охоту. В Кыргызстане действующее охотничье законодательство разрешает охоту только на закрепленных территориях, и охотники должны получать разрешения от охотпользователей (Алмаз Мусаев, личн. сообщ., 2015). Несмотря на немного систематических исследований, численность азиатского козерога за пределами нескольких ООПТ с особенно высоким уровнем охраны и некоторых охотничьих хозяйств, по-видимому, намного ниже потенциала экосистем. Основным драйвером сокращения численности или отсутствия ее восстановления, вероятно, является браконьерство (Reading

et al., 2020b). В Казахстане в течение последних 10 лет численность козерога оставалась более или менее стабильной с общей тенденцией к росту. Согласно данным, представленным областными территориальными инспекциями лесного хозяйства и животного мира и охотпользователями, численность оценивается в 24,5 тыс. особей (на 2021 г.), из которых около 13,5 тыс. обитают в охотничьих хозяйствах и около 11 тыс. – в пределах ООПТ.

На сурков охота в Центральной Азии разрешена. Ни легальная охота, ни браконьерство не являются значимым фактором сокращения численности популяции или площади ареала, однако никаких научных исследований по этой теме не проводилось. Браконьерство могло представлять значительную угрозу для сурков в некоторых регионах в прошлом, особенно после распада Советского Союза, и оно может стать опасным в будущем, в случае развития рыночного спроса на дериваты сурка.

2.3.4 Бухарский олень

Масштабы браконьерства

В 1990-х гг. браконьерство привело к значительному сокращению популяции бухарского оленя (см. раздел 1.1.4). Опубликованных данных об актуальной ситуации нет. Однако рассмотренные ниже косвенные доказательства свидетельствуют о том, что браконьерство все еще оказывает влияние на популяцию этого вида.

Влияние браконьерства на популяции бухарского оленя

Браконьерство, при отсутствии значительного воздействия естественных хищников, по всей видимости, является одним из ключевых факторов, ограничивающих рост некоторых стагнирующих популяций и расселение бухарских оленей (CMS 2020a).

Как и близкородственный им благородный олень, бухарские олени – социальные животные с длительной связью между матерью и потомством, с передачей опыта между поколениями. Даже низкий уровень браконьерства или преследования может существенно ограничить использование ими подходящих местообитаний и затруднить возвращение вида на ранее покинутые участки ареала. Наряду с барьерным эффектом непригодных местообитаний и антропогенными барьерами, эффекты прошлого и актуального браконьерства могут быть причиной очень ограниченного расселения оленей. По крайней мере, в некоторых случаях расселяющиеся бухарские олени становятся жертвами браконьеров прежде, чем успевают заселить новые места (CMS, 2020a).

Однако в отсутствие конкретных исследований по теме, влияние браконьерства трудно отделить от других факторов, ограничивающих рост популяции, таких как деградация и фрагментация местообитаний, инбредная депрессия в интродуцированных популяциях, происходящих от малого числа основателей, и плотно-зависимое сокращение воспроизводства или пополнения популяции.

Причины браконьерства

Опубликованной информации о причинах браконьерства на бухарского оленя нет, поэтому мы можем только строить предположения. Поскольку олени вообще – типичные охотничьи животные и оленьина – ценное мясо, можно предположить, что браконьерство должно быть мотивировано потребностью в собственном потреблении и заинтересованностью в потенциальной продаже мяса. Браконьерство для торговли пантами в медицинских целях является еще одной возможной причиной, но маловероятной, учитывая общую небольшую численность бухарского оленя и доступность рогов из других (в основном легальных) источников. Охота в качестве отдыха или спорта может быть более вероятной.

Экологическая пластичность позволяет виду использовать ландшафты, измененные человеком, включая сельскохозяйственные угодья и тополевые плантации. Это действительно происходит в некоторых районах и может быть причиной конфликта с фермерами, как в окрестностях Зарафшанского национального природного парка (Мармазинская, личн. сообщ., 2017) и заповедника Бадай-Тугай (Грицына и др., 2019) в Узбекистане. Такие конфликты могут приводить к незаконному отстрелу оленей, однако в настоящее время у авторов исследования нет данных об этом.

3. Управления популяциями диких животных с вовлечением местного населения

3.1 Принципы устойчивого управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ

Устойчивое управление популяциями диких животных – «разумное управление видами диких животных для поддержания их популяций и местообитаний в течение долгого времени с учетом социально-экономических потребностей человеческого населения» (CBD, 2018). Одним из способов обеспечения устойчивости является вовлечение людей, живущих рядом с дикими животными, в их защиту и управление, а также предоставление этим людям возможности извлекать выгоду из такого участия. При соблюдении определенных предварительных условий этот подход оказывается взаимовыгодным как для сохранения диких животных, так и для местного населения. В настоящей главе мы опишем теорию CBWM и ее основные принципы.

Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (Community-based wildlife management, CBWM) — «коллективный социальный процесс, в ходе которого обладатели прав на местные биологические ресурсы соглашаются охотиться или ловить рыбу в определенной географической области способами, которые поддерживают популяции на стабильном уровне в течение многих десятилетий» (FAO et al., 2021). В литературе и на практике используется множество других терминов, которые в целом означают одно и то же — например, управление природными ресурсами, основанное на участии местных сообществ (Community-Based Natural Resources Management, CBNRM), или охрана природы, основанная на участии местных сообществ (Community-based Conservation, CBC), но единого определения этих терминов не существует (Roe et al., 2009). Однако, как правило, все они используются для описания процесса управления природными ресурсами — включая наземных и водных животных, растения, леса и лесные ресурсы — коллективными местными структурами ради местной выгоды. CBWM может включать коммерческое использование диких животных, такое как туризм или охота, или может осуществляться исключительно в рамках натурального хозяйства либо в культурных целях (например, охрана лекарственных растений для традиционного домашнего использования или сохранение леса ради духовной связи с ним). CBWM может включать использование ресурсов, предполагающее их добычу, изъятие из природы, как в случае охоты и рыболовства, и использование без изъятия, такое, как наблюдение за дикими животными или защита определенных видов, имеющих культурную ценность (например, тотемных видов).

Управление, основанное на участии местных сообществ (CBWM), не является новым подходом к сохранению природы – коренные народы и местные сообщества управляли землей и природными ресурсами на протяжении тысячелетий. Однако с 1980-х гг. растет понимание важности и эффективности подходов к управлению популяциями диких животных с вовлечением местного населения и способствующих этому организаций (Roe et al., 2009). В ответ на различные экономические, социальные, экологические и политические проблемы большое количество политиков и практиков в области охраны природы и развития поддержали усилия по возрождению или укреплению местных учреждений управления природными ресурсами или по вовлечению местного населения

в новые практики (например, инициативы по развитию туризма на уровне сообществ) в качестве средства создания стимулов для сохранения природы или диверсификации стратегий местного экономического развития.

Рост интереса к CBWM начался в конце 1980-х годов, в течение которых росло понимание того, что: а) ООПТ сами по себе не обеспечивают достижение целей в области охраны природы и б) больше нельзя исключать людей из процесса охраны природы и управления природными ресурсами ни политически, ни физически (Roe et al., 2009). До этого на практику охраны природы во всем мире влиял североамериканский подход национальных парков, который разделял людей и диких животных. Южная Африка стала местом рождения «нового» подхода к охране природы (нового, по крайней мере, в той степени, в которой были разработаны и реализованы конкретные проекты и программы, такие как Программы управления ресурсами среды обитания коренных народов (CAMPFIRE) в Зимбабве и Проект комплексного развития сельских районов Луангвы (LIRDP) в Замбии). Эти проекты послужили как источником вдохновения, так и управленческими моделями для множества инициатив CBWM, вскоре запущенных по всему миру.

Управление, основанное на участии местных сообществ (CBWM), охватывает широкий спектр способов ресурсопользования, учитывая большое разнообразие как человеческих сообществ, так и ресурсов. Система может быть формальной (т. е. реализованной через конкретные проекты или программы) или неформальной — отражающей обычаи и традиционную практику. Теория, лежащая в основе подхода — это теория ресурсов, находящихся в общей собственности, и теория управления ресурсами (например, Ostrom, 1990; Agrawal, 2001). Теория ресурсов, находящихся в общей собственности, подчеркивает, что некоторые ресурсы традиционно управлялись коллективно, а не индивидуально, поскольку они являются предметом совместного использования, и было бы слишком затратно их индивидуализировать. В то же время, если такими ресурсами вообще не управлять (оставить их в открытом доступе), то им грозит истощение в соответствии с, так называемым, сценарием «трагедии общего», так как все пользователи будут конкурировать за доступ к этим ресурсам и их использование.

В рамках теории управления ресурсами подчеркивается, что устойчивость коллективных механизмов управления ресурсами характеризуется тем, что местные группы пользователей ресурсов («сообщества») разрабатывают и согласовывают общие правила, которые ограничивают и регулируют использование ресурсов. Таким образом, местные сообщества могут поддерживать и сохранять ценные общие ресурсы с помощью собственных механизмов управления. Большой объем литературы, с 1990-х гг. (например: Murphree, 1993) до наших дней, основанный на академической теории, описанной выше и подкрепленный десятилетиями практического опыта, описывает характеристики как человеческих сообществ, так и ресурсов, которые, как правило, приводят к устойчивым системам коллективного управления, т. е. успешному управлению, основанному на участии местных сообществ (CBWM).

В отчете ЮНЕП «Дикие животные – источник средств к существованию» («Wild Life, Wild Livelihoods» – Cooney et al., 2018) собраны уроки за десятилетия опыта общинного управления популяциями диких животных (CWM), в основном с африканского континента. Ключевым уроком среди них является необходимость в стратегиях, которые создают поддерживающую организационную и правовую среду, обеспечивающую распределение выгод, управление и устойчивое использование популяций диких животных. Однако, также выяснилось, что другие отраслевые стратегии, часто действующие совместно, могут

стимулировать животноводство и земледелие в ущерб диким животным или могут серьезно ограничивать численность диких животных (например, ветеринарные или фитосанитарные правила). Это, а также неэффективное землеустройство, могут подрывать устойчивость управления популяциями диких животных и их использования.

Важно отметить, что такие стратегические рамки не являются единственным требованием. Таблица 4 содержит краткий обзор ключевых факторов, которые способствуют или ограничивают эффективную и устойчивую реализацию управления, основанного на участии местных сообществ (CBWM).

Таблица 4: Уроки, извлеченные из управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), в отношении факторов, способствующих и препятствующих участию местного населения – на основе: Cooney et al., 2018.

Факторы	Факторы, способствующие участию местного населения в устойчивом управлении популяциями диких животных	Факторы, препятствующие участию местного населения в устойчивом управлении популяциями диких животных
Характеристики диких животных	<p>Высокая экономическая и/или социальная/культурная ценность — по крайней мере, достаточно высокая, чтобы конкурировать с другими видами землепользования.</p> <p>Дикие животные должны быть близкими, доступными, а их использование должно сочетаться с другими стратегиями обеспечения средств к существованию.</p>	<p>Иногда очень высокая экономическая ценность ограничивает готовность государства поддерживать участие коренных народов и местного населения, а также затрудняет для сообществ обеспечение и соблюдение прав общей собственности.</p> <p>Подобным образом, редкие и/или ограниченно распространенные виды могут подлежать более строгому регулированию.</p> <p>Мигрирующие виды – более сложный объект управления, как из-за практических аспектов, так и из-за трудностей достижения консенсуса по вопросам собственности и прав.</p>
Характеристики местного населения	<p>Небольшие однородные группы пользователей — опыт показывает, что они, как правило, работают вместе более эффективно, чем разрозненные, социально-экономически или этнически пестрые группы.</p>	<p>Отсутствие понимания действующих лиц и интересов, а также местных институциональных механизмов, обеспечивающих посредничество между ними</p>
Управляющие организации местных сообществ	<p>Структуры и организации, которые имеют возможности и мотивацию управлять популяциями диких животных. Иногда это может быть традиционный орган власти или новая структура.</p> <p>Доступность поддержки для развития институционального потенциала там, где он слаб.</p>	<p>Внешние доноры и навязанные внешние организации вместе с их правилами (включая санкции и запреты) и процессами (например, протоколы мониторинга и ключевые показатели эффективности).</p> <p>Сильные корыстные интересы, которые мешают передаче прав на ресурсы, или местные элиты, которым достается большая часть выгод.</p>

	<p>Передача полномочий на максимально низкий уровень с ответственностью перед населением.</p> <p>Сильное и эффективное руководство</p>	
<p>Правила использования ресурсов в местном сообществе</p>	<p>Сильные, реально исполняемые права на землю и ресурсы.</p> <p>Определяемые на местном уровне и реально исполняемые правила использования ресурсов, часто основанные на социальных нормах.</p> <p>Поддержка применения правил при необходимости.</p> <p>Баланс между традициями и формальным правом.</p>	<p>Отсутствие поддержки, признания и реализации местных правил и положений, а также навязывание противоречивых, навязанных извне правил</p>
<p>Политика и законодательство на национальном уровне</p>	<p>На национальном уровне политика и система законодательства нацелены на поддержку местных сообществ, способствуют всем факторам, указанным выше</p>	<p>Конкурирующие отраслевые стратегии, которые подрывают делегированное управление и устойчивое использование — например, «извращенные» субсидии на животноводство; огораживание по ветеринарным требованиям; отсутствие скоординированного землеустройства.</p> <p>Бюрократия со сложными правилами и инструкциями.</p> <p>Более строгие политика и законодательство в третьих странах, например, односторонние торговые запреты на использование определенных диких видов или продукции из них.</p>
<p>Внешняя поддержка и влияние</p>	<p>Техническая поддержка, предоставляемая правительствами и НПО.</p> <p>Предоставление соответствующей доступной инфраструктуры.</p> <p>Развитие потенциала и навыков.</p> <p>НПО в качестве надежных партнеров.</p> <p>Доступная и гибкая финансовая поддержка.</p> <p>Поддержка развития бизнеса/предпринимательства и рыночные связи.</p>	<p>Покровительство и коррупция, часто ассоциированные с бюрократией.</p> <p>НПО, зависимые от политической моды, неподотчетные местному населению, мало понимающие практические реалии на местах.</p>

Возможно, наиболее важным всеобъемлющим принципом CBWM является то, что местные сообщества должны иметь право распоряжаться землями и природными ресурсами по своему усмотрению как общественной собственностью, используя разработанные на местном уровне правила и процедуры. Мерфри (Murphree, 1993) подчеркнул этот основополагающий принцип в своем анализе программы CAMPFIRE, отметив: *«Факты говорят о том, что общины могут стать эффективными учреждениями устойчивого управления ресурсами, но только если им будет предоставлено подлинное право собственности, то есть право использовать ресурсы, определять способы использования, получать все выгоды от их использования, определять распределение этих выгод и устанавливать правила доступа. Любая политика, исключая эти компоненты, не позволит достичь цели превращения общин в эффективные органы управления ресурсами».*

В действительности, даже самые прогрессивные инициативы CBWM предполагают некоторую степень совместного с государством управления, поскольку обеспечение соблюдения их прав на ресурсы по своей сути требует от государства значительной роли в поддержании местных систем управления (Murphree, 2000). В этом заключается одна из ключевых проблем CBWM: во многих случаях государственные акторы — будь то отдельные лица или государственные органы — не стимулируют, а наоборот затрудняют формирование упомянутой поддерживающей среды, поскольку она может противоречить чьим-то интересам, связям или политической власти (Nelson & Agrawal, 2008). В частности, делегирование или децентрализация прав на ценные природные ресурсы может напрямую противоречить таким интересам, что и приводит к провалу многих инициатив CBWM. Это особенно тревожно в свете глобальной оценки состояния мировых экосистем, опубликованной в 2019 г. Межправительственной научно-политической платформой по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES). Оценка авторов показала, что, хотя биоразнообразие сокращается по всему миру, на землях, находящихся во владении или управлении коренных народов и местных сообществ, оно сокращается не так быстро. Однако эти земли находятся под растущим внешним давлением, что приводит к серьезным последствиям как для биоразнообразия, так и для средств к существованию коренных народов и местного населения. Признание государством и укрепление прав коренных народов и местных сообществ имеет основополагающее значение для изменения этой ситуации.

Создание правильных условий для CBWM имеет решающее значение не только для того, чтобы сообщества могли устойчиво управлять популяциями диких животных и получать от этого выгоду (например, посредством участия в туризме, охоте или сборе и продаже продукции леса), но и для того, чтобы стимулировать их к защите диких животных от браконьеров. Существует тонкая грань между тем, будут ли местные жители выступать в качестве защитников диких животных или браконьеров, и она основана на балансе затрат и выгод между этими двумя ролями. Как подчеркивают специально исследовавшие этот вопрос авторы (Cooney et al., 2016): *«Разумно предположить, что для того, чтобы сохранение популяций диких животных преобладало, существует необходимое, но не достаточное условие, что ожидаемая чистая выгода (выгода за вычетом затрат) от сохранения популяций диких животных для членов сообщества, имеющих средства и возможность заниматься нелегальной торговлей дикими животными, должна превышать чистые затраты».* Рисунок 18 иллюстрирует этот простой принцип.

Рисунок 18: Чтобы CBWM была эффективна в борьбе с браконьерством, чистые выгоды должны превышать чистые затраты (рисунок адаптировано из: Cooney et al., 2016).

Обзор извлеченных уроков относительно эффективности подходов, основанных на участии местных сообществ, для борьбы с незаконной торговлей дикими животными (Roe and Booker, 2019) резонирует с принципами, выделенными в Таблице 4 и основанными на десятилетиях опыта реализации CBWM. Ключевым среди этих уроков является неспособность перейти от декларации намерений сохранять природу на уровне местных сообществ к реальной деятельности на местах. В заявлении местных сообществ на Лондонской конференции по незаконной торговле видами дикой флоры и фауны в 2018 г., говорится: «Мы — люди, больше всего страдающие от незаконной торговли дикими животными, можем стать и самой мощной силой для решения этой проблемы. Но это произойдет только в том случае, если сообщества будут наделены полномочиями и смогут извлекать выгоду от использования диких животных» (IIED et al., 2018).

Совсем недавно был проведен обзор уроков, извлеченных из тематических исследований в глобальной базе данных инициатив по вовлечению сообществ в борьбу с незаконной торговлей дикими животными (People not Poaching, 2022). Согласно этому обзору, выделяется несколько ключевых принципов успеха.

1. Признавать право местного населения принимать решения о популяциях диких животных и извлекать выгоды из их использования.
2. Увеличить выгоды и сократить потери от проживания по соседству с дикими животными.
3. Прислушиваться к потребностям и приоритетам местного сообщества и формировать подходы, учитывая местный контекст.
4. Уважать и учитывать существующие структуры и нормы местного сообщества, опираться на них, где это возможно.
5. Для укрепления доверия развивать долгосрочные отношения.
6. Устанавливать многоуровневые партнерства, в основе которых – местные сообщества.
7. Обращать внимание на проблемы, порождаемые политической нестабильностью, коррупцией или милитаризованной охраной природы.

Важность подходов, предполагающих участие местного населения, становится все более очевидной и в секторе изменения климата. Например, все большее число международных организаций, правительств и финансовых доноров одобряют следующий список из восьми принципов адаптации к изменению климата с вовлечением местного населения (Locally Led Adaptation – LLA) (Soanes et al., 2021).

1. Делегирование принятия решений на самый низкий допустимый уровень

Предоставление местным структурам и сообществам прямого доступа к финансированию и полномочий по принятию решений относительно определения, расстановки приоритетов, разработки и реализации действий по адаптации, отслеживания прогресса и оценки успеха.

2. Устранение структурного неравенства, с которым сталкиваются женщины, молодежь, дети, инвалиды и перемещенные лица, коренные народы и маргинализированные этнические группы

Интеграция гендерного, экономического и политического типов неравенства, которые являются коренными причинами уязвимости, в основу действий по адаптации и поощрение уязвимых и маргинализированных лиц к осмысленному участию и руководству решениями по адаптации.

3. Предоставление терпеливого и предсказуемого финансирования, к которому можно будет легко получить доступ

Поддержка долгосрочного развития процессов, потенциала и структур местного управления посредством более простых условий доступа и более долгосрочных и предсказуемых целей финансирования с тем, чтобы местные сообщества смогли эффективно реализовывать меры по адаптации.

4. Инвестирование в местный потенциал для создания институционального наследия

Усиление потенциала местных структур, чтобы помочь им понять климатические риски и неопределенности, создавать решения, а также содействовать и управлять инициативами по адаптации в долгосрочной перспективе, не завися от финансирования доноров на основе проектов.

5. Формирование четкого понимания климатических рисков и неопределенности

Формирование решений по адаптации посредством сочетания местных, исторических и научных знаний, которые могут обеспечить устойчивость в различных будущих климатических сценариях.

6. Гибкий процесс составления программ и обучение

Возможность адаптивного управления для устранения неопределенности в адаптации, особенно посредством надежных систем мониторинга и обучения, гибкого финансирования и программирования.

7. Обеспечение прозрачности и подотчетности

Сделать процессы финансирования, разработки и реализации программ более прозрачными и подотчетными для местных заинтересованных сторон.

8. Совместные действия и инвестиции

Сотрудничество между разными секторами, инициативами и уровнями для обеспечения того, чтобы различные инициативы и различные источники финансирования (гуманитарная помощь, финансирование в целях развития, снижения риска стихийных бедствий, фонды зеленого восстановления и т. д.) поддерживали друг друга, а их деятельность не дублировалась, для повышения эффективности и создания передовой практики.

За исключением принципа 5, который прямо касается климатических рисков, все эти принципы могут в равной степени применяться к процессу охраны природы с опорой на местный уровень – то есть, CBWM.

3.2 Подходы по управлению популяциями диких животных на основе участия местных сообществ и международная политика

Изложив в 3.1 теорию CBWM, в данном разделе мы расскажем, как признание данного подхода развивалось в международной политике с точки зрения охраны диких животных и защиты прав местного населения, живущего рядом с дикими животными.

Важность поддержки CBWM была впервые (косвенно) сформулирована в международной природоохранной политике во *Всемирной стратегии охраны природы* (МСОП, ЮНЕП, Всемирный фонд дикой природы (WWF), 1980), в которой подчеркивалась важность взаимосвязи управления охраняемыми территориями с экономической деятельностью местного населения. Этот подход был дополнительно отмечен на Всемирном конгрессе МСОП по национальным паркам в 1982 г. на Бали, где прозвучал призыв усилить поддержку местного населения через образовательные программы, схемы разделения доходов, участие в управлении заповедниками и создание соответствующих схем развития вблизи охраняемых территорий (McNeely and Miller, 1984).

На 5-м Всемирном конгрессе национальных парков в 2003 году - благодаря многолетней работе небольшой группы членов комиссий МСОП по охраняемым территориям и по экономической, экологической и социальной политике – концепция «территорий, охраняемых коренными народами и местными сообществами (ИССА)» была признана более диверсифицированной и справедливой формой руководства и управления территориальным сохранением природы, по сравнению с государственными ООПТ. Концепция ИССА определяется следующими тремя характеристиками, которые отражают сформулированные Э. Остром принципы управления ресурсами, находящимися в общей собственности, рассмотренные выше в разделе 3.1 (Sajeva et al., 2019).

1. Коренной народ или местное сообщество имеют тесную и глубокую связь с местом (территорией, районом или местообитанием).

2. Народ или сообщество является основным участником процесса принятия решений, связанных с конкретным местом, и имеет де-факто и/или де-юре возможность разрабатывать и обеспечивать соблюдение нормативных актов.
3. Решения и усилия народа или сообщества ведут к сохранению биоразнообразия, экологических функций и связанных с ними культурных и духовных ценностей, независимо от первоначальных или первичных мотивов.

Важность ICCA (и, по сути, CBWM) с тех пор была признана на последующих Всемирных конгрессах по национальным паркам и Всемирных конгрессах по охране природы МСОП посредством различных решений и резолюций.

Возможно, наиболее сильную поддержку CBWM находит в международной политике в области прав человека, даже в большей степени – или, по крайней мере, в такой же степени – как в природоохранной политике. Например, Декларация ООН о правах коренных народов, принятая Генеральной ассамблеей 13 сентября 2007 года, призывает государства получать свободное, предварительное и осознанное согласие коренных народов, прежде чем принимать законодательные или административные меры, которые могли бы их затронуть. Аналогичным образом, Декларация ООН о правах крестьян и других лиц, работающих в сельской местности, принятая в 2018 году, призывает государства “консультироваться и добросовестно сотрудничать” с крестьянами и другими лицами, работающими в сельской местности, которые могут быть затронуты решениями, прежде чем эти решения будут приняты. Политика в области сохранения и рационального использования диких животных относится к числу мер или решений, которые могут оказать глубокое влияние на коренные народы и местные сообщества в сельской местности, учитывая их тесную связь с ландшафтами и морем и содержащимися в них природными ресурсами и роль в эффективном управлении ими. Игнорирование прав коренных народов и местных сообществ (КНМС¹) является нарушением законодательства в области прав человека и оказывает прямое или потенциальное воздействие на способность КНМС удовлетворять свои повседневные потребности в области здравоохранения, продовольственной безопасности и другие важнейшие потребности.

Что касается многосторонних природоохранных соглашений, основу политической конструкции, в рамках которой строится глобальная природоохранная политика, образует Конвенция о биологическом разнообразии (КБР). Конвенция включает признание прав, практики и знаний коренных народов и местных сообществ в свой основополагающий текст, в том числе в статье 8(j) о традиционных знаниях, инновациях и практике и 10(c) об устойчивом использовании на основе обычаев. Начиная с 2004 года она также признает существование и важность территорий, охраняемых коренными народами и сообществами (ICCA), в том числе в рамках своей Программы работы по охраняемым территориям. В рамках конвенции также были выпущены различные руководящие документы, которые поддерживают управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM), включая Аддис-Абебские принципы и рекомендации по устойчивому использованию биоразнообразия 2004 года. В данном руководстве практический принцип 12 гласит: “Потребности коренных народов и местных общин, которые живут в условиях использования и сохранения биологического разнообразия и на которых это влияет, а

¹ Не путать с аббревиатурой КМНС – коренные и малочисленные народы Севера и Сибири, используемой в законодательстве и административной практике Российской Федерации.

также их вклад в его сохранение и устойчивое использование, должны быть отражены в справедливом распределении выгод от использования этих ресурсов”.

В декабре 2022 г. Стороны КБР согласовали новую Глобальную рамочную программу по сохранению биоразнообразия, которая будет определять соответствующую глобальную политику до 2050 года. В течение трех лет переговоров, приведших к принятию Куньмин-Монреальской рамочной программы в области биоразнообразия (KMGBF), неуклонно возрастало внимание к правам коренных народов и местных сообществ активно участвовать в процессе принятия решений, быть в авангарде природоохранной деятельности и обладать признанными и защищенными правами на использование биологических ресурсов, доступ к ним и выгоду от них. В настоящее время эти права находятся в центре внимания KMGBF. Одной из целей, вызвавшей значительные разногласия на переговорах, была так называемая цель “30×30”, которая предусматривает, что к 2030 году в мире будет обеспечено территориальной охраной природы не менее 30% суши и моря. Была высказана озабоченность по поводу этой цели с точки зрения последствий для КНМС, если она будет реализована в виде изолированных ООПТ. Цель включает, наряду с ООПТ, концепцию “других эффективных мер по сохранению территорий” (Other Effective area-based Conservation Measures – OECM). В 2018 году OECM были определены как *“географически определенные территории, не являющиеся ООПТ, которые регулируются и управляются таким образом, чтобы обеспечить положительные и устойчивые долгосрочные результаты для сохранения биоразнообразия на местах, с соответствующими экосистемными функциями и услугами и, где это применимо, культурными, духовными, социально-экономическими и другими ценностями, имеющими местное значение”*. Это потенциально включает в себя множество территорий, где практикуется CBWM, включая территории коренных народов, территории под охраной местных сообществ и другие формы ICCA, где практикуется CBWM. Примечательно, что в окончательной формулировке цели конкретно названы территории коренных народов, и в ней подчеркивается, что любое устойчивое использование должно *“соответствовать природоохранным целям, признавая и уважая права коренных народов и местных общин”*. Другие ключевые цели Куньмин-Монреальской рамочной программы, имеющие непосредственное отношение к CBWM, включают:

- Цель 5, направленная на обеспечение того, чтобы любое использование диких видов было устойчивым, законным и безопасным;
- Цель 9, в которой вновь подчеркивается, что любое использование должно быть устойчивым, законным и безопасным, но в данном случае обоснование заключается в том, чтобы использование биоразнообразия могло продолжать приносить пользу людям, особенно тем, кто в наибольшей степени зависит от биоразнообразия, в том числе посредством *“деятельности, основанной на биоразнообразии”*; и
- Цель 22, которая направлена на обеспечение полной, справедливой и инклюзивной представленности и участия коренных народов и местных общин в процессе принятия решений.

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), призвана регулировать международную торговлю видами,

перечисленными в СИТЕС, таким образом, чтобы это не вызывало и не способствовало риску их исчезновения, а также обеспечивать устойчивость торговли. Перечисление видов в Приложениях СИТЕС направлено на регулирование международной торговли перечисленными видами и требований к разрешениям на импорт и экспорт, выдаваемым органами управления СИТЕС стран-импортеров и экспортеров, в зависимости от положений, действующих в соответствующем приложении. Включение видов в Приложение СИТЕС основано на критериях оценки общего уровня риска исчезновения и конкретных угроз, связанных с международной торговлей. Некоторые стороны СИТЕС предложили рассмотреть в процессе включения в список аспекты, касающиеся средств к существованию и последствий включения в список для местных сообществ, но это предложение не было принято Конференцией сторон (КС). Выдача разрешений на импорт и экспорт осуществляется на основании заключений о непричинении ущерба соответствующими научными органами СИТЕС. Стимулы для сохранения соответствующих видов, создаваемые за счет устойчивого использования и управления с вовлечением местного населения, могут быть рассмотрены в заключениях о непричинении ущерба, но не подлежат обязательной оценке, поскольку такие аспекты не являются неотъемлемой частью фактических положений Конвенции.

Стороны СИТЕС признают, что выгоды, получаемые от использования диких животных, могут служить стимулом для сохранения природы. В резолюции Conf. 16.6 (Rev CoP18) «СИТЕС и средства к существованию», принятой КС-16, говорится, что выполнение требований СИТЕС лучше достигается при участии сельских сообществ, особенно тех, средства к существованию которых зависят от видов, внесенных в список СИТЕС. Рабочая группа по СИТЕС и средствам к существованию была создана в 2008 году Постоянным комитетом СИТЕС. Круг ее задач, в частности, включает документирование примеров того, как торговля видами, включенными в приложения СИТЕС, может способствовать как сохранению видов, так и обеспечению средств к существованию людей – часто с помощью подходов СВММ. Эти примеры размещены на веб-сайте СИТЕС в виде ряда тематических исследований со всего мира, в том числе по управлению популяцией мархура из Таджикистана.

На КС-16 в 2013 г. Рабочая группа представила инструментарий для оценки позитивных и негативных последствий внедрения решений о включении в список СИТЕС для обеспечения средств к существованию бедных слоев населения, а также добровольные руководящие принципы для сторон по устранению негативных последствий (информационный документ CoP16 Inf. 21).

СИТЕС также рассматривает реформы управления, связанные с СВММ. Были выдвинуты аргументы в пользу включения в СИТЕС Комитета сельских общин в качестве дополнительного органа, принимающего решения. Хотя это политически неосуществимо в рамках межправительственного договора, где по определению лицами, принимающими решения, являются правительства, являющиеся сторонами договора, на КС-17 в 2016 году было принято решение 17.28, предписывающее Постоянному комитету СИТЕС сформировать рабочую группу “для рассмотрения вопроса о том, как эффективно вовлечь сельские общины в процессы СИТЕС”.

На КС-18 в 2019 г. Стороны СИТЕС внесли поправки в резолюцию Conf. 16.6 (Rev. CoP18) о СИТЕС и средствах к существованию, в частности, отметив, что “следует поощрять расширение прав и возможностей сельских общин”, и подчеркнув ряд мер, включая:

- i) вовлечение сельских общин в процессы подготовки предложений и других документов для КС на национальном уровне;
- ii) включение представителей сельских общин в состав официальных национальных делегаций;
- iii) содействие прозрачности и участию сельских общин в разработке и осуществлении национальной политики, связанной с СИТЕС;
- iv) максимизация выгод для сельских общин от внедрения СИТЕС и соответствующей торговли, в частности, для содействия искоренению нищеты.

Кроме того, на КС-18 в решении 18.31 к Постоянному комитету был обращен призыв воссоздать межсессионную рабочую группу по сельским общинам, поручить ей рассмотреть вопрос о том, как эффективно вовлекать сельские общины в процессы СИТЕС, и разработать руководство о том, как наилучшим образом проводить консультации с сельскими общинами по предложениям о внесении изменений в Приложения.

Решение 18.31 было подтверждено на КС-19, и была вновь создана межсессионная рабочая группа для продолжения работы над этими вопросами, в то время как в решении 19.54 Сторонам было предложено задействовать коренные народы и местные сообщества в процессах принятия решений, осуществления на национальном уровне и поделиться своим опытом в этой области.

СИТЕС стремится регулировать законную торговлю дикими животными, чтобы оставаться в устойчивых пределах, но в течение последнего десятилетия ключевым политическим приоритетом как с точки зрения сохранения, так и с точки зрения развития была борьба с растущей и высокоорганизованной *незаконной* торговлей дикими животными. С 2014 года обеспокоенность растущей угрозой браконьерства в отношении таких ценных видов, как панголины, слоны и ценных видов древесных пород, привела к проведению нескольких международных политических форумов с четырьмя основополагающими приоритетами:

1. Искоренение рынка незаконной продукции из диких животных
2. Создание эффективной правовой базы
3. Укрепление правоохранительных органов
4. Поддержка устойчивых источников средств к существованию и экономического развития

На этих политических форумах, состоявшихся в Лондоне в 2014 г., Касане в 2015 г., Ханое в 2016 г. и снова в Лондоне в 2018 г., среди прочего, была признана важность вовлечения местного населения в усилия по борьбе с незаконной торговлей дикими животными и растениями.

Итоговое заявление или декларация каждого из этих мероприятий содержали несколько обязательств в этом отношении, которые можно сгруппировать в семь общих тем (WWF и IIED, 2019):

- Преодоление негативных последствий незаконной торговли дикими животными и растениями
- Поддержка устойчивых возможностей получения средств к существованию
- Поддержка природоохранной деятельности под управлением местного населения
- Поддержка средств к существованию/выгод, связанных с дикими животными
- Привлечение местного населения в качестве партнеров правоохранительных органов
- Снижение затрат на проживание вблизи популяций диких животных
- Поддержка обмена информацией о подходах вовлечения местного населения.

Несмотря на эти политические обязательства, формализованные в итоговых заявлениях или декларациях каждой конференции (правительство Великобритании в 2014; 2015; 2018 гг.; правительство Вьетнама в 2016 г.), по-прежнему сохраняется акцент на правоприменении, а не на подходах с вовлечением местного населения к сокращению незаконной торговли дикими животными и растениями во всем мире. Например, анализ международных политических обязательств в рамках многосторонних соглашений по охране окружающей среды (МСОС) перед Лондонской конференцией 2018 года показал, что наименьший прогресс был достигнут в отношении обязательств, относящихся к *категории поддержки устойчивых источников средств к существованию и экономического развития* (WWF и IIED, 2019).

Аналогичным образом, отчет Всемирного банка, опубликованный в 2016 году, показал, что только 15% из 1,3 млрд долларов США, инвестированных в период с 2010 по 2016 гг. в меры по сокращению незаконной торговли, было направлено на проекты, ориентированные на местное население (Wright et al., 2016). Это по сравнению с 65%, выделенными на управление ООПТ и обеспечение правопорядка в тот же период, и оставшимися 20% на образование, информационно-просветительскую работу и другие меры. И хотя эти аналитические материалы не являются самыми новыми, вряд ли ситуация существенно изменилась.

В заключение следует отметить, что подходы CBWM основаны как на международной политике в области прав человека, так и на политике сохранения биоразнообразия. В Декларациях Генеральной Ассамблеи ООН о правах коренных народов и о правах крестьян и других людей, работающих в сельской местности, четко указано, что защита прав местного населения должна поддерживаться для обеспечения соблюдения прав человека. С точки зрения охраны природы, управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM), зарекомендовало себя как эффективный подход к борьбе с незаконной торговлей дикими животными и обеспечению устойчивости использования природных ресурсов. Это отражено в решениях КМГБФ и СИТЕС, которые поддерживают CBWM. Успех таких подходов зависит от ряда факторов, включая наличие благоприятной политической основы для расширения прав и возможностей местного населения. Новый акцент на правах коренных народов и местных сообществ, особенно в Куньмин-Монреальской глобальной рамочной программе в области биоразнообразия, дает надежду на то, что разработчики политики и практики во всем мире будут все активнее внедрять CBWM.

3.3 Примеры успешного управления популяциями диких животных, основанного на участии местного населения, по всему миру

3.3.1 Сохранение острорылого крокодила в Колумбии

Интенсивная торговля крокодиловой кожей в начале 1900-х годов привела к значительному сокращению численности острорылого крокодила *Crocodylus acutus*, который был практически уничтожен в своей естественной среде обитания на большей части территории Колумбии. Популяции сократились до небольших изолированных очагов, например, в мангровых зарослях залива Киспата. В целях защиты этого вида в 1975 году острорылый крокодил был включен в Приложение I СИТЕС (некоторые популяции вошли в Приложение II), что исключает его коммерческий оборот. В то же время правительство Колумбии запретило охоту на этот вид. Колумбийская НПО ASOCAIMAN отмечает, что хотя эти меры были призваны помочь сохранить острорылого крокодила, они оказались контрпродуктивными: местные жители потеряли ключевой стимул для защиты мангров, где обитает крокодил, от продолжающейся (и по сей день) застройки побережья (People not Poaching, 2022).

В 2003 году в рамках более широкого плана управления мангровыми лесами группа из 18 бывших охотников стала активным участником программы по управлению популяцией острорылого крокодила, включающей исследования, мониторинг и экологическое просвещение, направленные на восстановление и сохранение этого вида. По их словам, мотивом для этого сотрудничества было ожидание будущих возможностей для торговли, если удастся восстановить популяцию крокодилов и снизить статус вида в СИТЕС (People not Poaching, 2022).

В 2006 году эта группа бывших охотников создала Ассоциацию для сохранения острорылого крокодила в заливе Сиспата (ASOCAIMAN) – юридически оформленную ассоциацию, нацеленную на разработку, создание и поддержание программы по управлению популяцией крокодила. Целью ASSOCAIMAN является удовлетворение потребностей местного населения в развитии региона путем создания возможностей управлять популяциями диких животных и получать от этого выгоды – в форме туристского бизнеса, а впоследствии, возможно, и торговли. Бывшие охотники на крокодилов обучались грамотному управлению популяциями этого вида, вскоре дополнив это и обучением организации экотуризма. Стратегия сохранения этого крокодила основана на научных исследованиях, образовании и традиционных знаниях, и включает в себя мониторинг популяций, управление местообитаниями и сбор яиц для выведения потомства, что повышает выживаемость новорожденных особей.

Действия по сохранению и мониторингу, предпринятые членами ASSOCAIMAN, привели к восстановлению популяции крокодилов залива Сиспата в их естественной среде обитания. За 10-летний период популяция выросла почти на 200%. Бывшие охотники на крокодилов теперь активно выступают за сохранение и устойчивое использование этого вида и больше не занимаются браконьерством. Инициатива принадлежит местным жителям и улучшила условия их жизни благодаря доходам от туристской деятельности, в которой центральную роль играют бывшие охотники и достигнутые ими успехи.

Ввиду улучшения природоохранного статуса острорылого крокодила, в 2016 году 17-я Конференция Сторон СИТЕС одобрила перенесение популяции залива Киспата из Приложения I в Приложение II, и в декабре 2018 года Министерство охраны окружающей среды Колумбии сняло запрет на торговлю этим видом в заливе Киспата. Хотя торговля животными, пойманными в дикой природе, по-прежнему не допускается, на крокодилов, вылупившихся из собранных и инкубированных яиц, выдаются ограниченные разрешения на торговлю, что позволяет общинам продавать шкуры, когда крокодилы вырастают до определенного размера. Это создает стимул для сохранения местообитаний крокодилов. Поскольку яйца для последующей инкубации собирают в дикой природе, для их бесперебойного поступления необходима большая и здоровая популяция крокодилов, а это требует поддержания их местообитаний в хорошем состоянии.

Перспектива создания устойчивой индустрии по производству крокодиловой кожи была ключом к поддержанию энтузиазма и вовлеченности местных жителей в эту инициативу. Люди понимают, что они выиграют, когда популяция крокодилов достигнет размера, при котором их шкуры можно будет продавать коммерческим покупателям. При поддержке Министерства науки, технологий и инноваций ASOCAIMAN создает правовую базу для индустрии устойчивого использования, а также обучает местное население навыкам, которые им понадобятся для эффективного участия.

3.3.2 Общинные природоохранные организации в Намибии

В 1990-х годах, после обретения страной независимости от Южной Африки в 1990 году, правительство Намибии внесло ряд изменений в политику и законодательство, которые предоставили местным жителям права распоряжаться популяциями диких животных на своих землях, и извлекать из этого пользу. Чтобы получить такие права, членам территориальной общины нужно было создать при ней природоохранную организацию с утвержденным уставом, представительным управленческим комитетом, определенным земельным участком с четкими границами и зарегистрированными членами (что соответствует ряду разработанных Элиной Остром принципов управления ресурсами, находящимися в общей собственности; см. 3.1). Первые общинные природоохранные организации были зарегистрированы в 1998 году, и в настоящее время их насчитывается 86; они охватывают совокупно площадь 166 045 км² (более 20% территории страны), в них вовлечены более 238 701 человек (MEFT/NACSO, 2023).

Общинные природоохранные организации получают доход, сдавая в аренду концессии для трофейной охоты и туризма, а также реализуя собственные инициативы в сфере туризма и охоты для пропитания. Охота на землях, управляемых общинными природоохранными организациями, регулируется с помощью квот, которые устанавливает государство. В настоящее время на таких землях в Намибии действуют 42 сафари-отеля, созданных как совместные компании. Для некоторых общинных природоохранных организаций туризм становится основным источником дохода, заменяя трофейную охоту. Эти два вида деятельности строго разделены зонированием территорий, управляемых общинными природоохранными организациями, по видам землепользования, включая сельское хозяйство. Хотя туризм и охота обеспечивают значительную диверсификацию доходов, сельское хозяйство остается основным источником средств к существованию для большинства членов этих природоохранных организаций. Однако с нарастанием

последствий изменения климата доступ к альтернативным источникам дохода будет приобретать все большее значение. С 1990 года экономическая внутренняя норма доходности программы составляла 18%, а чистая текущая стоимость составила чуть более 2,027 миллиарда намибийских долларов. Это исключительная экономическая отдача от инвестиций в программу (MEFT/NACSO, 2023).

Деятельность общинных природоохранных организаций способствовала крупномасштабному восстановлению популяций диких животных и позволило защитить их ценные виды и нетронутые местообитания. Одним из примеров является черный носорог *Diceros bicornis*. В период 1960–1995 гг. крупномасштабное браконьерство привело к сокращению численности черного носорога на 98%, в результате чего в дикой природе осталось всего 2400 особей. Благодаря усилиям по сохранению популяции, с 1990-х годов ее численность удвоилась, и в настоящее время среди всех африканских стран Намибия выделяется наибольшей концентрацией свободноживущих черных носорогов. Однако незаконная торговля по-прежнему угрожает этому виду. Программа стимулирования егерей к охране носорогов проводит обучение егерей общинных природоохранных организаций, снабжает их униформой и снаряжением, а также поддерживает их в развитии туризма, ориентированного на наблюдение за носорогами. С 2018 по 2022 год количество подтвержденных случаев браконьерства сократилось на 90%, по сравнению с предыдущим пятилетним периодом, причем за последние 4,5 года было потеряно всего 4 носорога. За время реализации программы, начатой в 2012 году, были успешно созданы новые источники местного дохода (от туризма «к носорогам») на сумму более 1 миллиона долларов США. Финансовые и нефинансовые (обучение, униформа, снаряжение, статус) блага, которые приносит работа егерем по охране носорогов, вселяют в людей энтузиазм и гордость, а в местном сообществе в целом укрепляют чувство хозяина общинной территории (Muntifering, 2018).

3.3.3 Рациональное использование викуньи местными сообществами в Перу

Викунья – это небольшая лама, животное из семейства верблюдовых, обитающее в Андах на территории Аргентины, Боливии, Чили, Эквадора и Перу. Со времен испанского завоевания, но особенно в прошлом столетии, они были объектом неумеренной охоты, и к 1960-м годам вид оказался близок к вымиранию. В 1969 году Перу и Боливия, в соответствии с только что принятой Конвенцией о сохранении викуньи, договорились запретить всю охоту на викунью и продажу ее продукции сроком на десять лет. В 1975 году вид был занесен в Приложение I Конвенции СИТЕС, и вся международная торговля запрещена.

Эти меры помогли снизить пресс нелегальной охоты, но викунья конкурировала за пастбища со стадами домашних альпак и лам, и потому местные фермеры не особенно стремились к сохранению этого вида. В 1979 году запрет на коммерческую торговлю шерстью викуньи был снят в соответствии с Конвенцией о сохранении викуньи, и заменен на строго регулируемое использование, а в 1980 году, после сильного политического давления со стороны местного населения, требующего доступа к потенциально ценному ресурсу, правительство Перу предоставило местным сообществам права на отлов и стрижку викуньи с целью извлечения выгоды от торговли шерстью.

Для получения шерсти дикой викуньи местные сообщества используют *чакку*, где викуньи сгоняются в огороженное пространство воронкообразной формы, из которого их по одной отправляют на стрижку. Стрижка может производиться вручную или с помощью станка, после чего животных отпускают на волю. Затем волокно очищается и сортируется по качеству перед отправкой.

Доход, получаемый от продажи шерсти викуньи, может быть значительным, если удастся продавать большие ее объемы (хотя это могут не все сообщества). Община Луканас в Перу производит 1200 кг шерсти викуньи в год от своих собственных животных и 300 кг в рамках программы, направленной на увеличение численности викуньи. По словам руководителей общины, продажа шерсти способствует социальному развитию общины, позволяя обеспечивать пожилых людей дополнительным продовольствием, содержать церковь, финансировать образование и закупать технику, такую как тракторы. Доходы поступают также от продажи викуньей другим общинам для осуществления программ по восстановлению популяции и для туристских целей (CITES, 2022).

Предоставление местному населению права на отлов, стрижку и продажу шерсти дикой викуньи приносит в пять раз больше прибыли, чем охота и забой животных, создавая мощный стимул для сохранения природы. Восстановление викуньи после почти полного исчезновения в 1970-х годах до нынешнего уровня численности — это хорошо известная история успеха в области охраны природы. Например, в Перу численность викуньи выросла с 10 000 особей в 1969 году до более чем 200 000 в 2012 году. В 2008 году МСОП в своем Красном списке переклассифицировал это животное из категории “находящихся под угрозой исчезновения” (Endangered) в категорию “вызывающих наименьшие опасения” (Least Concern) (CITES, 2022).

Тем не менее, для поддержки стимула к сохранению викуньи будет крайне важно и далее увеличивать пользу для местных сообществ, поскольку существует постоянная угроза браконьерства. Сами сообщества имеют ограниченные возможности устанавливать цены на волокно викуньи, поскольку сбыт организуется государством ограниченному числу покупателей. Доходность для местных сообществ в настоящее время довольно низкая, но можно было бы изучить дополнительные возможности, такие как производство добавленной стоимости на местном уровне вместо экспорта необработанной шерсти. Упрощение правил экспорта шерсти викуньи также расширило бы доступ местных сообществ к рынкам (CITES, 2022).

3.3.4 Природоохранные кооперативы в Индонезии

На Западном Калимантане неправительственная организация «Яйясан Планета Индонезия» внедрила кооперативный подход к охране природы, направленный на возрождение традиционных методов управления и стимулирование устойчивого управления популяциями диких животных. В некоторых отношениях похожий на общинные природоохранные организации, природоохранный кооператив обеспечивает такую структуру, которая служит общественным органом управления, способным вовлекать всех членов местного сообщества в управление окружающими природными ресурсами. Он также облегчает доступ к столь необходимым нефинансовым и финансовым услугам для уязвимого сельского населения, проживающего на особо охраняемых природных территориях Западного Калимантана, включая систему сбережений и займов, а также общественную программу здравоохранения.

В обмен на доступ к услугам местное население участвует в мониторинге и обеспечении соблюдения норм национального законодательства и обычного права, связанных с рациональным использованием лесов и диких животных. Патрули, организованные местными сообществами, состоят из одного государственного инспектора ООПТ, трех или четырех жителей деревни, которые являются членами кооператива, и одного сотрудника НПО. Местным участникам платят за их рабочее время и предоставляют униформу и снаряжение, а также доступ к другим благам, которые влечет за собой членство в кооперативе, как описано выше. В двух местах на Западном Калимантане - Гунунг Ньюите и Гунунг Нанинге - эти патрули обезвредили более 3400 капканов. Анализ данных патрулирования за период 2018–2022 гг. показал, что в патрулируемых районах резко, на 87%, сократились незаконная охота, застройка и рубка леса. Данные патрулирования, наряду с социологическими опросами местных экспертов, показывают, что количество встреч с дикими животными также увеличилось. Темпы обезлесения снизились на 56% (Planet Indonesia, 2021).

С 2019 года три деревни используют модель природоохранного кооператива для возрождения обычного права даяков (*хукум адат*), чтобы запретить чрезмерную вырубку леса в приоритетных зонах, а также охоту вблизи охраняемой природной территории на определенные виды животных, в том числе на птицу-носорога, находящуюся под угрозой исчезновения. Члены природоохранных кооперативов могут сдать свои ружья в обмен на денежное и неденежное вознаграждение. Эта программа обмена осуществляется при поддержке местной полиции и органов государственного управления. Ее участники, сдавая ружье, подписывают обязательство не заниматься браконьерством (Planet Indonesia, 2021).

Основой этой успешной модели сохранения природы под руководством местных жителей является доверие, подкрепленное позитивными отношениями. В организации «Яйясан Планета Индонезия» сотрудники на местах часто являются выходцами из тех деревенских общин, с которыми они работают, и развивают прочные отношения с местными жителями в деревнях, с которыми сотрудничают. Слишком часто бывает так, что местным жителям обещают всевозможные выгоды от природоохранных мероприятий, но эти выгоды никогда не материализуются. Это может привести к недоверию и негодованию в результате ложных обещаний и игнорирования местных потребностей и чаяний. Преодоление этой проблемы имело решающее значение для успеха данной инициативы. В этом случае ощутимые выгоды в виде доступа к кредитам и медицинскому обслуживанию предоставляются в обмен на помощь сохранению природы в общем контексте управленческой структуры, основанной на местных сообществах - кооператива - и долгосрочного участия поддерживающей неправительственной организации (Planet Indonesia, 2021).

3.4 Текущие проекты и практика управления популяциями диких животных в Центральной Азии с вовлечением местного населения

3.4.1 Эволюция управления популяциями диких животных в Центральной Азии, основанное на участии местного населения

В этом разделе мы более подробно рассмотрим, как за последние годы подход вовлечения местного населения был интегрирован в управление популяциями диких

животных в Центральной Азии. Мы исследуем, почему такой подход не был внедрен ранее, и характеризуем первые инициативы по его применению.

В советский период и после обретения странами Центральной Азии независимости методы вовлечения местного населения в управление популяциями диких животных не рассматривались в качестве потенциальных путей улучшения статуса диких животных и обеспечения местной поддержки в целях сохранения природы и получения прямой выгоды для местного населения. Причины такого пренебрежения многообразны, их трудно оценить, и о них можно только догадываться, основываясь на заявлениях различных субъектов – международных, национальных и местных.

Десятилетия централизованного управления всеми видами природных ресурсов, такими как пастбища, леса, пригодные для охоты и охраняемые дикие животные, привели, по крайней мере, к частичной утрате традиционных практик и знаний коренных народов в области управления природными ресурсами. Кроме того, интерес к альтернативным подходам, а также возможности для их изучения были ограниченными. Распад Советского Союза привел к потере централизованной системы управления и правоприменительному вакууму. Во многих пост-советских странах единственным возможным решением посчитали восстановление подобной же системы управления использованием и охраной диких животных "сверху вниз", лишь с небольшими современными изменениями. Недостатки советской системы управления популяциями диких животных (см. раздел 1.1.4) были в недостаточной степени устранены во вновь созданных, но столь же централизованных системах, которые опирались, главным образом, на принуждение к охране диких животных. К тому же возможности и ресурсы для проведения исследований причин браконьерства и разработки новых подходов обычно отсутствовали.

В общем случае, основными факторами, способствующими браконьерству, считались бедность в сочетании с нехваткой экономических альтернатив для вовлеченных в браконьерскую деятельность, а также слабая правоприменительная практика. Как следствие, первые мероприятия по сохранению диких животных в независимых государствах Центральной Азии, особенно при поддержке международных организаций, были направлены на улучшение правоприменения и получение дохода местным населением за счет альтернативных источников средств к существованию. Эти усилия дали положительный, но ограниченный эффект. Например, в Кыргызстане такие проекты привели к созданию эффективно функционирующих ООПТ и хорошо организованных структур по борьбе с браконьерством, таких как "Группа Барс" НАБУ и группа по борьбе с браконьерством Фонда ИЛБИРС, а в Казахстане обеспечили поддержку антибраконьерским подразделениям государственного предприятия по охране диких животных и охотничьему хозяйству «Охотзоопром» в ареале сайгака.

Однако у этих подходов были и недостатки, поскольку правоохранительная деятельность всегда имеет свои ограничения, и несколько примеров показывают, что ослабление правоохранительной деятельности из-за изменения приоритетов правительства или прекращения финансирования быстро приводит к росту браконьерства. Яркими примерами этого являются истребление кулана в Бадхызском заповеднике в Туркменистане в 2014 году (Kaczensky & Linnell, 2015) и быстрое сокращение численности монгольского сайгака после прекращения финансирования специального подразделения

по борьбе с браконьерством также в 2014 году (Буувейбаатар, личн. сообщ. 2015; CMS, 2015; Chimeddorj & Vuuveibaatar, 2017).

Подобным образом, ограничена и эффективность сокращения браконьерства путем создания альтернативных способов заработка и повышения доходов местного населения. Как описано выше (см. раздел 2.3), в зависимости от рассматриваемого вида животных и ландшафта, значительную долю браконьерского пресса может формировать всего несколько человек, узко специализированных на этой деятельности, и не обязательно они участвуют в этом ради пропитания или экономической выгоды. Таким образом, альтернативы не всегда доходят до тех лиц, которые занимаются браконьерством. Например, это было очевидно в Таджикистане, где альтернативные источники средств к существованию в виде трудовой миграции и денежных переводов от этих мигрантов обеспечивали основной альтернативный доход, но все же в большинстве районов либо оставалось достаточно браконьеров, либо люди занимались браконьерством во время отпуска в своих родных регионах, что привело к сокращению численности диких копытных. В какой степени альтернативные варианты могут помочь в борьбе с коммерческим браконьерством, зависит от пригодности и привлекательности этих альтернатив. В случае коммерчески привлекательного нелегального рынка для некоторых видов диких животных, выбывшие браконьеры быстро заменяются новыми людьми (Ш. Михель, результаты опросов местных жителей, 2007–2021).

Среди причин нежелания рассматривать управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ, в качестве реально применимого, было представление о том, что члены этих сообществ не захотят или не смогут успешно реализовать такой подход. Эксперты из государственных и неправительственных организаций полагают, что из-за советского наследия или местных культурных традиций у местного населения нет достаточной социальной сплоченности и способности оказывать давление друг на друга, чтобы предотвратить браконьерство жителей и приезжих. Более того, обычно горожане - представители охотничьих ассоциаций сильно сомневаются, что местные – как законные, так и незаконные – охотники захотят воздержаться от браконьерства или даже поддержать предотвращение браконьерства другими лицами. (Ш. Михель, результаты интервью с представителями ассоциации охотников, 2007–2014 годы). В Центральной Азии члены местных сообществ только в исключительных случаях рассматривали возможность принять на себя ответственность и получить полномочия по использованию диких животных в своем регионе. Из-за того, что длительное время вся ответственность лежала на государстве, большинство людей по-прежнему считают, что только государственные учреждения могут отвечать за охрану и управление использованием диких животных, включая регулирование охоты. Кроме того, память о высоком уровне преступности в постсоветский период, особенно когда экономическая конкуренция часто приводила к насилию, была еще одним сдерживающим фактором, мешающим взять на себя ответственность и открыть собственное дело.

Как и в случае с другими общественными ресурсами, здесь часто наблюдается безразличие, в том числе и в отношении незаконного добывания. Общества охотников существовали по всей Центральной Азии, и люди, имеющие охотничий билет, становились их членами, однако эти общества управлялись централизованно и предоставляли мало полномочий и автономии местным индивидуальным охотникам. Неформальные местные охотники могут иметь некоторую заинтересованность в устойчивом использовании ресурсов, но это не всегда выражается в устойчивом поведении, поскольку они не видят ни

шансов стать законными пользователями диких животных, ни возможностей получить полномочия для предотвращения незаконной и неустойчивой охоты со стороны других местных жителей или посторонних лиц.

В исключительных случаях, к рассмотрению вопроса о применении подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местных сообществ, подталкивает то, что до местных жителей уже дошла какая-то, возможно неофициальная, информация о таких возможностях. Например, на Памире, в Таджикистане, Немецкое общество по международному развитию GIZ содействовало внедрению совместного управления лесами, закрепив за местным населением права и обязанности пользователей лесными ресурсами на определенных участках лесхоза.

В другом районе Таджикистана один из местных неформальных охотников пришел к выводу, что мархур находится на грани исчезновения из-за неизбирательного браконьерства. Небольшие суммы, выплачиваемые местным гидам сторонними организаторами незаконной трофейной охоты, не обеспечивали достаточных стимулов для сохранения мархура. Отсутствие прав на землю и связанной с ними ответственности препятствовало эффективному пресечению деятельности других браконьеров. Узнав от приезжих иностранных охотников о местных программах трофейной охоты в Пакистане, в частности о ценах на легальную охоту и вытекающих из этого выгодах для местного населения, этот традиционный охотник основал собственное небольшое семейное предприятие, занимающееся сохранением и будущим устойчивым использованием мархура.

В 2007 году при финансовой поддержке GIZ и базирующегося в Германии Зоологического общества по сохранению видов и популяций (ZGAP), НАБУ и других НПО началась разработка небольшого пилотного проекта по управлению популяциями диких животных, основанному на участии местного населения – проекта «Горные копытные Таджикистана». В тесном сотрудничестве с различными национальными партнерами проект помог инициировать создание в местных сообществах первых общественных групп, которым вскоре были выделены охотничьи хозяйства.

Кроме того, команда проекта признала, что вышеупомянутое семейное предприятие по сохранению и устойчивому использованию мархура также является формой местной общественной инициативы, и привлекла его к участию в проекте. Вскоре последовали новые местные инициативы, организованные либо в форме НПО, либо в виде небольших семейных предприятий. Начиная с 2010 года, этот подход распространился на соседний Кыргызстан, а с 2015 года его применение также началось в Казахстане. В Узбекистане, несмотря на интерес со стороны потенциальных участников, такие подходы еще не были опробованы.

В заключение следует отметить, что основанный на участии местного населения подход к управлению популяциями диких животных или сохранению природы, не получил должного внимания в государствах Центральной Азии. Первые испытания данного подхода были в основном проведены иностранными организациями и принесли определенный успех там, где местное население было заинтересовано и успешно поддерживалось национальными/муниципальными органами власти.

3.4.2 Правовые основы использования и охраны диких животных и предпосылки для управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM) – общие черты в Центральной Азии

Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан имеют общую историю пребывания в составе Советского Союза, которая до сих пор в разной степени отражается в их политических и правовых системах. Этот раздел посвящён действующему законодательству названных стран, касающемуся сохранения и использования диких животных. Обсуждаются предварительные условия для внедрения рационального использования диких животных, основанного на участии местного населения, разъясняются возможности и проблемы для вовлечения местного населения.

В законодательстве постсоветских стран Центральной Азии существует много общих черт. В Таблице 5 представлен краткий обзор законодательства, имеющего отношение к данному исследованию. Законы, как правило, предусматривают лишь очень широкие рамки, в то время как детали их применения регулируются многочисленными подзаконными актами различного уровня. Сохранение диких животных, находящейся под угрозой исчезновения, достигается в основном за счет создания охраняемых территорий и занесения исчезающих или редких видов в Красные книги. Эти механизмы также ограничивают туризм по наблюдению за дикими животными, который в остальном практически не регулируется. Преобладающим подходом к рациональному использованию диких животных, предполагающему их добывание, является выделение предназначенных для этого территорий юридическим лицам, которые берут на себя ответственность за охрану диких животных и получают право на охоту / управление охотой на этой территории. В следующих подразделах описывается законодательство, касающееся различных аспектов сохранения диких животных и управления их популяциями.

Механизмы сохранения диких животных и управление их популяциями, основанное на участии местного населения

Основным механизмом сохранения диких животных и среды их обитания, общим для всех рассматриваемых стран, являются особо охраняемые природные территории (ООПТ). Основные принципы законодательного регулирования ООПТ сложились в советское время и затем получили дальнейшее развитие, причем между странами возникли некоторые различия. В зависимости от категории ООПТ, землепользование и охота на ней могут быть полностью запрещены или регулироваться. Например, в заповедниках, имеющих во всех государствах Центральной Азии, не допускается никакая антропогенная деятельность. Там, где это должным образом соблюдается, популяции диких животных и их местообитания хорошо сохраняются. Другие категории ООПТ допускают некоторое традиционное землепользование в определенных зонах. Такая категория как заказники также является общей для всех рассматриваемых стран и особенно интересна для данного исследования. В своем нынешнем состоянии заказники едва ли могут обеспечивать сохранение диких

животных, а применение в них подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местного населения – проблематично.

Таблица 5: Основные законы, имеющие отношение к рациональному использованию диких животных.

Область регулирования	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Управление популяциями диких животных и охота	Закон “Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира”, 2004 г.	Закон “Об охоте и охотничьем хозяйстве”, 2014 г.	Закон “Об охоте и охотничьем хозяйстве”, 2014 г.	Закон “Об охоте и охотничьем хозяйстве”, 2020 г.
Особо охраняемые природные территории	Закон об особо охраняемых природных территориях 2006 г.	Закон об особо охраняемых природных территориях, 2011 г.	Закон об особо охраняемых природных территориях, 2011 г.	Закон об охраняемых природных территориях, 2004 г.
Общественные организации	Закон “О некоммерческих организациях”, 2001 г.	Закон “О некоммерческих организациях”, 1999 г.	Закон “О неправительственных организациях”, 2007 г.	Закон “О негосударственных некоммерческих организациях”, 1999 г.
Землепользование	Земельный кодекс Республики Казахстан, 1999 г. Закон “О пастбищах”, 2017 г.	Земельный кодекс Кыргызской Республики, 2003 Закон “О пастбищах”, 2009 г.	Земельный кодекс Республики Таджикистан, 1996 г. Закон “О пастбищах”, 2019 г.	Земельный кодекс Республики Узбекистан, 1998 г. Закон “О пастбищах”, 2019 г.

Исходно, а в некоторых случаях и сейчас, заказники были временными охраняемыми территориями, созданными на определенный срок, обычно на десять лет, чтобы дать возможность восстановиться видам растений или животных (см. раздел 1.1.3). В настоящее время почти все заказники в Центральной Азии представляют собой постоянно действующие ООПТ, на которых допускается регулируемое землепользование. За редким исключением, заказники не имеют собственных администраций и персонала, а управляются администрациями других ООПТ, другими природоохранными органами или соответствующим землепользователем (часто государственным лесхозом). Их

природоохранная эффективность различна, но многие территории де-факто используются, в частности, для выпаса скота, без соблюдения ограничений.

В зависимости от национального законодательства, охота запрещена либо во всех видах заказников, либо в некоторых, например, в “зоологических заказниках”. Похожая ситуация наблюдается в некоторых более новых категориях ООПТ, например, в природных парках, которые запрещают охоту, но допускают другие формы регулируемого использования. В этих ООПТ использование подходов, основанных на участии местных сообществ в управлении популяциями и предполагающих добывание животных, в настоящее время неосуществимо. Без легальной охоты – и без каких-либо других возможностей для получения дохода от диких животных – у местного населения не будет стимулов воздерживаться от браконьерства, защищать диких животных или поддерживать их местообитания. Более того, местные жители не имеют права защищать дикую природу из других побуждений, например, признавая ее внутреннюю ценность. Соответственно, деградация местообитаний и конкуренция с домашним скотом за пастбища не ослабевают, поскольку животноводство остается экономически наиболее выгодным вариантом землепользования. Чтобы переломить эту ситуацию, очень полезным было бы применение подходов, основанных на участии местных сообществ (CBWM), чтобы местное население получило право на своей территории самостоятельно или совместно с государственными органами управлять популяциями диких животных и их местообитаниями.

Способ правовой защиты отдельных видов растений и животных, возникший в Советском Союзе и ныне общий для всех государств Центральной Азии – внесение редких и/или угрожаемых видов в Красные книги. Как правило, внесение в Красную книгу влечет запрет добывания этих видов (см. раздел 1.1.3). Такая автоматическая связь оценки риска вымирания с правовой защитой от изъятия значительно отличается от подхода Красного списка МСОП и многих национальных Красных книг за пределами Центральной Азии. Эти красные списки не обязательно подразумевают запрет добывания, но создают основу для осуществления природоохранных мер, направленных на устранение выявленных угроз.

Критерии занесения в Красные книги долгое время были довольно неясными, и, по-видимому, основной причиной для их внесения было экспертное мнение. В течение последних десятилетий все страны Центральной Азии пытались внедрить иной, более прозрачный подход к оценке риска исчезновения видов и распределить виды по различным категориям в соответствии с Руководящими принципами применения критериев Красного списка МСОП на региональном и национальном уровнях (МСОП, 2012). Однако и старые процедуры занесения в Красную книгу все еще сохраняются. Исключение вида из списка Красной книги представляется довольно сложной задачей, из-за чего уполномоченные государственные органы и/или ученые не решаются вносить в Красную книгу виды, на которые ведется охота, даже в случаях резкого сокращения популяции, как, например, было с сайгаком в Казахстане.

В настоящее время во всех странах возможны исключения, когда охота на виды, внесенные в Красную книгу, разрешается на основании решений высокого уровня, которые не являются ни предсказуемыми, ни прозрачными. Разрешения выдаются на коммерчески привлекательные виды, такие как архар, уриал, мархур и даже бухарский олень, а также на конфликтных животных, в частности бурого медведя и в некоторых странах – снежного барса. Отсутствие возможностей законного использования занесенных в список видов диких животных может препятствовать внедрению подходов, основанных на участии местных сообществ, и других вариантов управления популяциями диких животных в тех

случаях, когда популяция восстановилась. Отсутствие предсказуемых возможностей легального использования диких животных может стать препятствием для сохранения вида и затруднить осуществление необходимого контроля численности популяции – например, для бухарского оленя.

Экотуризм, основанный на участии местных сообществ

В Центральной Азии есть несколько примеров успешного бизнеса в области экотуризма, некоторые из них основаны на участии местных сообществ и включают наблюдение за дикими животными. Однако в целом наблюдение за дикими животными пока не является популярным видом туристской деятельности в регионе, и поэтому разработка экономически выгодных предложений может оказаться сложной задачей. Трудности и возможные решения в отношении нескольких целевых видов животных описаны в главе 4. В следующих абзацах описывается законодательство, имеющее отношение к подходам, основанным на участии местных сообществ в управлении популяциями и не требующих добывания диких животных, т. е. к экотуризму.

На территории заповедников за любую форму регулирования обычно отвечают государственные органы. Поскольку в таких ООПТ любое землепользование, в большинстве стран – включая и туризм, запрещено, местное население обычно не имеет возможностей принять участие в деятельности. Иначе обстоит дело с другими категориями ООПТ, такими как национальные парки, биосферные резерваты и т.д., где туризм и другая деятельность человека разрешены, по крайней мере, в некоторых частях этих территорий. Уникальный пример существует в Кыргызстане, где законодательство допускает создание местными НПО небольших охраняемых территорий, так называемых «микрзаповедников» или «ООПТ местного населения» (Карабаева, 2022). Неправительственные организации могут управлять этими территориями и получать от этого прибыль, создавая туристские продукты, включая наблюдение за дикими животными.

За пределами ООПТ использование диких животных без их изъятия в Центральной Азии почти не регулируется, за исключением общих правил, касающихся взаимодействия с дикими животными и, в частности, с видами, находящимися под угрозой исчезновения. Расширение возможностей местных сообществ для развития собственных туристских продуктов с наблюдением за дикими животными за пределами ООПТ возможно на основе выделения «территорий регулируемого использования диких животных» (см. ниже раздел «Управление популяциями диких животных в Центральной Азии»). Например, созданная местным сообществом общественная организация может подать заявку на получение охотничьего хозяйства, не планируя проводить в нем охоту по согласованию с соответствующим государственным органом. Однако осуществимость этого варианта ограничена несколькими сдерживающими факторами. Основная правовая проблема заключается в том, что управляющая организация охотничьего хозяйства, такая как общественная организация, не уполномочена препятствовать бесплатному использованию этого хозяйства третьими лицами в целях организации туризма. Это означает, что любая управляющая организация должна нести расходы по охране диких животных в этом хозяйстве, в то время как любой конкурент или частное лицо могут использовать это же хозяйство как объект туризма без таких затрат. В результате, созданная местным сообществом общественная организация оказывается в невыгодном экономическом

положении. Чтобы превзойти других поставщиков услуг, ей приходится предоставлять услуги гида-экскурсовода и другие туристские услуги исключительно высокого качества. Кроме того, управляющая организация такого хозяйства не имеет полномочий регулировать землепользование на территории хозяйства для обеспечения сохранения диких животных. В некоторых странах управляющая организация также несет полную ответственность за случаи браконьерства на территории охотничьего хозяйства. Эти аспекты могут стать препятствиями для участия местных сообществ в управлении популяциями диких животных без их добывания.

Управление популяциями диких животных в Центральной Азии

В странах Центральной Азии управление популяциями охотничьих животных за пределами ООПТ, как правило, осуществляется по территориальному признаку. Определенные территории становятся охотничьими хозяйствами, и в течение нескольких лет права и обязанности по управлению в этих хозяйствах передаются государственными органами третьим лицам. Как правило, это юридические лица, которые обычно являются коммерческими организациями, но могут быть и НПО, созданными местными жителями. Эти организации принимают ответственность за мониторинг популяций и охрану диких животных от браконьерства, меры по улучшению местообитаний и поддержанию их в хорошем состоянии, и за это получают право охотиться или предоставлять возможности для охоты другим охотникам.

Для выполнения этих задач лица, отвечающие за эти охотничьи хозяйства, должны, помимо прочих обязательств, разработать планы управления, и нанять егерей. Они должны подать заявку в государственное агентство по охране диких животных на получение квот для охоты на определенные виды животных. Обычно это требуется для всех видов копытных, в то время как для других видов, таких как водоплавающие птицы, правила в разных странах могут отличаться. Разрешения на охоту, полученные владельцами хозяйств в рамках выделенной квоты, могут быть проданы отечественным или иностранным охотникам.

Процедуры выделения охотничьих хозяйств и способы оплаты различаются в разных странах и иногда менялись в течение последних десятилетий. В некоторых случаях это просто подача заявления в компетентные органы на национальном или местном (как правило, районном) уровне, а затем заключение контракта. Противоположный вариант: сложные конкурсные процедуры, когда охотничьи хозяйства вначале определяются и разграничиваются на этапе специального планирования (так называемое межхозяйственное охотустройство), а затем выставляются на конкурс. Претенденты должны продемонстрировать свои возможности по управлению охотничьими хозяйствами в соответствии с требованиями, показать наличие оборудования и кадровых ресурсов, а также опыт работы.

В Казахстане в качестве одного из способов распределения охотничьих хозяйств также рассматривался аукцион. Однако от этой попытки отказались, вероятно, из-за общей низкой экономической рентабельности управления такими хозяйствами в стране.

Как правило, плата за пользование охотничьими хозяйствами не взимается, то есть нет ежегодного сбора, а только некоторый первоначальный взнос для покрытия расходов, связанных с процессом переуступки прав. Но организация, управляющая охотничьим хозяйством, должна вкладывать значительные средства, например, в планирование охотпользования (так называемое внутривладельческое охотустройство), оборудование,

охрану с помощью патрулирования егерями и необходимую инфраструктуру. Кроме того, хозяйствующий субъект должен платить установленные сборы за получение разрешений на охоту в пределах полученных квот. Если охота не проводится и, соответственно, сборы не выплачиваются, ответственные органы могут рассмотреть вопрос о расторжении контракта, хотя обычно эта причина не бывает единственной. Более вероятно расторжение контракта на основании отсутствия в охотничьем хозяйстве какой-либо управленческой деятельности или при выявлении случаев браконьерства.

В целом, хозяйствующие субъекты несут ответственность за случаи браконьерства на территории своего хозяйства. Это может представлять серьезный риск, особенно для небольших общественных организаций, созданных местными сообществами, и служит препятствием для развития подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местных сообществ (CBWM).

Землепользование и охрана диких животных

Права землепользования в Центральной Азии, как правило, отделены от прав на управление дикими животными, что позволяет определять охотничьи хозяйства и управлять ими независимо от установленных границ землевладений. Таким образом, границы охотничьих хозяйств могут совпадать с естественными местами обитания и топографическими особенностями, что выгодно для рационального и устойчивого управления популяциями диких животных.

Однако такое разделение управления популяциями диких животных и землепользования означает, что юридическое лицо, организующее охотпользование, не имеет прав землепользования, и поэтому не может, например, налагать ограничения на выпас скота, выращивание сельскохозяйственных культур, пользование лесом или другие виды деятельности, которые могут противоречить целям управления популяциями диких животных. Это проблема для управления популяциями диких животных в охотхозяйствах, независимо от того, ведется в них охота, или нет. Лишь немногие охотпользователи дополнительно арендуют и землю, будь то на всей территории своего хозяйства или частично, получая, таким образом, право регулировать землепользование.

Роль местных администраций

Местные администрации ниже районного уровня – сельские округа или муниципалитеты – обычно не имеют никаких полномочий по управлению природными ресурсами, такими как лес, пастбища, дикорастущие растения или дикие животные. Таким образом, они не могут стать субъектами, ответственными за управление популяциями диких животных и охотой, и часто также не обладают потенциалом для выполнения этой функции.

Примером для исключения из этого правила в странах Центральной Азии, расположенных на территории бывшего Советского Союза, является Кыргызстан, где закон о пастбищах с 2009 года делегирует полномочия и ответственность за управление пастбищами органам самоуправления с вовлечением местного населения с обязательством создания местных пастбищных комитетов. Эти пастбищные комитеты могли бы формально стать организациями по управлению популяциями диких животных или владельцами охотничьих хозяйств, но до сих пор это не практиковалось. Вероятно, это происходит из-за несоответствия между крупными охотничьими хозяйствами, необходимыми для

рационального управления популяциями диких животных, и гораздо меньшими общинными пастбищными угодьями.

В Монголии органы власти низшего уровня, соответствующего местным сообществам (“сум”, в русском языке принято название *сомон*), участвуют в управлении популяциями охотничьих животных на территории своей юрисдикции. По словам Амгаланбаатара (личн. сообщение, 2022), в большинстве случаев местные жители совместно управляют охотничьими хозяйствами. Однако это не обеспечивает населению существенного дохода для целей охраны природы и других задач. Причина, по-видимому, в том, что другое государственное финансирование сокращается на размер ожидаемого дохода от охоты. Если запланированные охоты не проводятся, бюджет, тем не менее, сокращается, и считается, что в этом сокращении виноват руководитель соответствующего сомона (Амгаланбаатар, личн. сообщение, 2022).

Применимость в Центральной Азии международных примеров CBWM

Пример создания общинных природоохранных организаций, описанный для Намибии в разделе 3.3.2, вдохновляет на развитие системы рационального использования диких животных, основанной на участии местных сообществ, и в Центральной Азии. Однако ситуация в Центральной Азии существенно отличается отсутствием связи между правами на землепользование и на животный мир, и меньшими полномочиями органов местного самоуправления. Поскольку низовые территориальные администрации в настоящее время не обладают соответствующими возможностями и полномочиями, роль потенциальных организаторов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), в Центральной Азии могли бы играть локальные НПО.

Предпочтительно, чтобы такие НПО были укоренены в местных сообществах, имели бы демократические механизмы управления и обеспечивали бы справедливое распределение выгод и затрат между членами сообщества. Добиться полноценного вовлечения всех местных жителей, т.е. всех домохозяйств в деревне, группе деревень или муниципалитете, очень сложно. Как правило, только немногие заинтересованы в охоте и хотели бы участвовать в такой специфической схеме управления природными ресурсами, по крайней мере, на начальном этапе (возможные причины приведены в разделе 3.4.1).

Более того, местные жители, заинтересованные в охоте и управлении охотничьими ресурсами, часто не хотят, чтобы в организационной структуре, созданной для этой цели, были представлены все их соседи. Часто приводится аргумент, что такое объединение слишком напоминало бы колхоз, то есть советское коллективное хозяйство, а это привело бы к недостаточному чувству собственности и стремлению максимизировать индивидуальную выгоду за счет общего ресурса. Это представление местных жителей тесно связано с уровнем социальной сплоченности сельской общины, который сильно различается в зависимости от региона Центральной Азии. Например, на Западном Памире в Таджикистане местные жители в горных деревнях часто демонстрируют сильное чувство общности, сотрудничая во многих областях, представляющих общий интерес, и участвуя в общественных организациях, занимающихся местным развитием. В других регионах, в частности, где сельское население за годы советской истории преобразовано принудительными переселениями и притоком людей из других районов, интересы

отдельных домохозяйств могут отличаться настолько, что общий интерес выявить невозможно, и сплоченность отсутствует.

Еще одним отличием от примера Намибии является отсутствие в Центральной Азии автоматической связи между правами землепользования и управления охотничьими ресурсами. Люди, заинтересованные в управлении популяциями диких животных и охоте, обычно также являются землепользователями каких-то участков, но редко имеют права землепользования на большей части территории своего охотничьего хозяйства. Поэтому установление хороших отношений между охотпользователями и землепользователями в охотхозяйствах имеет важное значение.

По этим причинам до сих пор в Центральной Азии управление охотничьими ресурсами, основанное на участии местных сообществ (CBWM), организовывалось либо через НПО, созданные людьми, имеющими общие интересы в управлении популяциями диких животных на определенной территории, либо через небольшие семейные компании. НПО, отвечающие за охотничьи хозяйства, по закону обязаны использовать полученный доход исключительно для достижения уставных задач. Эти задачи, как правило, включают сохранение и рациональное использование популяций диких животных и мест их обитания, а также местное социальное и экономическое развитие. При этом НПО, укорененные в местных сообществах, испытывают давление и неформальный контроль со стороны остальных членов сообщества, что обуславливает определенную ответственность и за пределами круга собственно членов НПО.

В отличие от них, локальные семейные предприятия не обязаны вкладывать средства в охрану природы и общее благосостояние, поскольку они являются бизнес-структурами и действуют в своих собственных интересах. Однако эти компании также часто находятся под определенным давлением со стороны остального сообщества и могут иметь перед ним неформальные социальные обязательства. Это давление со стороны окружающих усиливается, если другие семьи имеют права на землепользование в границах охотхозяйств, где семейное предприятие управляет популяциями диких животных. В целом, по крайней мере, часть средств, получаемых от таких семейных предприятий, на практике используется для социального и экономического развития, в то время как другие выгоды для местного сообщества включают трудоустройство некоторых его членов и появление спроса на местные услуги (более подробно см. пункты 3.4.3–3.4.5).

Для всех организаций, созданных местным населением, крайне важно получить полномочия по управлению популяциями диких животных на территориях, представляющих для них интерес, и получить законный доступ к ключевым охотничьим ресурсам. Как показано ниже в подразделах 3.4.3–3.4.5, посвященных конкретным странам, такие процессы могут занять много лет. Часто, еще до их завершения эти люди уже защищают диких животных на добровольной основе или по предварительным соглашениям с государственными органами.

В зависимости от того, какие виды диких животных обитают на определенной территории, и от конкретной правовой ситуации, квоты на изъятие могут выделяться не сразу или только для определенных видов. В таких ситуациях для преодоления этих периодов необходимы сильное чувство сопричастности, некоторые промежуточные источники финансирования и,

по возможности, не связанные с изъятием виды пользования животным миром, либо использование других видов животных.

В заключение следует отметить, что правовые и институциональные рамки в странах Центральной Азии открывают определенные возможности, но также и создают препятствия для развития управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM). Существующие механизмы не дают местным сообществам полной самостоятельности в этом вопросе, но создание НПО и небольших семейных бизнесов, созданных местными жителями, предоставляют им возможность получения полномочий и ответственности для управления популяциями диких животных. Эти структуры могут быть созданы таким образом, чтобы выгоды от управления популяциями диких животных на местном уровне доставались всем. Право на управление охотничьими ресурсами предоставляется независимо от прав землепользования, и это может вызвать трудности при согласовании охотпользования с другими формами землепользования. Наконец, фактическая возможность охоты зависит не только от владельцев охотничьих хозяйств, но регулируется квотами и распределением разрешений, выдаваемых государством. Это обеспечивает большой государственный контроль, но ограничивает возможности местного населения принимать управленческие решения.

3.4.3 Таджикистан

После обсуждения общей правовой базы в странах Центральной Азии, в данном разделе описываются конкретные примеры подходов к управлению популяциями диких животных, основанному на участии местных сообществ, рассматриваются достигнутые успехи, а также неудачи. Обсуждаются причины неудач.

Создание местными сообществами НПО для управления популяциями диких животных

В 2008 году при поддержке GIZ и зарубежных природоохранных НПО, в частности ZGAP, стартовал проект "Горные копытные Таджикистана". Этот проект инициировал процесс содействия и расширения прав и возможностей в отдельных долинах Памира, ориентированный на традиционных охотников и других членов сообщества, заинтересованных в устойчивом использовании диких животных (Michel & Rosen, 2024). Были выбраны пилотные участки, которые потенциально могли бы контролировать местные жители, и которые были достаточно большими, чтобы в них обитало не менее нескольких сотен сибирских горных козлов. В процесс совместного анализа и планирования были вовлечены местные жители, в том числе неформальные охотники (т.е. люди, у которых есть опыт охоты, но нет охотничьего билета; Рисунок 19), и это помогло им понять, что сокращение численности сибирского горного козла и архара в прошлом было прямым следствием нерегулируемой интенсивной охоты. Местные жители вскоре осознали, что постоянное давление препятствует восстановлению популяции копытных, что также сокращает их собственные возможности для охоты. В качестве основной причины сложившейся ситуации они назвали тот факт, что у них нет полномочий предотвращать браконьерство со стороны других членов сообщества и посторонних лиц.

Рисунок 19: Впечатления от участия в работе с представителями местного населения. Долина Бартанг, ГБАО, Таджикистан. Фото: Ш. Михель

Узнав о возможностях, предоставляемых законодательством Таджикистана (раздел 3.4.2), эти местные охотники основали свою собственную общественную организацию и подали заявку на создание охотничьего хозяйства на территории, используемой местными сообществами.

Первая из таких НПО, созданных местными жителями, была зарегистрирована в ноябре 2008 года и получила от властей административного района права землепользования на участок площадью более 470 км². Вскоре после этого Управление Государственного комитета по охране окружающей среды Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) признало активных членов этой общественной организации добровольными егерями. В сентябре 2011 года Государственное агентство лесного хозяйства передало НПО права и обязанности по управлению охотничьими ресурсами на этой территории.

Следуя этому первому примеру, несколько других местных сообществ создали аналогичные организации и подали заявки на выделение охотничьих хозяйств. Некоторые попытки организовать такое управление популяциями диких животных, основанное на инициативе местных сообществ, были безуспешными. Если среди местных жителей не хватало достаточно энергичных организаторов, права передавались частным концессионерам или хозяйства оказывались неподходящими. К концу 2021 года общая площадь охотничьих хозяйств, официально закрепленных за пятью такими местными НПО, составляла 3455 км², плюс примерно 1000 км² на территории Таджикского национального

парка. Вместе эти НПО насчитывали около 60 добровольных егерей, которые охраняли диких животных и управляли их популяциями (Michel & Rosen, 2024).

Уставы этих НПО предусматривали сохранение и устойчивое использование видов диких животных в соответствующих охотничьих хозяйствах, экотуризм, поддержку благосостояния и развития местных сообществ. Как и любая другая НПО, эти организации создавались как некоммерческие структуры. Это означает, что их доходы могли быть истрачены только на природоохранные и общественные нужды, а управление организовано по определенным демократическим принципам, включая принятие решений общим собранием, прозрачность использования средств и выборы председателей и членов правления. Будучи созданы, эти НПО подавали заявки на выделение подходящих охотничьих хозяйств в окрестностях своих деревень. Устанавливая юридически признанный контроль над используемыми ими территориями, члены этих НПО препятствовали браконьерству со стороны как других членов своего же сообщества, так и посторонних. После восстановления популяций сибирского горного козла и архара они начали регулировать их использование, основываясь на исследованиях и согласованных квотах (Michel & Rosen, 2024).

Успешным примером может быть НПО "Бургут", которая была зарегистрирована в 2013 году. В том же году районная администрация выделила этой общественной организации охотничье хозяйство площадью почти 93 тыс. га сроком до 2018 года "с целью охраны, увеличения и рационального использования природных ресурсов, включая дикую природу, фауну и флору и другие ресурсы, восстановления и увеличения популяций диких животных, которые являются объектом охоты или находятся под угрозой исчезновения, защиты исторических мест и высокогорья, а также для осуществления гуманитарной деятельности". Как признание природоохранных достижений и социальной пользы этой НПО, в 2018 году решение районной администрации было продлено еще на десять лет. Хотя популяция архара за отчетный период не достигла такого размера и плотности, как в лучших местообитаниях под управлением коммерческих охотпользователей, она все же достигла уровня, достаточного для выделения скромной охотничьей квоты. Разрешения на добычу сибирских горных козлов стали выдавать с 2014 года, но первое и пока единственное разрешение на добычу архара было получено лишь в 2017 году, поскольку коммерческие охотпользователи использовали свою фактическую монополию на архара, чтобы предотвратить выделение квоты для этой НПО. В Таджикистане квота распределяется между охотпользователями, то есть между арендаторами, управляющими охотничьими хозяйствами, в которых водится архар, через Ассоциацию охотников Таджикистана. Это может препятствовать доступу к получению разрешений для других желающих.

В качестве потенциальной альтернативы созданию новых местных НПО была рассмотрена интеграция задач управления популяциями диких животных в уже существующие местные неправительственные организации с полным представительством всех домохозяйств соответствующей сельской общины (сельские организации и их ассоциации на уровне джамоатов). Но эти организации не рассматривали охрану природы, управление популяциями диких животных и охотничье хозяйство как часть своего мандата. Со своей стороны, традиционные охотники не были заинтересованы в интеграции "своего ресурса" в более широкий институциональный контекст, где преобладают лица, не интересующиеся

дикими животными и охотой, и публично не признающие традиционных охотников в качестве законной заинтересованной группы.

При поддержке Международного совета по охоте и охране животного мира (International Council for Game and Wildlife Conservation, ICG) и других международных неправительственных организаций местные НПО в 2015 году создали Ассоциацию природоохранных организаций Таджикистана (Association of Nature Conservation Organizations of Tajikistan, ANCOT). Ассоциация поддерживала развитие управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ, включая все его аспекты, такие как развитие потенциала, поиск финансирования для отдельных проектов, маркетинг экологического и охотничьего туризма, а также логистическую поддержку туристской деятельности.

Семейные компании по управлению популяциями диких животных

В ареале мархура местные организации по управлению популяциями диких животных развивались иначе, чем на Памире. Когда в 2008 году только стартовал проект "Горные копытные Таджикистана", в юго-западной части Дарвазского района один бывший неофициальный охотник уже создал собственное семейное предприятие и арендовал под пастбище участок площадью более 35 км². На этой территории он вместе со своими родственниками начал защищать мархура и других диких животных от браконьерства. Подобным образом, другая местная семья основала свое предприятие и арендовала пастбища к западу от заповедника "Даштиджум" в соседнем районе Шамсиддин Шохин (в то время – Шуроабадский район).

Понимая недостатки семейных предприятий с точки зрения участия и распределения выгод, проект в 2009 году способствовал созданию местной НПО, включавшей неформальных охотников и других заинтересованных жителей из основных районов, где еще обитает мархур. Уже вскоре после создания эта неправительственная организация столкнулась с внутренними и внешними конфликтами. В результате, несколько неформальных охотников со своими семьями основали собственные компании, и в итоге НПО также преобразовалась в коммерческую компанию (общество с ограниченной ответственностью). К 2017 году участки ареала мархура были разделены между пятью организациями, созданными местными жителями, и еще одной компанией, принадлежащей стороннему лицу (Broghammer et al., 2017). В последующие годы разделение существующих предприятий и появление новых внешних участников не раз приводили к увеличению числа вовлеченных организаций и созданию все новых, меньших по размеру, охотничьих хозяйств (Herrero et al., 2022, неопубликованный отчет). Семейные компании первоначально также хотели присоединиться к ANCOT, но действующее законодательство не допускает объединений коммерческих и некоммерческих организаций. Однако большинство семейных предприятий тесно сотрудничали с ANCOT.

Доходы от управления популяциями диких животных

Местных охотпользователей – будь то НПО или семейные компании – объединяло то, что они не получали от вышеупомянутого проекта финансовой поддержки для выплаты зарплат, но получали помощь в институциональном развитии и оснащении. Источником финансирования были правительство Германии и иностранные НПО. В начальный период

охотпользователи полагались на добровольную работу, частично осуществляемую в сочетании с другими видами деятельности в горах, такими как выпас скота, или (в случае некоторых предприятий) на доходы из других источников.

Первая трофейная охота в охотничьих хозяйствах, управляемых НПО на Западном Памире, состоялась в 2012 году. Тогда члены местной неправительственной организации и местные жители впервые получили законный доход от использования охотничьих ресурсов (а также мясо), и вложили средства в систему микрокредитования. С тех пор хозяйства, управляемые местными НПО, посетило множество охотников и туристов, интересующихся дикими животными. За шесть лет в пяти хозяйствах туристы добыли в общей сложности около 100 сибирских горных козлов. Охотники платили по 5000 долларов за каждую охоту, включая разрешение и все услуги. Чистая выгода местной НПО составляла 3000 долларов США за одну охоту. Доходы были использованы для финансирования природоохранных мероприятий, в частности – для организации круглогодичной охраны и для аренды пастбищ, чтобы снизить конкуренцию архаров и сибирских горных козлов со скотом за эти важнейшие местообитания. Также вкладывались в социально-экономическое благополучие местного населения: например, в батареи для солнечной энергетики, местную больницу, игровую площадку для детей, школьные учебники, ремонт местной инфраструктуры и поддержку малообеспеченных семей. Предоставление местных услуг, в частности размещение туристов в семьях, приносило доход членам НПО и другим семьям.

Охотничьи хозяйства в ареале обитания мархура в первые годы в основном получали доход от охоты на кабана. Этот вид здесь обычен, но местные жители на него не охотятся, поэтому можно встретить много старых кабанов с большими клыками. Начиная с 2014 года, более существенный доход приносил охотничий туризм ради легальной охоты на мархура. К 2022 году было добыто около 100 мархуров по цене около 100 тыс. долларов США за животное. Из этой суммы после вычета платы за разрешение и других расходов около 60% остается семейным компаниям и расходуется на управление охотхозяйствами и на необходимые инвестиции в них. Этот доход дополняется предложениями в сфере природного туризма, особенно для фотографов диких животных. Компании договорились, что не менее 30% их доходов должно быть инвестировано в местное социальное развитие. Хотя фактические цифры не обнародованы, известно, что было осуществлено несколько значительных инвестиций, например, в водоснабжение домашних хозяйств и ирригацию, спортивные площадки, строительство жилья для семей, пострадавших от наводнения, и многое другое.

Рисунок 20: Зимой лишь немногие туристы приезжают покататься на яках. Аличур, Таджикистан. Фото: Колдуэлл.

Положительные природоохранные результаты

Описанные выше подходы к управлению популяциями диких животных на основе местных сообществ в Таджикистане позволили добиться положительных результатов, включая создание устойчивых организационных структур, адекватный охват территорий и положительное природоохранное воздействие на целевые виды при одновременном получении выгод для местного населения. Более того, этот подход получил известность и был воспринят как положительное явление, способствующее укреплению международной репутации Таджикистана как страны, где развивается устойчивый охотничий и природный туризм. Группа специалистов по козым Комиссии по выживанию видов МСОП принимала участие в учетах горных копытных, в первую очередь мархура, для поддержки усилий по мониторингу популяции. Дополнительно, данные прямых подсчетов, проведенных учеными из сотрудничающих НПО и традиционными охотниками, использовались для определения квот на добычу трофеев. Основой установления квоты для копытных стало изъятие одного самца на 100 учетных особей, при условии, что возраст не менее 5 самцов оценивается как 8 лет или старше.

Хорошим примером положительного воздействия является НПО «Бургут» в Таджикистане. Коммерческие арендаторы считали эту территорию непривлекательной из-за высокой антропогенной нагрузки, сложности защиты от браконьерства и низкого потенциала для увеличения популяции архара и сибирского горного козла (Рисунок 21). НПО «Бургут» руководил опытный охотничий гид и бывший неофициальный охотник, который вовлек в свою организацию местных жителей, заинтересованных в охоте. Несмотря на присутствие большого количества пастухов во всех долинах этого района и легкий доступ для браконьеров с автотрассы, проходящей через большинство долин, членам НПО в

сотрудничестве с другими местными жителями удалось значительно увеличить популяцию копытных, приняв охранные меры и введя ограничения на землепользование (Рисунок 22). Однако об этих тенденциях изменения численности диких животных следует говорить с осторожностью, поскольку после введения природоохранных мер, основанных на участии местного сообщества, частота проведения учетов изменялась, различались методика учетов и выявляемость животных. Последняя могла повыситься в течение нескольких лет как ответ на снижение браконьерского давления: это сделало животных менее осторожными и облегчило их учет.

В других охотничьих хозяйствах Таджикистана, управляемых местным населением через НПО, удалось продемонстрировать значительное увеличение численности сибирского горного козла и мархура. Плотность встреч сибирского горного козла на трех управляемых территориях в Западном Памире и Вахане достигла 0,5–1,44 особей/км². Численность мархура также существенно возросла: от предположительно менее 500 в начале 2000-х годов до непосредственно зарегистрированных 1018 особей в 2012 г., более 1901 в 2017 г. и более 5000 в 2022 г. (Michel et al., 2015; Broghammer et al., 2017; Akramov et al., 2022).

Проблемы и неудачи

Несмотря на некоторые успехи, в 2022 году применение в Таджикистане подходов популяциями диких животных (CBWM), основанных на участии местных сообществ, столкнулось с серьезными трудностями – в основном из-за того, что эта концепция воспринимается как конкурент моделям бизнеса, основанным на коммерческой охоте.

Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ (CBWM), появилось в Таджикистане, в сущности, как дополнение к коммерческому охотничьему туризму. Подход, основанный на участии местных сообществ, был опробован в экспериментальном порядке на территориях, которые менее подходят для коммерческих частных охотхозяйств, и поэтому часто не закреплялись ни за каким юридическим лицом из-за отсутствия интереса. Эта схема не предназначена для замены охотхозяйств, управляемых частными охотпользователями. Тем не менее, у нескольких коммерческих охотпользователей сложилось враждебное отношение к инициативам с вовлечением местного населения и к сторонникам такого подхода. В первые годы они негативно оценивали шансы на успех подходов, основанных на инициативах местного населения, представляя местных неформальных охотников отъявленными браконьерами, которые никогда не захотят и не смогут охранять и рационально использовать диких животных, или

оценивая потенциал пилотных хозяйств для восстановления популяций копытных как незначительный.

Рисунок 21: Сибирский козерог (слева) и архар (справа) на территории, управляемой НПО "Бургут", Восточный Памир, Таджикистан. Фото: Атабаев (слева), Колдуэлл (справа).

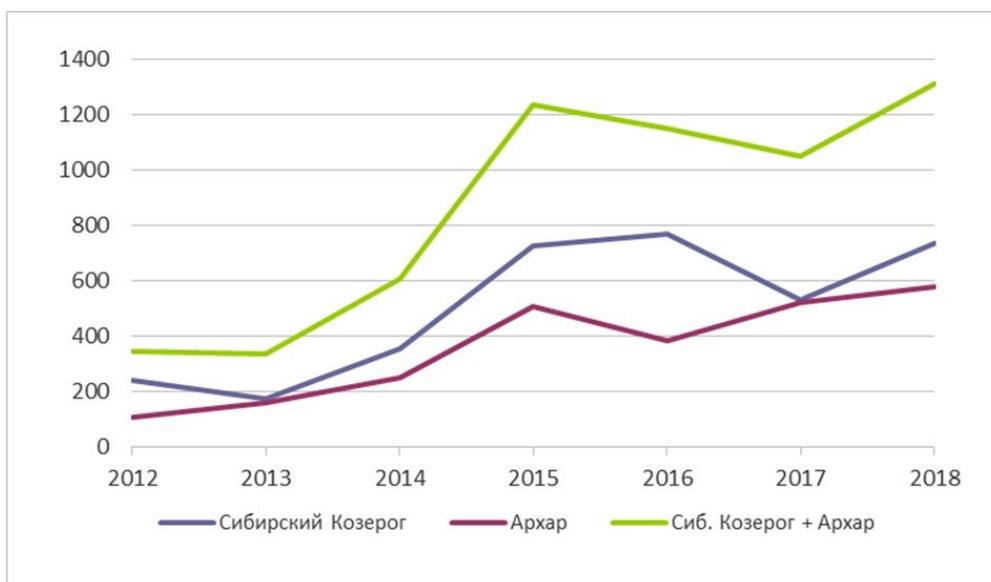

Рисунок 22: Изменение учтенной численности в популяциях копытных на территории, управляемой местной НПО "Бургут" в Таджикистане. Данные: ANCOT.

Кроме того, есть сведения, что некоторые коммерческие охотпользователи были вовлечены в незаконную трофейную охоту, например, на мархура. Они рассматривали расширение прав и возможностей местных неформальных охотников и их превращение из браконьеров в легальных управляющих охотничьими ресурсами как угрозу своему бизнесу.

По мере того, как успешное управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ, приводило к увеличению популяций диких животных, достигались ощутимые выгоды для местного населения, и местные жители начали поддерживать инициативы такого подхода (CBWM). Из-за этого у некоторых охотпользователей, занимающихся коммерческой охотой, сложилось впечатление, что некоммерческие организации ущемляют их интересы. Эти охотпользователи начали угрожать представителям общественных проектов. Некоторые даже пытались использовать свою экономическую и политическую власть для оказания давления на созданные местными сообществами НПО и их представителей, например, через налоговые и правоохранительные органы.

Рисунок 23: Самец и самка архара в Аличуре, Таджикистан. Фото: ANCOT.

Кроме того, в 2022 году, после антиправительственных протестов в Памирском регионе Таджикистана и их подавления, политическая ситуация в стране стала сложной для любого типа НПО. К концу 2022 г. большинство НПО, созданных местными сообществами для рационального использования диких животных, были официально закрыты службой государственной безопасности. Таким образом, предоставление этим НПО охотугодий для управления популяциями диких животных прекратилось. Например, НПО "Бургут" в течение нескольких лет не выдавали разрешений ни на архара, ни на сибирского горного козла. Эта НПО и ее руководитель все чаще подвергались давлению со стороны различных

органов власти, очевидно, инспирированному лицами, заинтересованными в коммерческом использовании архара Марко Поло. В 2022 г. управляемая НПО «Бургут» территория, как сообщается, была передана владельцу коммерческого охотхозяйства, а в июле 2022 г. НПО была закрыта областной администрацией (по личн. сообщению местных партнеров Ш. Михелю в 2022 г.). После закрытия входящих в нее НПО Ассоциация природоохранных организаций Таджикистана прекратила свое существование, и на ее базе была создана новая природоохранная НПО национального уровня с другим мандатом.

Таким образом, к моменту публикации данного отчета подход, при котором НПО, созданные местными сообществами, выступали бы в качестве лиц, ответственных за управление популяциями диких животных, в Таджикистане уже не работает, и перспективы его неизвестны. Это особенно обидно, поскольку предыдущий успех такого подхода не только оказал заметное природоохранное воздействие и способствовал благосостоянию местного населения, но и значительно укрепил международную репутацию Таджикистана в области устойчивого использования диких животных, охраны природы и туризма.

Положительным моментом является то, что семейные малые предприятия продолжают свою работу в ареале мархура, а бывшие члены двух НПО основали новые малые компании для продолжения своей деятельности. Однако, на участках обитания мархура некоторые внешние акторы, использовав свои экономические возможности и политические связи, добились выделения небольших охотхозяйств из территорий, которые ранее управлялись местными семейными компаниями. Они используют эти участки для получения квоты на добычу мархура, полагаясь при этом на успехи в сохранении вида, достигнутые местными охотоведами на более крупных территориях, и не вкладывая (или почти не вкладывая) средств в охрану природы и местное развитие. Захват элитой небольших охотничьих хозяйств и связанных с этим возможностей для бизнеса также может повлиять на мотивацию местного населения и, следовательно, на устойчивость сохранения мархура. Такие оскорбительные действия в отношении групп и отдельных людей, работавших ради успешного восстановления охотничьих ресурсов, являются провалом в управлении, который серьезно препятствует мотивации местного населения к участию в любой форме подобной деятельности.

Примеры из Таджикистана показывают, что действующее законодательство позволяет успешную реализацию подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местного населения. Местные сообщества получают ответственность и полномочия по сохранению диких животных посредством создания НПО или семейных предприятий. Эти организации изначально были успешными с точки зрения природоохранных результатов и экономической жизнеспособности, пока ситуация не изменилась по политическим причинам. В специфических условиях Таджикистана, с его высоко коммерциализированным сектором охотничьего туризма и отсутствием благоприятных условий для НПО местных жителей, развитие управления популяциями диких животных, основанного на местных сообществах (CBWM), остается чрезвычайно сложной задачей.

3.4.4 Кыргызстан

В настоящем разделе на нескольких примерах описывается внедрение в Кыргызстане подходов к управлению популяциями диких животных, основанному на участии местных сообществ. Подробно представлены достигнутые результаты, а также проблемы и перспективы.

В Кыргызстане проект НПО Snow Leopard Trust (SLT) помогает местным сообществам, расположенным в ареале снежного барса, сбывать свои изделия ручной работы при условии, что сообщество не допускает терпимости к браконьерству. Этот подход успешен, принося местным жителям доход и при этом мотивируя их к соблюдению природоохранных требований. SLT организует продажи этой продукции через свою программу "Snow Leopard Enterprises". Однако этот подход можно рассматривать скорее как поддержку создания альтернативных источников средств к существованию, чем как пример управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ, поскольку членам сообщества тут не передаются необходимые для такого управления полномочия и ответственность в отношении диких животных.

Создание местными сообществами НПО для управления охотничьими ресурсами

Пилотное внедрение подхода, основанного на участии местных сообществ, началось в Кыргызстане с оценки потенциала, проведенной в 2011 году при поддержке Региональной программы GIZ "Устойчивое использование природных ресурсов в Центральной Азии". С помощью этой же программы общественная организация "Ак Терек" содействовала созданию двух НПО местных охотников в Кеминском районе Чуйской области и в Аксууском районе Иссык-Кульской области. Еще раньше, в 2010 году та же региональная программа начала оказывать помощь Кыргызской Республике в разработке нового закона "Об охоте и управлении охотничьим хозяйством", который был принят парламентом в 2014 году и с тех пор обеспечивает надлежащие рамки управления популяциями диких животных для коммерческих охотпользователей, а также для НПО, созданных местными сообществами.

В 2014 г. Программа по сохранению снежного барса международной НПО "Пантера" и ее местные партнеры начали привлекать к работе в Алайской долине местных охотников (Алайский и Чон-Алайский районы Ошской области). Опыт Таджикистана послужил примером для вовлечения местных сообществ в охрану диких животных в Кыргызстане. Представители созданной местным сообществом НПО из Мургабского района ГБАО, Таджикистан, которая частично была основана этническими кыргызами, оказали содействие в создании аналогичных местных НПО в Алайской долине в Кыргызстане, недалеко от границы с Таджикистаном. Привлечение людей из Таджикистана, имеющих схожее этническое происхождение, схожий опыт и интерес к управлению охотничьими ресурсами, которые в то время успешно защищали и восстанавливали дикую природу, мотивировало местных жителей в Кыргызстане.

После того, как в 2011 и 2014 годах были созданы первые местные НПО, возникла НПО национального уровня "Фонд Илбирс". Она сыграла важную роль в поддержке институционального развития этих НПО и общего тиражирования подходов, основанных на участии местных сообществ. Появилось несколько местных инициатив неформальных

охотников и других заинтересованных членов сообщества, некоторые из которых привели к созданию новых местных НПО. К 2021 году насчитывалось девять общественных некоммерческих организаций по охране диких животных (Таблица 6). Совсем недавно в рамках программы ЮНЕП “Исчезающие сокровища” в Токтогульском районе Джалал-Абадской области появилась еще одна инициированная местным сообществом НПО “Джашыл Орун”. В то же время, одна из местных неправительственных организаций исчезла, поскольку интересовавшая ее территория была объявлена ООПТ.

Таблица 6: НПО, созданные местными сообществами для управления популяциями диких животных, размер управляемых ими территорий и типы соглашения.

НПО	Регион	Территория	Договор
Шумкар-Тор	Чон-Кемин, Чу	20 000 га	Временное соглашение
Чункур-Тор	Ак-Суу, Ысык-Кель	87 000 га	Временное соглашение
Байбоосум	Ысык-Кель	14 000 га	Временное соглашение
Ак-Булун Эко	Район Тон, Ысык-Кель	150 га	Временное соглашение
Ала-Тоо Бугу	Заказник Чон-Жаргылчак; Ысык-Кель	24 000 га	Временное соглашение
Сук	Кочкор, Нарын	48 666 га	Временное соглашение
Кара-Кучур	Кара-Кучур и Кочкор, Нарын	213 382 га	Охотничье хозяйство
Джанайдар	Алайская долина, Ош	157 256 га	Охотничье хозяйство
Бек-Тосот	Алайская долина, Ош	180 807 га	Охотничье хозяйство
Джашил Орун	Токтогул, Джелалабад	250 000 га	Временное соглашение
Общее		995 261 га	

Соответствующие изменения в законодательстве Кыргызстана

Ключевым элементом нового закона "Об охоте и охотничьем хозяйстве" от 2014 года является территориальный принцип организации охоты. Это означает, что охота разрешена только на территориях, закрепленных за юридическим лицом. Это лицо наделено правами и ответственностью в отношении всех аспектов управления охотничьим хозяйством на данной территории. Распределение охотугодий между юридическими лицами осуществляется на основе конкурса, который проводится каждые несколько лет в каждом регионе. Территории охотничьих хозяйств определяются специальным подразделением

Министерства природных ресурсов, экологии и технического контроля (ранее находилось в структуре Государственного агентства лесного хозяйства и охраны окружающей среды).

До 2015 года предоставлявшиеся охотничьи хозяйства часто были слишком малы для рационального управления, и в результате охотничьи компании получали квоты, которые были слишком малы для того, чтобы стать экономически выгодными. Кроме того, фрагментация подходящих территорий создавала трудности для эффективной охраны от браконьерства и контроля границ во время проведения охот. Для решения этих проблем в последние годы размеры вновь выделяемых охотничьих хозяйств были увеличены, и в настоящее время обычно составляют несколько сотен тысяч гектаров даже в тех ландшафтах, где есть многочисленное местное население и естественно выделяющиеся потенциальные участки, пригодные для управления популяциями диких животных. Однако эти охотничьи хозяйства используются многими деревнями для выпаса скота и других видов землепользования, что затрудняет местным общественным организациям успешную подачу заявок на такие охотничьи хозяйства и организацию инклюзивного управления ими.

Рисунок 24: Семинар в местном сообществе Талды-Суу, Алайская долина, Ошская область. Фото: Ш. Михель

Позитивные результаты и проблемы

На период до проведения публичного тендера по выделению охотничьих хозяйств соответствующее государственное учреждение (бывший департамент биоразнообразия Государственного агентства лесного хозяйства и охраны окружающей среды, в настоящее время подразделение Министерства природных ресурсов, экологии и технического контроля) заключило временные соглашения с общественными организациями об их

участи в охране диких животных на добровольной основе. Хотя эти временные соглашения не допускают какой-либо добычи диких животных, они предоставляют право предотвращать незаконную охоту со стороны посторонних лиц, водить туристов и осуществлять мониторинг популяций диких животных. Эти мероприятия НПО уже дали положительные результаты.

Например, считалось, что архар локально исчез на территории, предоставленной НПО "Джанайдар", поскольку ни прямые наблюдения, ни фотоловушки не подтверждали его присутствия. Начиная с 2014/2015 гг., егеря периодически стали встречать следы, приписываемые архарам. В августе 2021 г. местные жители наблюдали стадо из 34 архаров, а затем, в сентябре, еще четырех архаров на летних пастбищах на северном склоне Заалайского хребта. Аналогичный результат был достигнут и в отношении сибирского горного козла: в ходе учетов в 2015 г. было обнаружено всего 33 особи, тогда как к 2021 г. их число выросло до 378. На соседней территории Бек-Тосот в Алайской долине, также охраняемой с 2015 года, учеты сибирского горного козла показали увеличение численности со 111 особей в 2015 г. до 504 в 2021 г.

Количество косуль, учтенных на территории, охраняемой НПО "Шумкар-Тор" в Чон-Кемине, увеличилось с 33 в 2013 г. до более 250 в 2020 г. Марал на этой территории отсутствовал в 2011 г., но вследствие естественной реколонизации, несколько лет спустя его численность здесь достигла примерно 50 особей. После многолетнего отсутствия маралы возвратились и на территорию Ак-Суу (район Ысык-Кель), управляемую НПО "Чункур-Тор" – это произошло после установления контроля со стороны традиционных охотников из местного населения. Во время встречи в 2013 году член этой НПО, отвечая на вопрос о причинах возвращения маралов, объяснил, что «просто мы сами же и занимались браконьерством на маралов, а теперь мы их охраняем».

В охотхозяйстве Кара-Кучур охрана местной НПО традиционных охотников установлена в 2020 г., и всего год спустя здесь, впервые после длительного отсутствия, обнаружено 20 сибирских горных козлов – и это несмотря на интенсивное использование территории для выпаса скота. Эти наблюдения дают основания надеяться, что НПО добьются успеха в сохранении архаров в этих хозяйствах.

Хотя большинство вышеупомянутых НПО, созданных местным населением, по-прежнему действуют на основе временных соглашений с соответствующими государственными органами, трем из них в последние годы уже были выделены охотничьи хозяйства. Два хозяйства в Алайской долине в 2020 г. были переданы организациям "Джанайдар" и "Бек-Тосот". В 2021 году охотничье хозяйство получила НПО "Кара-Кучур", созданная в 2020 г. при содействии Фонда Илбирс с финансовой поддержкой германского Союза охраны природы и биоразнообразия (НАБУ). Однако охоты пока не проводились из-за мораториев на охоту, введенных по решению правительства, а также потому, что официальное закрепление охотугодий еще только ожидается или произошло совсем недавно, а для восстановления популяций необходимо время. Природоохранная деятельность, в том числе, борьба с браконьерством, в настоящее время финансируется местными и международными НПО и за счет ограниченных доходов от туризма (Michel & Rosen, 2024). Мораторий в Ошской области закончился в 2023 году, так что две НПО, действующие в Алайской долине, уже могут организовать первые охоты. В Нарынской области мораторий действует с 2023 по 2025 год. Однако, он не мешает планам НПО "Кара-Куджур", поскольку

прежде чем говорить об охотах, нужно время для восстановления популяций диких животных на полученной этой организацией территории.

Рисунок 25: Учет диких животных на территории охотничьего хозяйства, управляемого с участием местного сообщества. Фото: Кубанычбеков

НПО "Шумкар-Тор" первоначально планировала внедрить подход управления популяциями диких животных, основанный на участии местного сообщества (CBWM), для добывания диких животных. Однако эта организация добилась особого успеха в развитии туризма, основанного на наблюдении за дикими животными. Их территорию посещают сотни местных и иностранных туристов, что заставляет эту неправительственную организацию задуматься о том, стоит ли вообще начинать охоту. Хотя большинство местных НПО надеются получить права на организацию охот, три из них – "Ак-Булун Эко", "Байбусун" и "Ала-Тоо Бугу" – работают с ООПТ, где охота не разрешена и не планируется. В этих случаях природоохранный туризм, не связанный с добычей животных, является основным фактором вовлечения местного населения. Однако такие туристские инициативы могут быть экономически выгодными только в достаточно популярных районах. В большинстве мест количество туристов и получаемые доходы невелики по сравнению с потенциальными доходами от охотничьего туризма и других источников дохода. Общественные организации, занимающиеся природным туризмом, не обязательно получают наибольшую выгоду от денег, потраченных посетителями, и связь между доходами от туризма и охраной диких животных может отсутствовать, особенно если наблюдение за дикими животными не является главной достопримечательностью региона.

Ряд примеров показывает, что общий подход, впервые опробованный в Таджикистане, может быть успешно воспроизведен и адаптирован к условиям Кыргызстана, с учетом различий и общих черт этих стран. В Кыргызстане местным населением было создано несколько НПО, которые продемонстрировали впечатляющую приверженность делу

сохранения диких животных и предотвращения браконьерства на протяжении многих лет, даже без перспектив проведения реальных охот в краткосрочной перспективе. Их устойчивой мотивации способствовали чувство сопричастности, поддержка и признание со стороны национальной неправительственной организации Илбирс и ее международных партнеров, определенный доход от туризма и перспектива организации охот в будущем. Некоторые местные НПО не были заинтересованы в охоте, но организовали в районах, привлекательных для туристов, экотуристический бизнес, основанный на участии местного населения.

3.4.5 Казахстан

Подходы, основанные на участии местных сообществ в управлении популяциями диких животных и их сохранении, были опробованы в Казахстане в меньшей степени, чем в Таджикистане и Кыргызстане, несмотря на наличие соответствующих диких животных, обширные территории с низкой плотностью населения и тот факт, что охота является частью национальных традиций и фольклора. В данном разделе представлен обзор первых попыток внедрения такого подхода. Поскольку его применение все еще находится на начальной стадии, мы рассматриваем эти первые шаги, достигнутый к настоящему времени прогресс и перспективы.

Управление популяциями диких животных, организованное НПО не с целью охоты

НПО национального уровня – Казахстанская ассоциация сохранения биоразнообразия (АСБК) – опробовала подход, заключающийся в том, чтобы арендовать охотничьи хозяйства для управления ими как охраняемыми природными территориями. В 2009 году за АСБК были закреплены два охотничьих хозяйства («Сага» и «Алтыбай») площадью 3400 км², и с тех пор она управляет ими как частным заповедником без проведения охот. Основной целью создания этих охраняемых природных территорий под управлением НПО было сохранение диких животных и степных ландшафтов, представляющих природоохранную ценность, с особым упором на защиту сайгака от браконьерства в критически важных местообитаниях. В настоящее время для всей этой территории используется бренд “Экологический парк Алты-Сай”. Это должно повысить ее привлекательность для использования, не предполагающего добывания животных – например для туризма (Рисунок 26).

Согласно казахстанскому законодательству, юридическое лицо, управляющее охотничьим хозяйством, несет ответственность за предотвращение в нем браконьерства, даже если охота там не проводится. Учитывая, что территории большие и сложные для контроля, это может оказаться серьезной проблемой. АСБК выявила несколько случаев браконьерства и сообщила о них. За этим последовало привлечение ее к ответственности, что привело к

длительной и сложной юридической процедуре. Эта ситуация создала прецедент, существенно сдерживающий другие организации от масштабирования этого подхода.

Рисунок 26: Инспекторы экологического парка «Алты-Сай». Фото: А. Тимошенко

Несмотря на эти трудности, АСБК удалось увеличить количество диких животных и развить природный туризм на своей территории. Из-за удаленного расположения территории ее посещение обычно организуется в рамках большего тура по степям Центрального Казахстана, который проходит, в том числе, через “Экологический парк Алты-Сай”. В одной из соседних деревень местные жители предоставляют туристам жилье и питание, а также помогают с сопутствующей логистикой. Местные жители также пользуются возможностями трудоустройства в качестве егерей охотхозяйства. Однако, поскольку получаемый организацией доход невелик, сравнительно с затратами на охрану животных, охотничье хозяйство зависит от финансовой поддержки международных НПО и других партнеров АСБК.

Управление популяциями диких животных силами НПО, созданной на основе местного сообщества

Другой пример из Казахстана также связан с сайгаком. Ситуация с устьуртской популяцией сайгака, самой малочисленной в Казахстане, вызывала особую тревогу в 2015 году (см. раздел 2.2.1). Небольшое число незаконных охотников из нескольких деревень, по-видимому, создавали значительный пресс браконьерства, притом получая от этой незаконной и опасной деятельности только скромный доход (Kühl, 2008). Это дало Союзу

охраны природы и биоразнообразия (НАБУ, Германия) повод задуматься о применении здесь для охраны сайгака того опыта создания НПО местного населения, который был получен в Кыргызстане и Таджикистане. Хотя местные жители не решались на разговоры о сайгаке и браконьерстве, среди них преобладало мнение, что сайгак – это исключительная ответственность государства и государственной службы охраны диких животных "Охотзоопром". Тем не менее, некоторые люди проявили интерес к участию в этом деле. Несколько посещений этого района и привлечение опытного фасилитатора, работавшего с природоохранными НПО местных сообществ в Кыргызстане, привели к созданию в 2017 году первой неправительственной организации на западе ареала устьюртской популяции сайгака. Но глава районной администрации (аким) был против этого нововведения и пытался убедить местных жителей закрыть НПО. Также безуспешной оказалась заявка этой НПО, поданная в 2018 г., на получение в управление двух охотничьих хозяйств в центре ареала устьюртской популяции сайгака. Только несколько лет спустя, после смены акима района, руководитель местной НПО вновь обрел уверенность и возобновил привлечение односельчан к своей деятельности.

В качестве следующего шага, НАБУ при поддержке Программы консультативной помощи по охране окружающей среды Федерального министерства окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты потребителей Германии в 2019 году содействовало созданию местными жителями двух общественных организаций в восточной части устьюртского ареала сайгака. В 2020 г. местные НПО создали ассоциацию "Табиги Орта". Эти НПО и их ассоциация впоследствии получали поддержку для приобретения оборудования и покрытия текущих расходов. Другие местные инициативы могут присоединиться к этой ассоциации. Она начала успешное сотрудничество с различными заинтересованными сторонами, включая природоохранную полицию, и организовала совместную добровольную инспекцию. Члены НПО, входящих в "Табиги Орта", и ее добровольная инспекция внесли свой вклад в защиту сайгака от браконьерства, проводя патрулирование и оказывая влияние на других сельчан (Рисунок 27). В 2022 г.

компания "Табиги Орта" подала заявку на закрепление охотничьих хозяйств в устьюртском ареале сайгака и добилась успеха. В результате, сейчас организация управляет

Рисунок 27: Совместное патрулирование Устьюрта природоохранной полицией, областной территориальной инспекцией и НПО "Баян-Шаган". Фото: Ш. Михель

Охотники и организаторы охоты, ориентированные на сохранение природы, уже проявили интерес к охоте на сайгака в этом районе, если это станет возможным в будущем. Поскольку устьюртская популяция сайгака является самой малочисленной в Казахстане, квоты на добычу сайгака здесь, вероятно, будут небольшими, если охоту разрешат в близком будущем. Тем не менее, даже охотничий туризм, основанный на этих ограниченных квотах (например, начиная примерно с 10 самцов в год), вероятно, может приносить достаточный доход, чтобы повысить мотивацию местного населения к сохранению сайгака и приносить пользу обществу.

В заключение стоит отметить, что эти первые опыты в Казахстане показывают потенциал применения подходов, основанных на участии местного населения, для управления популяциями и охраны даже очень мобильных видов диких животных, использующих для своего обитания большие территории – таких как сайгак. Успешно начаты пилотные проекты по управлению охотничьими угодьями силами НПО. Правовая база, по-видимому, позволяет применить этот подход также в других регионах и для других видов охотничьих животных.

4. Применимость управления популяциями, основанного на участии местных сообществ, для целевых видов диких животных

Жизнь коренных народов Центральной Азии исторически была связана с дикими животными и с регулированием их популяций. Однако в течение последних двух столетий роль местного населения и традиционных подходов в управлении популяциями диких животных стала незначительной. В советский период для рационального использования и охраны диких животных были созданы государственное законодательство и институциональные структуры, которые способствовали централизованному принятию решений без существенного участия местных сообществ. Эти подходы и по сей день служат основой для сохранения диких животных и управления их популяциями в государствах Центральной Азии. В настоящее время рассматриваются модели с более широким привлечением местного населения, которые уже применяются в некоторых странах. В главе 3 мы обсудили юридические препятствия для участия местных сообществ в рациональном использовании охотничьих ресурсов, с изъятием животных или без него, и возможные решения. Теперь же опишем практические соображения по усилению вовлечения местного населения в эту деятельность применительно к каждому из целевых видов Центральной Азии.

4.1. Сайгак

В последнее время возникли проблемы в отношениях между людьми и сайгаками в ареалах крупнейших популяций сайгака в Казахстане. Особенно это касается Уральской популяции, размер которой достиг исторического максимума за все время, с тех пор как были начаты регулярные учеты в 1950-х гг. (см. раздел 2.2.1). Люди, живущие рядом с сайгаками, жалуются, что большие стада сайгаков портят пастбища и сенокосы. Недовольство, широко высказываемое в социальных сетях, побудило государство к открытому обсуждению перспектив регулирования численности сайгаков (Тенгри Ньюс, 2022; Информбюро, 2022) и, в итоге, осенью 2023 года было принято решение об их отстреле.

На сегодняшний день сайгак по-прежнему охраняется государственными инспекторами, но так и нет надлежащей системы управления его популяциями, которая решала бы проблемы, связанные с ростом численности, включая устойчивое использование этого вида, получение от него выгод и смягчение конфликта с человеком. Управление мигрирующими видами, пути миграции и места обитания которых непостоянны, такими как сайгак, является сложной задачей (Таблица 4). Чтобы помочь развитию системы управления популяциями сайгака, под эгидой КМВ разработано несколько методических пособий, где рассматриваются и способы вовлечения местного населения в это управление (Milner-Gulland et al., 2020; CMS, 2023).

Если не принять меры для смягчения конфликта между людьми и сайгаками, он, вероятно, будет обостряться, поскольку численность сайгака продолжает быстро расти. За исключением участия в открытых встречах для обсуждения данной темы, местное население формально не участвовало в принятии каких-либо управленческих решений. Развивающийся в нескольких местах туризм, ориентированный на наблюдение за

сайгаками, принес местным сообществам лишь незначительные выгоды. Поэтому соображения о привлечении местного населения к управлению популяцией сайгака являются очень своевременными. Предоставление местным землепользователям возможности влиять на управленческие решения может помочь им развить чувство собственности по отношению к этим животным и извлечь выгоду из их присутствия. Это поддержало бы позитивное отношение к сайгаку и к тем, кто занимается его охраной, и сгладило бы конфликты. Исходя из этого, мы анализируем здесь несколько вариантов вовлечения местного населения в рациональное использование сайгака, как предполагающих добывание животных, так и без него. Решение о таком вовлечении, вероятно, потребует предварительного сбора данных о текущей ситуации, чтобы понять потенциал и риски, а также оценить природоохранное воздействие каждого варианта. Проводя пробное внедрение выбранных подходов, следует отслеживать их эффективность и при необходимости корректировать.

4.1.1. Использование без изъятия животных

Туристские продукты, такие как наблюдение за сайгаками или фотографирование их, характеризуются как использование сайгаков, не связанное с их изъятием. В этом разделе представлен обзор подобных туристских предложений в странах ареала сайгака и обсуждается целесообразность развития «сайгак-ориентированного» туризма с привлечением местного населения.

Хотя не все считают сайгака красивым животным, своеобразный внешний вид и большие стада в широких, открытых степных ландшафтах делают его привлекательным объектом для туризма, как внутреннего казахстанского, так и въездного. Это тем более так, потому что многие люди, даже живущие в странах ареала этой антилопы, живого сайгака никогда не видели. Тот факт, что сайгака нельзя увидеть ни в одном зоопарке, за исключением нескольких животных в Алматинском зоопарке, повышает мотивацию увидеть их в дикой природе – ведь другого способа увидеть этих животных у большинства людей нет.

Однако при организации туризма, связанного с сайгаками, возникают некоторые проблемы. Прежде всего, сайгаки встречаются в очень отдаленных местах, обычно требующих длительных поездок на автомобиле. Это потенциально является серьезным препятствием, поскольку много времени тратится на переезды, а не на наблюдение за дикими животными. Практически невозможно привезти к местам обитания сайгаков большую группу людей, поскольку дорожные условия не позволяют использовать обычные транспортные средства, такие как автобусы. Во-вторых, в этих местах обычно отсутствует инфраструктура туризма. Проживание возможно только в довольно неудобных условиях, в кемпинге в степи или иногда в домах местных жителей. В большинстве случаев на базу, расположенную вблизи мест обитания сайгака, необходимо доставлять значительное количество снаряжения, воды и продовольствия что делает организацию таких поездок дорогостоящей. Таким образом, экономическая жизнеспособность может быть достигнута только за счет повышения цен, что, в свою очередь, снижает привлекательность туристских поездок к сайгакам.

Необходимо детальное предварительное исследование, чтобы выявить подходящие места для развития «сайгачьего» туризма. Затем, даже в самых перспективных местах могут потребоваться значительные инвестиции в инфраструктуру для развития туристских предложений и привлечения посетителей. Еще одной проблемой является миграционное

поведение сайгаков, из-за которого трудно предсказать, когда животные окажутся в какой-то определенной части своего ареала. Часто необходимо определить место проведения тура заранее, но нельзя гарантировать, что к моменту прибытия на место там будут сайгаки. Например, для значительной части Бетпақдалинской популяции это, вероятно, будет проблемой. И, наконец, главная проблема – добиться, чтобы местные жители в ареале сайгака действительно получали достаточные экономические выгоды от «сайгачьего» туризма, что создало бы стимул для поддержки и применения подходов, опирающихся на участие местных сообществ (CBWM; см. раздел 3.4.2).

Несмотря на эти практические трудности, ориентированный на сайгаков туризм возможен и уже опробован на различных уровнях, хотя участие местного населения в этих существующих предложениях ограничивается продажей туристам дополнительных услуг. Казахская ассоциация сохранения биоразнообразия (АСБК) регулярно проводит туры по наблюдению за дикими животными на ООПТ в окрестностях столицы Казахстана, Астаны, где можно наблюдать и сайгаков, хотя главной целью большинства таких туров является наблюдение за птицами. Основное внимание уделяется сайгаку во время степного тура, который занимает несколько дней путешествия по Центральному Казахстану. Участники тура видят красоту естественных степей и их дикую природу, и у них есть шанс увидеть скопление сайгаков во время окота со множеством животных в окрестностях этого скопления (требуется разрешение природоохранного органа). Большинство туристов отметили, что сайгак был главной достопримечательностью их тура. Однако АСБК столкнулась с трудностями в наборе достаточного количества участников для такого рода туров, вероятно, из-за относительно длительного времени, затрачиваемого на дорогу, и более высокой цены тура.

Заказник “Степной” в Астраханской области России уже несколько лет предлагает туры и школьные экскурсии, в ходе которых можно посетить скрадок, устроенный на одном из двух имеющихся в заказнике артезианских разливов. Это хорошая возможность понаблюдать за сайгаками и другими животными, посещающими водоемы. К тому же на территории есть небольшой гостевой дом. Заповедник “Черные земли” в России предлагает однодневные экскурсии, а также посещения с ночевкой в юртах или вагончиках. Наблюдательные пункты позволяют хорошо рассмотреть сайгаков. В последние годы заповедник посещает все больше туристов (Заповедник «Черные земли», 2022).

Эти примеры показывают, что для того, чтобы наблюдение за сайгаками стало более привлекательным для туристов, необходимы тщательное планирование и инвестиции в туристскую инфраструктуру. Осуществимость «сайгачьего» туризма различна для разных популяций сайгака, так как в зависимости от популяции для преодоления вышеупомянутых сложностей требуется разный уровень усилий. Например, если популяция сайгака обитает ближе к автомобильным или железным дорогам, к ней легче добраться и, следовательно, она удобнее для туризма.

Популяция Северо-Западного Прикаспия в России предоставляет довольно хорошие условия для туризма, поскольку до нее сравнительно легко добраться, и здесь уже существует некоторая туристская инфраструктура, по крайней мере, на ООПТ. Растущая популяция сайгаков делает этот район привлекательным для посещения, так как здесь больше шансов понаблюдать за множеством животных.

Ни одно из существующих туристских предложений, описанных выше, не организовано местными сообществами. Общие проблемы организации туризма, основанного на участии

местного населения, связанные с действующим законодательством, описаны в разделе 3.4.2. Местное население в настоящее время мало что выигрывает от растущего интереса к сайгаку, за исключением того, что предоставляет туристам жилье или другие сопутствующие услуги и товары. Ниже мы приводим общую оценку потенциала популяций сайгака в Казахстане, Монголии и Узбекистане для развития туризма, основанного на местных сообществах. Если есть заинтересованность в развитии этих идей, необходимо провести углубленное предварительное исследование, в том числе оценить юридические препятствия и возможные решения, заинтересованность местного населения, объем технической поддержки для развития местного бизнеса и размер необходимых инвестиций в развитие инфраструктуры, услуг и маркетинга.

Из трех популяций сайгака в Казахстане наилучшие условия для развития туризма, основанного на участии местных сообществ, имеет уральская. Крупнейшие стада сайгаков находятся относительно близко к аэропорту и железнодорожной станции (город Уральск), большая часть пути до них проходит по довольно хорошим дорогам. Кроме того, уральская популяция имеет большую численность и ограничена четко определенной территорией, что облегчает планирование наблюдений за сайгаками. Туристская инфраструктура в настоящее время отсутствует, но ее будущее развитие может быть рассмотрено в контексте недавно созданного в Западно-Казахстанской области государственного природного резервата «Бокейорда». У резервата есть потенциал, чтобы привлечь больше людей для посещения этой территории. И здесь снова важно вовлечь местное население в развитие этих туристских возможностей, и дать людям возможность извлечь выгоду из туристского бизнеса, тем самым помогая смягчить конфликт между человеком и сайгаком, связанный с конкуренцией за пастбища и набегами сайгаков на посевы (см. раздел 2.2.1).

В пределах бетпақдалинской популяции для наблюдения за сайгаками более подходит тенизская группировка, обитающая в Акмолинской и Карагандинской областях недалеко от столицы, г. Астана. Эту группировку довольно легко посетить, и она достаточно многочисленна, чтобы планировать наблюдения за сайгаками. В Коргалжынском заповеднике есть некоторая туристская инфраструктура, которой управляют местные жители, но она больше ориентирована на туристов, приезжающих из Астаны для наблюдения за птицами в заповеднике и его окрестностях. Основные места обитания сайгака расположены дальше, поэтому для разработки туристских предложений, связанных с наблюдением за сайгаками, требуются дополнительные инвестиции. Торгайская группировка сайгака на западе бетпақдалинского ареала намного крупнее и обитает в более красивых ландшафтах, но она труднодоступна, и территория ее обитания почти совсем лишена какой-либо туристской инфраструктуры. Но все же было бы неплохо оценить заинтересованность местных жителей, инициировать исследование экономической осуществимости и провести совместное планирование туристских предложений, что может обеспечить дополнительные источники дохода для местных жителей, но также потребует определенных усилий и финансов.

Устюртская популяция сайгака в Казахстане в настоящее время имеет ограниченный потенциал для туристского использования, поскольку она обитает в очень отдаленных местах, и все еще довольно мала по размеру, хотя благодаря продолжающемуся восстановлению и здесь можно в настоящее время снова наблюдать стада сайгака численностью более 10 тыс. особей. При этом ландшафты Устюрта, вероятно, являются самыми выдающимися во всем ареале сайгака и, следовательно, потенциально могут привлечь посетителей в этот район. Однако, суровые погодные и дорожные условия в

сочетании с отсутствием туристской инфраструктуры создают серьезные проблемы. Поскольку местные жители живут довольно далеко от сайгаков, развитие туристской инфраструктуры, основанной на участии местных сообществ, и соответствующих предложений для этой популяции, в настоящее время представляется довольно сложным. Ситуацию могут улучшить развитие системы охраны сайгака, опирающейся на участие местного населения, и передача охотничьих хозяйств местной ассоциации (см. раздел 3.4.5). Это может привести к созданию некоторой базовой инфраструктуры для туризма, наращиванию потенциала и может позволить непосредственно вовлекать местное население в туристскую деятельность.

В Монголии не существует специальных туристских предложений, связанных с сайгаками, хотя в стране широко распространен природный туризм, в котором также участвуют местные жители. Популяция сайгака здесь все еще слишком мала, чтобы быть привлекательным объектом для туризма, и она обитает довольно далеко от столицы, так что для иностранных гостей требуется путешествие внутри страны. Однако, если усилия по сохранению сайгака в итоге приведут к увеличению его численности, возможно, в Монголии также появится больше возможностей для наблюдения за этими животными.

В Узбекистане растут заинтересованность и инвестиции в туризм в Приаралье. Туризм здесь может быть связан с археологическими памятниками, художественной галереей в Нукусе и памятниками советской эпохи, такими как оказавшиеся на суше корабли в Муйнаке. Крупные государственные инвестиции при поддержке природоохранных организаций, таких как Альянс по сохранению сайгака, могли бы создать определенный потенциал для развития туристического бизнеса, основанного на участии местного населения. Однако популяция сайгака в регионе очень малочисленна, и основные места ее обитания (заказник «Сайгачий», остров Возрождения и бывшее морское дно высохшего Арала) находятся в отдаленных местах, вблизи государственной границы, что затрудняет посещение их туристами.

В настоящее время существует несколько туристских предложений с возможностью увидеть сайгаков, но при незначительном участии местного населения. Относительно высокие затраты на поездки к местам обитания сайгака и отсутствие туристской инфраструктуры являются существенными препятствиями для развития «сайгачьего» туризма. Уральская и восточная часть Бетпақдалинской популяции сайгаков, а также популяция Северо-Западного Прикаспия, больше других подходят для привлечения туристов из-за предсказуемости встреч с животными, размера популяций и доступности для людей. Однако для продвижения туризма, связанного с сайгаками, необходимы дополнительные исследования, касающиеся целесообразности развития туризма, способов вовлечения местного населения, а также инвестиций в туристскую инфраструктуру, наращивания потенциала местных предприятий и маркетинга.

4.1.2 Использование с изъятием животных

Добывание сайгака в настоящее время возможно только в Казахстане, где этот вид не занесен в Красную Книгу, а его текущая численность позволяет осуществлять устойчивое использование на благо местного населения и охраны природы в соответствии с принципами, перечисленными в разделе 3.1. Поэтому мы исследуем варианты управления популяциями, основанного на участии местных сообществ (CBWM) и включающего добывание сайгака, именно в этой стране. Извлеченные уроки могут быть впоследствии использованы в других странах ареала, если понадобится.

Сайгак и коренное население Казахстана веками жили рядом друг с другом, причем этот вид представлял не только духовную и культурную ценность (см. раздел 1.1.1), но и источник средств к существованию. Сайгак, с его естественно высоким уровнем воспроизводства, обладает большим потенциалом для добывания, но в то же время в историческом прошлом неумеренная охота и браконьерство уже приводили его популяции к коллапсу, в результате чего в начале XX и в начале XXI веков сайгак оказывался на грани исчезновения (см. разделы 1.1.2 и 1.1.3).

Сайгак занесен в Приложение II КМВ, что позволяет рассматривать его устойчивое использование, при этом международная торговля сайгаком регулируется конвенцией СИТЕС. Действующий в рамках КМВ Меморандум о взаимопонимании относительно сохранения антилопы сайги — это единственное международное соглашение, посвященное исключительно сохранению сайгака и управлению его ресурсами. Среднесрочная международная рабочая программа (СМРП) в рамках Меморандума о взаимопонимании предусматривает долгосрочную перспективу «восстановить популяции сайгака до такой степени, чтобы можно было снова рассчитывать на устойчивое использование». В методических материалах, подготовленных КМВ, таких как отчет «Устойчивое использование антилопы сайги: обзор и перспективы» (Milner-Gulland et al., 2020), оценивается целесообразность использования сайгака без изъятия, но также рассматривается и вариант с изъятием. Авторы заключают, что уже на тот момент изъятие сайгака вполне возможно — главным образом, в крупнейших популяциях, уральской и бетпақдалинской. Стратегия сохранения сайгака и управления его популяциями в Казахстане, принятая в 2023 году (CMS, 2023), предусматривает шаги по обеспечению устойчивого использования сайгака в Казахстане. Важно отметить, что оба документа описывают предварительные условия, которые необходимо выполнить для обеспечения устойчивого использования. В частности, Стратегия, разработанная в Казахстане заинтересованными сторонами и международными экспертами, содержит согласованные на национальном уровне меры по вовлечению местного населения в управление популяцией сайгака, что позволило бы внедрить подходы, основанные на участии местных сообществ (CBWM).

Переход от чистого сохранения вида к его добыванию, вероятно, связан с трудностями в коммуникации с широкой общественностью. До сих пор сайгака изображали как исчезающий вид, нуждающийся в защите, и такое представление по-прежнему широко распространено в Казахстане и за его пределами. Исторически сайгак ценился местными жителями как источник пропитания, хотя также имел и до сих пор имеет символическую и культурную ценность. Недавний сдвиг в сторону рассмотрения сайгака как вида, требующего регулирования численности — подобного волку или шакалу — вызвал протесты

среди широкой общественности (ТенгриНьюс, 2022; Информбюро, 2022). Отстрел с целью контроля численности может повлиять на общую репутацию сайгака и его восприятие местным населением. Это также противоречит традиционно позитивному образу этого вида. Следовательно, необходим тщательный подход к началу добывания, подчеркивающий ценность и важность сайгака. Разрабатывая информационные материалы, следует учитывать историческое значение сайгака.

Как описано в разделе 3.1, посвященном теории управления популяциями диких животных, вовлечение местного населения может принести долговременную природоохранную пользу. Учитывая существующий конфликт между человеком и сайгаком, описанный в разделе 2.2.1, вовлечение местного населения в управление популяциями сайгака должно немедленно привести к достижению двух результатов: местные сообщества ощутят себя хозяевами сайгака, и для них появятся ощутимые выгоды, которые перевесят как издержки от сосуществования с этим видом (как реальные, так и предполагаемые), так и затраты на его защиту от браконьеров. Эти немедленные результаты нужны для достижения целей сохранения, приумножения, а там, где уже произошло ухудшение – восстановления позитивного отношения местного населения к сайгаку и готовности сосуществовать с ним, принимая как неизбежное его влияние на землепользование и активно поддерживая применение природоохранного законодательства.

Развитие чувства хозяина необходимо, поскольку местные жители, привыкнув еще с советских времен, продолжают считать, что только государственные организации являются владельцами сайгаков и отвечают за их охрану (историческую справку смотрите также в разделе 1.1.3). Прежде всего, полномочия по управлению группировками сайгака в определенных охотничьих хозяйствах должны быть переданы структурам, укорененным в местных сообществах. В контексте Центральной Азии это могут быть местные НПО или коммерческие организации (подробное описание этого подхода приведено в разделе 3.4.2). Кроме того, признание собственной ответственности и полномочий местного населения важно для того, чтобы оно начало проявлять активность в защите сайгака и обеспечивать устойчивость его добывания.

Сопричастность трудно сформировать и поддерживать, если не ожидается, хотя бы в перспективе, материальных выгод. При этом необходимо установить справедливое распределение выгод, однако само по себе такое распределение без права собственности и вытекающих из него прочих прав и обязанностей чревато тем, что у получателей выгод сформируется безразличное отношение, не подразумевающее ответственности. Эти соображения отражают принципы устойчивого управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ, как они описаны в разделе 3.1 и в примерах, представленных в разделе 3.3.

Особенно показательны ситуации, описанные в разделе 3.3.1 по острорылому крокодилу и в разделе 3.3.3 по викунье, так как в них высвечивается важность материальных выгод в качестве стимулов для сохранения природы, а также роль активного участия местного населения в управлении популяциями целевых видов.

Итак, вовлечение местных сообществ в систему устойчивого использования сайгака должно включать два элемента:

- 1) местные сообщества участвуют в управлении популяциями сайгака, и это должно формировать у них чувство хозяина;
- 2) они получают часть выгод от добычи сайгака, либо непосредственно охотясь на него сами, либо получая часть доходов от крупномасштабной коммерческой охоты.

В зависимости от настройки системы устойчивого использования сайгака и, в частности, от того, какие субъекты получают право охоты на сайгака (подробнее о потенциальном использовании сайгака см.: Milner-Gulland et al., 2020), эти два элемента рассматриваются на разных уровнях. Приведенные ниже способы вовлечения местных сообществ выглядят реалистичными, но не все они обеспечивают оба указанных элемента, так что, вероятно, потребуется сочетание нескольких способов.

1. Представительство в общественном совете по управлению

Местное население может быть частью механизма управления популяцией сайгака и участвовать в принятии управленческих решений. Этого можно достичь, создав для каждой популяции сайгака общественный совет по управлению, который будет принимать решения о квотах на охоту, ведению мониторинга и природоохранных мероприятиях, будет пытаться разбираться с такими проблемами, как браконьерство, фрагментация местообитаний, эпизоотии и конфликты между людьми и сайгаками. Также было бы полезным участие таких советов в обсуждении национальной политики, касающейся СИТЕС. Моделью для создания таких управляющих советов может служить пример совместного управления популяциями диких животных в Нунавуте, Канада, где Совет по управлению популяциями диких животных Нунавута принимает управленческие решения в отношении популяции оленей (Milner-Gulland et al., 2020). В состав совета должны входить ученые, представители природоохранных органов и инспекторской службы, представители органа, ответственного за организацию торговли продукцией из сайгака (в настоящее время такого не существует), природоохранных НПО, охотоведы охотхозяйств и представители местного населения. Благодаря тому, что в таких советах будут представлены различные заинтересованные стороны, их решения потенциально могут пользоваться всеобщим уважением в обществе.

С другой стороны, существует риск, что такие советы из-за конфликта интересов и устремлений вовлеченных участников не смогут достигать консенсуса по ключевым вопросам, а решения большинства окажутся неприемлемыми или не лучшими для сохранения сайгака и/или для местных землепользователей. Тем паче, при принятии решений могут не учитываться научные данные. Советам могло бы помочь профессиональное фасилитирование, способствующее тому, чтобы любые их решения способствовали мирному сосуществованию сайгаков с людьми, и учитывали бы все имеющиеся данные. Создание таких управляющих советов не зависит от того, как конкретно устроена система устойчивого использования, и какие организации

ответственны за охотпользование. Их внедрение вполне осуществимо и настоятельно рекомендуется из-за преимуществ, связанных с такими советами: главным образом, это создание чувства хозяина у вовлеченных лиц (особенно местных представителей) и непосредственный учет интересов местных сообществ, что обеспечивает более высокий уровень согласия местных жителей с управленческими решениями.

2. Управление охотничьими хозяйствами (для натуральной охоты и охотничьего туризма)

Местные сообщества в ареале сайгака могли бы получать охотничьи хозяйства, выделенные на определенный период (10 и более лет, в соответствии с действующим законодательством), что позволило бы передавать им ответственность за управление популяциями диких животных на определенных территориях (см. раздел 3.4.2). Это включало бы право на охоту, позволяющее сообществам выкупать разрешения на охоту у государства, а затем использовать их для себя либо продавать охотникам, приезжающим поохотиться на сайгака. Эти охотники могли бы быть как казахстанцами, так и приезжими из-за рубежа. Последнее позволило бы развивать бизнес, связанный с охотничьими турами на сайгака, что, вероятно, принесет местному населению больше доходов, чем просто отстрел сайгака для пропитания. Таким образом, этот вариант может быть привлекательным для некоторых местных сообществ, у которых есть возможность заниматься организацией охоты. С другой стороны, местные жители, ответственные за управление охотничьими хозяйствами, также были бы обязаны проводить работу по борьбе с браконьерством, которая, согласно действующему законодательству Казахстана, требует значительных инвестиций, что существенно ограничивает прибыль, получаемую от охотничьих туров на сайгака. Охотпользователь также может быть привлечен к ответственности, если в его охотничьем хозяйстве имел место случай браконьерства, как мы видели на примере с АСБК в Центральном Казахстане (раздел 3.4.5). Этот вариант может стать более привлекательным для охотпользователей - некоммерческих организаций, если изменения в законодательстве ограничат ответственность управляющей организации за случаи браконьерства в хозяйстве, где приняты надлежащие меры охраны.

Общий подход, позволяющий заинтересованным местным сообществам участвовать в управлении популяцией сайгака, приняв на себя ответственность за управление охотхозяйствами, не требует каких-либо изменений в законодательстве, это возможно уже сейчас. Единственное что требуется – это создать НПО или любое другое местное юридическое лицо, которое может выступать в качестве охотничьей организации и должно иметь право приобретать разрешения на охоту у государственного органа, ответственного за охрану животного мира. Кроме того, стоит присмотреться к опыту общинных природоохранных организаций в Намибии, и воспроизвести те аспекты этой успешной модели, которые могли бы быть применены в контексте Центральной Азии. Например, можно было бы рассмотреть сочетание прав на использование диких животных и землепользование, аренду концессий на охоту и туризм на общинных землях, общее сочетание охотпользования с хорошо развитым туризмом и повышение престижа работы общественным инспектором или егерем (раздел 3.3.2). Если местные сообщества решат

опробовать этот подход, им, скорее всего, потребуются инвестиции и помощь в составлении бизнес-плана и маркетинге.

Желательно разработать бизнес-план еще до того, как будет выделено охотничье хозяйство, чтобы оценить, окажется ли оно экономически рентабельным для местного населения. Например, начало трофейной охоты может стать выгодным источником дохода. Экспорт трофеев спортивной охоты не считается коммерческой торговлей в соответствии с СИТЕС и, таким образом, возможен уже сейчас, нужно только разрешение на экспорт. Ежегодно добывалось бы лишь очень небольшое число самцов сайгака, поскольку рынок для таких охот чрезвычайно ограничен. Даже на ежегодную квоту в несколько десятков голов было бы уже трудно найти покупателей. Такое небольшое число сайгаков можно было бы изымать даже из небольших популяций. В тех популяциях сайгака, где охота пока не допускается, перспектива будущего использования для пользы сообщества может побудить местное население сохранять сайгаков и их местообитания. Пример с острорылым крокодилом в Колумбии демонстрирует, что местные жители, будучи мотивированы перспективами будущего использования вида, приняли эффективные меры по его сохранению, которые привели к восстановлению популяции и местообитаний (раздел 3.3.1).

С этим вариантом вовлечения местного населения связано две проблемы. Во-первых, ареалы даже локальных группировок сайгаков, не говоря уже о целых популяциях, слишком велики, чтобы их можно было включить в одно охотничье хозяйство, управляемое НПО, представляющей одно местное сообщество. Таким группам, созданным местными сообществами, придется объединяться в ассоциацию, за которой можно будет закрепить охотничье хозяйство. В настоящее время этот подход опробован в некоторых частях ареала устюртской популяции. Другой возможностью может стать создание сетей охотпользователей, охватывающих определенные части ареала сайгака, членство в которых было бы обязательным для всех охотпользователей соответствующего региона – подобно ассоциациям по управлению популяциями оленей (Hegegemeinschaften) в Германии.

Вторая проблема заключается в том, что не все местные сообщества в ареале определенной популяции сайгака в равной степени выиграют от управления охотничьими хозяйствами. Только арендаторы тех охотхозяйств, где сайгак встречается осенью, во время охотничьего сезона, действительно смогут охотиться на него. Однако, есть и другие местные сообщества, на чьей территории сайгаки полностью отсутствуют в сезон охоты, но там находятся места окота, где сайгаки собираются в больших количествах, интенсивно конкурируют со скотом и влияют на другие виды землепользования, что приводит к большим издержкам. И наоборот, могут быть территории, где сайгак появляется во время охотничьего сезона, но его влияние на землепользование невелико. Такое неравное пространственное распределение издержек от сосуществования с сайгаками и потенциальных выгод от их использования, может вызвать напряженность между местными сообществами в ареале сайгака. Чтобы избежать этого, необходим эффективный и справедливый механизм распределения выгод. Стоит рассмотреть возможность

создания в ареале каждой популяции сайгака ассоциации или сети местных сообществ с прозрачными внутренними механизмами распределения выгод и издержек.

3. Разрешения на спортивную и натуральную охоту для охотников внутри страны

Чтобы повысить заинтересованность казахстанских охотников в сохранении сайгака, местным охотникам может быть выдано ограниченное количество разрешений на охоту. Коммерческий оборот продукции этой охоты разрешать нельзя. В первую очередь разрешения на охоту для местных охотников могли бы продаваться организациям, отвечающим за охотхозяйства в ареале сайгака. Также, государство могло бы бесплатно раздавать разрешения местным жителям, чтобы позволить местным охотникам добывать сайгака для личных надобностей. Однако такие разрешения, скорее всего, вызовут юридические проблемы и конфликты с охотпользователями, поэтому, вероятно, они должны использоваться не на территориях охотничьих хозяйств, а вне их.

Хотя оба варианта кажутся простым решением, необходимо учитывать две основные проблемы. Законодательство Казахстана в настоящее время не предусматривает предоставления разрешений на охоту местным сообществам, а только охотпользователям, которые могут продать их любому охотнику, желающему ими воспользоваться. Кроме того, должны существовать механизмы контроля, чтобы избежать неправомерного использования этих разрешений. Таких механизмов контроля за пределами охотничьих хозяйств в настоящее время не существует. Решением этих проблем могло бы стать вовлечение охотпользователей. Охотпользователей можно обязать предоставлять сколько-то бесплатных (или дешевых) разрешений определенным местным сообществам, на чьей территории сайгак встречается в сезон охоты. Это легко реализовать в рамках действующего законодательства. Законное использование этих местных разрешений на охоту будет контролироваться егерями охотничьих хозяйств.

4. Субсидируемое мясо для местного населения

Хотя степняки традиционно хорошо знакомы с охотой, возможно, было бы проще и экономически выгоднее позволить профессиональным охотникам отстреливать животных и делиться мясом с местными жителями. Это также было бы предпочтительнее с точки зрения управления популяциями диких животных и благополучия животных. Этот вариант был бы возможен, если бы охота была крупномасштабной, контролировалась государством и организовывалась такой организацией национального уровня, как "Охотзоопром", которая также обеспечивала бы соблюдение охотничьих квот и правил. Чтобы разрешить делиться мясом, не требуется никаких существенных изменений в законодательстве, за исключением нормативных актов, касающихся ветеринарных требований. Люди, живущие в ареале сайгака, вероятно, с готовностью приобретут мясо по себестоимости или даже по субсидированной цене, что позволит им сохранить часть собственного скота, который в противном случае пришлось бы забить. Мясо сайгака в местах его обитания традиционно ценилось. Его доступность по низким ценам потенциально может сформировать позитивное отношение к сохранению сайгака и системе его использования, смягчая конфликты между сайгаком и людьми. Однако, если местные жители сами охотиться не будут, некоторые из них могут оказаться вовлеченными в браконьерство на сайгака, несмотря на налаженное снабжение мясом. Само по себе распределение мяса, добытого в результате промысловой охоты, недостаточно для

формирования у местного населения хозяйского отношения к сайгаку. Этот недостаток чувства хозяина может привести к отсутствию давления и контроля со стороны односельчан, которые обычно ограничивают браконьерство среди членов местных сообществ. Существует риск, что браконьерство со стороны местных жителей может даже усилиться. Этот риск может быть снижен за счет одновременного расширения участия местного населения в управлении популяциями сайгака, как обсуждалось выше. Это позволило бы создать и поддерживать хозяйское отношение. Перед внедрением следует провести тщательный анализ отношения местного населения к этой идее, чтобы иметь возможность оценить вероятность содействия достижению целей охраны сайгака.

5. Распределение доходов от коммерческой добычи сайгака и легальной торговли

В качестве альтернативы или дополнения к поставкам мяса сайгака, местные сообщества могли бы также получать определенный процент прибыли от продаж продукции из сайгака на внутреннем, а в будущем, возможно, и на международном рынке. Это может быть обеспечено путем прямого распределения некоторого процента от общей прибыли между всеми местными сообществами в пределах определенного ареала сайгака, так что они могли бы использовать эти деньги для своего блага. При этом каждое сообщество получало бы долю общей суммы пропорционально своему размеру либо пропорционально учтенной численности сайгака на своих пастбищах или полях. Также, доля, причитающаяся местному населению, может увеличиваться по мере роста численности сайгаков и их воздействия на общественные земли, таким образом вознаграждая фермеров и скотоводов, которые несут основное бремя сосуществования с сайгаком. Если бы местные жители получали такое возмещение за сосуществование с сайгаками, для оценки присутствия животных на территории того или иного сообщества и последующего распределения средств между сообществами могли бы быть использованы данные спутникового слежения за сайгаками и наблюдения природоохранных инспекторов или егерей.

Если будет выбран вариант выплаты компенсаций за воздействие сайгаков на землепользование, потребуется разработка механизма беспристрастной и прозрачной оценки, как это уже сделано для других видов животных в других странах (например, для оценки ущерба, причиненного кабаном в Германии – *Landwirtschaftskammer Rheinland-Pfalz*, 2015). Разработка такой методологии представляется довольно сложной задачей, требует больше времени и связана с некоторым риском возникновения недоверия и конфликтов как между местными сообществами в ареале сайгака, так и между людьми внутри сообществ.

Вместо того, чтобы распределять средства непосредственно местным сообществам, можно собирать долю местного населения в специальный фонд, к которому сообщества из ареала сайгака могли бы обращаться за финансированием для проектов местного развития. Аналогичная модель существует в Намибии, где действует Целевой фонд продукции охоты (*Conservation Namibia*, 2024). Многие элементы этой модели могут быть использованы и в отношении продукции из сайгака. Деньги могут быть распределены между всеми местными сообществами в пределах ареала сайгака, и предоставляемая сообществу сумма должна быть – в среднем за несколько лет – примерно пропорциональна количеству сайгаков на землях, используемых членами сообщества. Это показало бы людям, что чем больше вокруг них сайгаков, тем больше доход, что, вероятно, смягчило бы конфликты,

оказав поддержку сохранению сайгака. Последний механизм представляется предпочтительным, поскольку он создает меньше возможностей для коррупции и злоупотреблений, так как деньги привязаны к определенной цели. Предпочтительно, чтобы право населения на получение выплат из этого фонда также было увязано с отсутствием браконьерства. Эти деньги также могут быть использованы для компенсации ущерба, причиненного сайгаками. В качестве альтернативы, фонды для компенсации ущерба могут действовать отдельно.

6. Сбор рогов

Сбор рогов самцов сайгака, павших по естественным причинам, хотя и не требует отлова или добывания животных, тем не менее рассматривается национальным законодательством как изъятие из природы и запрещен, притом что международная торговля рогами сайгака подпадает под регулирование Конвенции СИТЕС. Эти части животных потенциально могут быть использованы на благо местного населения. У местных жителей, местных НПО, охотпользователей много шансов найти рога сайгаков, умерших своей смертью. Чтобы разрешить легальный сбор рогов, необходимы изменения в законодательстве.

Если бы эти изменения были сделаны, собранные рога должны были бы немедленно доставляться в пункты сбора государственного учреждения национального уровня, назначенного управлять запасами рогов сайгака или ответственного за охрану сайгака и/или охоту на него. Рога должны поступать в национальную систему управления запасами, включая маркировку, регистрацию и дальнейшую транспортировку на склад. Собирателю не должно выплачиваться индивидуальное финансовое вознаграждение, чтобы избежать создания неблагоприятных стимулов для браконьерства под предлогом естественной смертности. Доходы от собранных рогов, должны распределяться через национальный фонд в пользу местных сообществ, участвующих в сборе, и направляться на финансирование мероприятий и инвестиций, приносящих пользу сообществу в целом. Значительное количество рогов можно собрать в местах гонных скоплений, поскольку смертность самцов после гона естественно высока.

Сдача собранных рогов в официальные государственные учреждения сопряжена с риском нарушений, так как могут быть сданы и браконьерски добытые рога. Поэтому рога должны тщательно обследоваться, чтобы убедиться, что они не взяты от недавно добытого животного. К принятому рогу должны прилагаться географические координаты и фотографии места сбора с указанием причины смерти в качестве доказательства естественной смертности.

Принятие решения о способе вовлечения местного населения

Решение о способе вовлечения местного населения, возможно, сочетающем несколько из шести вариантов, описанных выше, должно быть принято в процессе планирования системы устойчивого использования сайгака. Все варианты осуществимы с учетом действующего законодательства, но сопряжены со значительными рисками в смысле неспособности обеспечить справедливое распределение выгод.

Сочетание этих вариантов обеспечивает наилучший потенциал для создания местному населению стимулов поддерживать сохранение сайгака и терпимо относиться к сайгаку на

своих землях. Настоятельно рекомендуется включить хотя бы один из первых двух вариантов вовлечения местного населения: 1) участие в работе совета по управлению и 2) управление охотничьим хозяйством. Оба этих варианта направлены на обеспечение прямого участия местного населения в управлении популяцией сайгака, притом второй из них также обеспечивает получение экономической выгоды. Эти варианты следует комбинировать с любым из вариантов 3-6, предпочтительно с несколькими из них, что должно принести местному населению экономические выгоды.

Прежде чем приступить к внедрению, необходимо тщательно изучить аналогичные подходы, применяемые во всем мире. Кроме того, необходимо тщательно проанализировать экологическую и социальную ситуацию в ареалах отдельных популяций сайгака, чтобы оценить риски, связанные с различными вариантами управления, а также вероятное восприятие этих вариантов местным населением. Исходя из полученных результатов, выбранные варианты участия должны быть опробованы в пилотном режиме, должным образом проконтролированы и адаптированы по мере необходимости, прежде чем они будут внедрены в более широком масштабе.

Для нескольких из этих вариантов вовлечения местных сообществ трудную проблему представляет обширный ареал большинства популяций сайгака и большое количество местных сообществ и охотничьих хозяйств, представленных в границах этого ареала. Ареал популяции обычно охватывает несколько охотничьих хозяйств, притом и охотничье хозяйство редко располагается на территории только одного административного сообщества. Таким образом, организация управления популяцией сайгака, скорее всего, будет связана с несколькими сообществами, которые могут сформировать своего рода управляющий совет. Чтобы гарантировать справедливое распределение разрешений на охоту и поступлений от использования сайгака (как в виде мяса, так и денежных), следует рассмотреть возможность создания ассоциаций местных сообществ и/или охотничьих хозяйств. В этом случае распределение выгод может быть обеспечено, например, пропорционально размеру сообщества и/или наблюдаемой плотности популяции сайгака в качестве индикатора воздействия на землепользование.

Природоохранный эффект большинства обсуждаемых вариантов зависит от денежных поступлений от продажи продукции сайгака. Сосуществование сайгака с другими видами использования земель сопряжено с большими затратами. Для обеспечения конкурентоспособности в смысле соотношения издержек и выгод, как показано на схеме (Рисунок 18), желательно максимизировать получение дохода, особенно денежного. В особенности высоки расходы на правоохранительную деятельность, охраняемые природные территории и мониторинг, покрываемые из государственного бюджета. Вдобавок, есть еще затраты на управленческую деятельность охотпользователей и организаций, созданных местными сообществами, и причиненные сайгаком экономические потери землепользователей.

Скорее всего, ни один из следующих видов деятельности не сможет компенсировать издержки сосуществования с сайгаком: использование без изъятия (природный туризм), использование с изъятием, такое как спортивная и натуральная охота, охотничий туризм, обеспечение местного населения мясом по доступным ценам и внутренняя коммерческая торговля мясом. Природный туризм и охотничий туризм обладают довольно ограниченным рыночным потенциалом (см. 4.1.1 и выше в разделе 4.1.2). Спортивная охота без участия иностранцев, натуральная охота и распределение дешевого мяса не приносят существенного дохода и вряд ли покроют даже собственные операционные

расходы. Рынок сбыта сайгачьего мяса остается непредсказуемым. Интервью с различными заинтересованными сторонами дают очень разные оценки сайгачатины, варьирующие от мяса низкого качества до обладающего очень высокими кулинарными и пищевыми достоинствами (интервью, проведенные Ш. Михелем в ареале сайгака и в городах, 2015-2023). Даже если верно последнее, и спрос на сайгачье мясо будет сравнительно высоким при сравнительно высоких ценах, производственные затраты также будут высокими, учитывая потребность в высококвалифицированных охотничьих и перерабатывающих бригадах, оснащенных соответствующей техникой для забоя и переработки большого количества сайгаков в короткие сроки и в соответствии с высокими стандартами благополучия животных, качества продуктов питания и гигиены. Напротив, прибыль, получаемая от неистощительной заготовки рогов сайгака и международной торговли, потенциально может принести достаточно высокий доход, способный покрыть расходы на необходимые инвестиции в систему устойчивого использования, включая компенсацию затрат на сосуществование с сайгаком, а также на сохранение и мониторинг сайгака. Хорошо организованная и строго контролируемая международная торговля продукцией из сайгака, включая рога, может стать мощным стимулом для сохранения сайгака и его местообитаний. Такая торговля увеличила бы денежные поступления и тем самым внесла бы значительный вклад в обеспечение экономической эффективности сохранения сайгака и его устойчивого использования. Это помогло бы противодействовать восприятию сайгака как вредителя. Такое восприятие в настоящее время усиливается из-за растущей конкуренции за пастбища между сайгаками и домашним скотом. Кроме того, это снизило бы интенсивность призывов к регулированию численности популяции. Кроме того, если международная торговля будет легализована, это снизит спрос на незаконно добытые рога сайгака, который является основным фактором, провоцирующим браконьерство.

Строго контролируемая международная торговля создала бы стимулы, аналогичные описанным в разделе 3.3.3 для викуньи. Применение подхода, уже используемого для маркировки шкур крокодилов, относящихся к видам, включенным в приложения СИТЕС, как описано в разделе 3.3.1 для острорылового крокодила, может эффективно предотвратить случаи нелегальной торговли рогами сайгака и браконьерства. Каждый рог или пара рогов сразу после срезания с добытого или погибшего естественной смертью животного должен быть помечен индивидуальным уникальным номером и штрих-кодом, сохраняемыми в централизованной базе данных. Весь сбор, хранение и торговля рогами сайгака должны осуществляться через центральную организацию. Однако для отмены запрета на международную торговлю в рамках СИТЕС сначала необходимо выполнить несколько предварительных условий, как это объясняется в работе Милнер-Галланд с коллегами (Milner-Gulland et al., 2020). Если одно государство ареала откроет международную торговлю, сохранение популяций сайгака в других государствах ареала может выиграть, поскольку нелегальная торговля рогами сайгака, являющаяся основным стимулом для браконьерства, станет менее привлекательной.

Учитывая нынешний рост численности сайгака в Казахстане, устойчивое использование этого вида представляется возможным. Для достижения максимальной устойчивости необходимо активное вовлечение местного населения, проживающего непосредственно рядом с сайгаками, в использование сайгака как с изъятием животных, так и без изъятия. Развитию местными сообществами туризма, основанного на наблюдении за дикими животными, могут способствовать законодательные изменения, а также финансовая и техническая поддержка разработки туристских предложений. Варианты прямого участия в принятии управленческих решений включают создание советов по управлению

популяцией сайгака и передачу охотничьих хозяйств под управление общественным организациям местных жителей. Кроме того, прямую выгоду может принести предоставление права охотиться на сайгака для собственного использования, равно как выделение местным сообществам части доходов от крупномасштабного коммерческого промысла. Все эти варианты направлены на то, чтобы сформировать у жителей Казахстана хозяйское отношение к сайгаку, которое было утрачено из-за централизованной системы управления охотничьими ресурсами, преобладающей в регионе (см. разделы 1.1.3 и 3.2.4). Расширение прав и возможностей местного населения вносить непосредственный вклад в управление популяцией сайгака и извлекать из этого выгоду приведет к поддержке мер по сохранению и управлению популяцией сайгака, облегчению конфликта между человеком и сайгаком за счет повышения терпимости местного населения к присутствию сайгака (см. рекомендации в разделе 5.1.2).

4.2 Архар

Основными угрозами для архара являются браконьерство, связанное с этим беспокойство, конкуренция с домашним скотом и деградация местообитаний, вызванная в основном перевыпасом домашних животных (см. разделы 2.2.2 и 2.3.2). Управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ, продемонстрировало потенциал эффективного противодействия этим угрозам, что видно на примере популяций горных копытных, управляемых местными НПО и небольшими семейными компаниями в Таджикистане (см. раздел 3.4.3). Здесь мы обсуждаем конкретные возможности использования архара, как предполагающего добывание животных, так и без добывания, в качестве стимулов для сохранения этого вида и мест его обитания.

4.2.1 Использование без изъятия животных

Потенциал интеграции наблюдений за архарами в природный туризм довольно ограничен, если рассматривать только этот вид сам по себе. Хотя предложение увидеть горных копытных в дикой природе может быть привлекательным для некоторых туристов, предложения, включающие другие виды животных, например, крупных хищников, могут легко его превзойти. Архары – это скорее дополнительный актив привлекательных ландшафтов, чем объект, ради которого значительное количество туристов специально посещает то или иное направление. Если обеспечить эффективную защиту от браконьерства и минимизировать беспокойство животных, они могут стать менее осторожными по отношению к человеку, и их будет легче фотографировать. Хорошие возможности для фотосъемки привлекли бы внимание туристов. Привлекательность таких туров может быть еще больше, если есть возможность познакомиться с нетронутыми горными экосистемами, понаблюдать за другими дикими животными в дополнение к архарам, и посетить культурные достопримечательности. Наилучшие шансы на разработку успешных туристских предложений могут быть в тех местах, где существует сочетание этих различных возможностей.

В настоящее время только небольшое число туристов имеет специальный интерес к наблюдению за дикими животными в Центральной Азии. Учитывая это, наблюдение за архарами и другими горными животными в Центральной Азии является узконишевым

продуктом на туристском рынке, и имеет лишь незначительный потенциал для развития бизнеса, основанного на диких животных. В настоящее время наблюдение за архарами является экономически выгодным вариантом, особенно там, где существуют живописные и здоровые горные экосистемы и, возможно, культурные предложения, которые привлекают туристов и способствуют развитию и поддержанию соответствующей инфраструктуры и услуг. В таких местах наблюдения за архарами могут быть предложены в качестве дополнительной «фишки» или специально для людей, проявляющих особый интерес к этому виду. Однако даже самые дорогостоящие фототуры на архаров приносят доходы намного ниже того, что потенциально может дать охотничий туризм – и, как правило, с меньшими затратами усилий. Поэтому целесообразно изучить возможность сочетания подходов, ориентированных на добывание животных, и подходов, не требующих добывания. Например, наблюдение за популяциями диких животных может быть успешно развито там, где охота запрещена или проводится редко, а также вне охотничьего сезона. Однако основная проблема, связанная с действующим законодательством, как описано в разделе 3.4.2, заключается в том, что организации, управляющие охотничьими хозяйствами, должны нести расходы на охрану диких животных и другие мероприятия, но в то же время не имеют исключительного права на туристское использование этих территорий. Это означает, что другие организации или индивидуальные туристы также могут пользоваться территорией этого охотничьего хозяйства, не платя управляющей организации за использование.

4.2.2 Использование с изъятием животных

Архар – это вид, который очень привлекателен для охотничьего туризма. Цены за одну охоту могут достигать 60 тыс. долларов США и более, особенно если она выставляется на рынок или аукцион как охота в природоохранных целях. В то же время прямое негативное воздействие этой деятельности на популяцию архаров и среду их обитания минимально. У архаров полигинная система спаривания, при которой самые крупные самцы обычно добиваются наибольшего репродуктивного успеха. В таких системах изъятие небольшого количества самцов старшего возрастного класса не влияет на репродуктивный успех и не имеет генетических последствий, если квоты устанавливаются с осторожностью (Festa-Bianchet, 2016). Этому представлению противоречит пример воздействия охоты на дикую популяцию, который приводится в часто цитируемой статье Колтманна с коллегами (Coltman et al., 2003), описывающей весьма специфическую ситуацию с популяцией снежного барана *Ovis canadensis*, на которого ведется интенсивная охота. В этом конкретном случае добывалась большая доля всех самцов, рога которых достигли определенной длины, хоть и задолго до достижения ими полной зрелости. Это создало давление отбора, направленное против самцов с быстрорастущими и крупными рогами. Но выводы этой статьи неприменимы к нашему случаю трофейной охоты на архаров, где целью является лишь очень небольшая часть самцов, достигших зрелости (обычно 8 лет и старше), что позволяет самцам передавать свои гены и оставаться объектом давления отбора, поддерживающего увеличение размера рогов. При условии соблюдения консервативной квоты, например, менее 1% от зарегистрированной численности

популяции и до 20% баранов в возрасте от 8 лет и старше, даже случайная охота на молодого самца не наносит ущерба популяции.

Часть архаров мигрируют между сезонными местами обитания, и зимой они могут собираться в большие стада. Но также часто наблюдается непрерывное использование предпочитаемых участков, если условия обитания подходящие, а преследование и беспокойство минимальны. Благодаря этому, управление популяцией архара может быть организовано на территориальной основе, т.е. поддержание благоприятных условий на определенной территории может обеспечить успех охоты в долгосрочной перспективе.

Теоретически, архары годятся и для других видов охоты, например, для натуральной охоты (охоты для личного потребления местного населения) и спортивной охоты. Такая охота приносит меньший доход в расчете на каждое добытое животное, и, как правило, добывается большее количество животных. Таким образом, воздействие на численность популяции, поведение архаров и использование ими местообитаний было бы гораздо более значительным, чем в случае охотничьего туризма. В настоящее время такая охота на законных основаниях не практикуется нигде в ареале архара. Она может быть рассмотрена только при очень специфических обстоятельствах. В условиях полного крупномасштабного восстановления численности архара и ограниченного рынка охотничьего туризма такая охота может стать возможным вариантом. Однако даже там, где численность в настоящее время близка к допустимой или превышает ее, следует скорее способствовать расселению вида в другие районы с подходящими местообитаниями, а не сокращать популяцию за счет охоты.

Большая часть охотугодий в ареале архаров в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане либо передана в аренду коммерческим охотпользователям, либо находится в границах ООПТ. В Казахстане архар занесен в Красную книгу, и разрешения на охоту не выдаются, за исключением научных целей. В других регионах архары либо исчезли, либо встречаются редко и их численность крайне мала. В Кыргызстане архары в настоящее время встречаются нерегулярно в одном охотничьем хозяйстве, закрепленном за общественной неправительственной организацией в Алайской долине. В Таджикистане НПО местных жителей сталкиваются с трудностями при получении квот на охоту на архаров из-за влияния коммерческих охотпользователей, которые не дают другим лицам доступа к таким разрешениям (см. раздел 3.4.3).

В Монголии охота на архаров возможна только в специально отведенных охотничьих хозяйствах, которые могут перекрываться с охраняемыми природными территориями местного уровня, но не с ООПТ национального уровня. Какая площадь местообитаний архара в Монголии в настоящее время остается за пределами охотничьих хозяйств и ООПТ национального уровня – неизвестно, но, вероятно, небольшая. В Монголии управление охотой на архаров непрозрачно. По закону, не менее 50% платы за охоту (24 тыс. долларов за одного алтайского архара и 12 тыс. долларов за одного гобийского архара) должно быть потрачено на охрану архаров. Однако это положение, как правило, не выполняется. Дополнительным недостатком, по-видимому, является то, что поступления в пользу проектов местного развития или социальных трат ограничены, поскольку если местная (сомонная) администрация получает деньги из стороннего источника, это уравновешивается соответствующим сокращением финансирования от национального правительства. Если сомон устанавливает высокую квоту на охоту, и она, в конечном итоге, не используется в полной мере, это сокращение бюджетного финансирования все равно

сохраняется, что может привести даже к чистому убытку (Reading & Amgalanbaatar, 2016; Амгаланбаатар, личн. сообщение, 2022).

В разделах 3.4.3 и 3.4.4 описано несколько примеров подхода управления популяциями архара, основанного на участии местных сообществ (CBWM) в Таджикистане и Кыргызстане, которые уже принесли определенные успехи в сохранении этого вида. Эти примеры демонстрируют потенциал управления охотничьими ресурсами, основанного на участии местного населения, для сохранения архаров, особенно на территориях, используемых для выпаса скота и другой хозяйственной деятельности. Однако ситуация в Таджикистане и Кыргызстане показывает также, что ожидание высокой прибыли от трофейного охотничьего туризма делает архара весьма привлекательным для лиц, имеющих коммерческие интересы и политическое влияние. Территории, где численность архаров постоянно низка из-за конкуренции со скотом, видимо, не представляют особого интереса для коммерческого использования. Тем не менее, некоторые влиятельные лица ошибочно видят угрозу своему бизнесу в существовании на таких территориях охотпользования местных сообществ, приносящего прямую ощутимую пользу местному населению, даже при очень небольшой доступной им квоте.

Даже если территории со значительным поголовьем архаров останутся под контролем коммерческих компаний, выделение некоторых охотугодий для НПО, созданных местным населением, может дополнить эти охотничьи хозяйства, особенно на территориях, где много людей и мало архаров. При соответствующем планировании это способствовало бы поддержанию связи между популяциями, сохранению вида на большей части его ареала, вовлечению традиционных охотников и местного населения и, наконец, улучшило бы репутацию страны как туристического направления и хранителя глобально ценного биоразнообразия и окружающей среды. Стоит более внимательно рассмотреть пример общинных природоохранных организаций Намибии, чтобы определить элементы, которые могли бы улучшить возможности местного населения в Центральной Азии (раздел 3.3.2).

В заключение следует отметить, что архар обладает высоким потенциалом для развития подходов управления им, основанных на участии местных сообществ (CBWM) – но также и представляет серьезную проблему. Этот вид может быть привлекательным элементом экотуризма и чрезвычайно важен для охотничьего туризма. Оба варианта могут быть совместимы. Из-за высокой коммерческой ценности охоты на архаров охотхозяйства с хорошей популяцией архаров обычно контролируются частными компаниями, что ограничивает возможности развития подходов управления архаром, основанных на участии местных сообществ (CBWM). Однако такие подходы могут дополнять частное управление и ООПТ в местах, где потенциал для охоты на архаров сейчас ограничен, и, таким образом, могут способствовать расширению ареала архара и поддержанию связи между субпопуляциями.

4.3 Снежный барс

В следующих разделах мы рассмотрим, как местное население может участвовать в сохранении снежного барса и управлении его популяцией, получая выгоды от присутствия этого вида вблизи своего жилья. Несмотря на трудности, связанные со скрытым образом жизни этой кошки, потенциально возможно ее использование без изъятия, для целей туризма, опирающегося на местные сообщества. Добывание не рассматривается как

возможный вариант. Однако мы покажем, как снежный барс может выиграть от охоты человека на те виды животных, которые служат добычей барсу.

4.3.1 Использование без изъятия животных

Потенциал применения управления, основанного на участии местных сообществ (CBWM), в отношении снежного барса ограничен подходами, не связанными с добыванием зверя, либо предполагающими косвенное использование и выгоды. В некоторых регионах Центральной Азии и за ее пределами успешно применялось сочетание внедрения природного туризма либо поддержки средств к существованию при определенных условиях со смягчением конфликтов (Jamwal et al., 2018; Maheshwari & Sathyakumar, 2019). Например, в районе Киббер в Спити (Индия) природный туризм, направленный на наблюдение за снежным барсом, побудил местных жителей выделить зоны, где не будет выпаса скота, чтобы сохранить их для диких копытных, являющихся добычей снежного барса (Mishra et al., 2024). Рынок природного туризма, связанного с дикими животными, в Центральной Азии очень мал – по сравнению с направлениями в Африке, Америке или Южной/Юго-Восточной Азии – и готовность платить за наблюдение и фотографирование диких животных в настоящее время недостаточна для создания существенных стимулов в масштабах всего ландшафта.

Снежный барс ведет скрытый образ жизни, и чтобы увидеть это животное, желательно иметь местного гида. А привлечение местных гидов открывает возможности для туризма, основанного на участии местного населения. Одним из способов развития таких туристских предложений является создание НПО на базе местного сообщества. Затем эта НПО может стать охотпользователем и управлять охотхозяйством (см. раздел 3.4.2). Однако серьезным препятствием для развития туризма является то, что управляющая организация не вправе быть единственным законным организатором туров для наблюдения диких животных и природы на своей территории, и не может помешать несогласованному и неоплачиваемому посещению третьими лицами.

Примеры из Таджикистана показали, что туры для наблюдения за снежным барсом возможны даже по высоким ценам. В период с 2018 по 2022 год с этой целью прибыли четыре группы в общей сложности из 20 туристов. В одном охотхозяйстве группа наблюдала снежного барса, на другой территории снежных барсов видели две группы, а в третьем охотхозяйстве еще одной группе не повезло. Туры продавались по высоким ценам, так что местной НПО или семейному предприятию оставалось 5000 долларов с каждого туриста. Рыночный потенциал для таких дорогостоящих туров, безусловно, ограничен, особенно с учетом широкого распространения снежного барса и существования конкурирующих туров в нескольких странах ареала. Такой подход может оказаться прибыльным лишь для немногих местных сообществ. Кроме того, обычно туристы, приехавшие, чтобы увидеть снежного барса, непосредственно на месте тратят не более 10% от общей стоимости тура, что ограничивает доходы местного населения.

Чтобы сделать природный туризм привлекательным для местного населения, необходимо сократить экономические потери, вызванные нападениями снежных барсов на домашний скот. Таким образом, формированию позитивного отношения местного населения к присутствию и сохранению снежных барсов может способствовать сочетание природного туризма с мерами по смягчению конфликтов между человеком и дикими животными. Такими мерами могут быть устройство защищенных от хищника загонов для скота,

распространение более безопасных методов выпаса и страхование домашнего скота, как это практикуется, например, в Индии (Maheshwari & Sathyakumar, 2019). Такие подходы следует более широко применять во всем регионе.

Другой, более косвенный подход к использованию снежного барса, не связанному с его изъятием, практикуется в Кыргызстане. Здесь изделия ручной работы, изготовленные в местных сообществах, расположенных в ареале снежного барса, широко продаются через программу “Snow Leopard Enterprises”, при условии, что местное население не мирится с браконьерством (см. раздел 3.4.4). Хотя сообщается, что этот подход является успешным, его критикуют за высокие операционные издержки и за то, что до местного населения доходит недостаточно большая доля доходов, получаемых от продаж. Другая, вероятно более важная, проблема заключается в том, что такое создание дохода может фактически не затрагивать потенциальных браконьеров. В таком случае эта мера не позволит в достаточной степени бороться с браконьерством. Кроме того, учитывая ограниченный рынок сбыта продукции местных сообществ, расположенных в пределах или вблизи ареала снежного барса, потенциал реплицирования этого подхода довольно низок. Участие международной неправительственной организации Snow Leopard Trust в этом примере показывает, что такой подход работает только при наличии международного партнера, который берет на себя маркетинг, а иногда и международную торговлю местными изделиями ручной работы, что невозможно для множества остальных местных сообществ в ареале снежного барса. Тем не менее, подход может быть полезен некоторым местным сообществам, при условии, что они расположены в важных местах обитания снежного барса и, тем не менее, относительно легко доступны для туристов.

В заключение хотелось бы отметить, что туризм, ориентированный на наблюдение за снежным барсом, может принести ощутимую пользу местному населению лишь в немногих специфических случаях. Чаще же, факт обитания снежного барса можно использовать, чтобы подчеркнуть общую экологическую целостность и природоохранную важность ландшафта, где осуществляется туристская и другая связанная с ней деятельность.

4.3.2 Использование с изъятием животных

Прямое использование снежного барса с изъятием из природы – юридически невозможно и недопустимо по различным биологическим и другим причинам. Однако, как описано в разделе 2.2.3, охота на виды животных, являющиеся кормовой базой снежного барса, может создать стимулы для поддержания численности горных копытных на высоком уровне и, таким образом, способна оказать положительное влияние на сохранение снежного барса.

Снижение доступности диких копытных означает для снежного барса нехватку питания, особенно в такие критические периоды, как выращивание потомства. Это может способствовать увеличению числа нападений барса на домашний скот, что приводит к ответным убийствам хищников (Suryawanshi et al., 2021; Khanal et al., 2020). Таким образом, сохранение снежного барса выигрывает от сохранения видов, являющихся его добычей. Организованное местными сообществами управление охотничьими ресурсами (CBWM), нацеленное на устойчивое использование диких копытных, которыми питается снежный барс, в рамках охотничьего туризма, имеет большой потенциал для содействия

сохранению снежного барса – это показывают успешные примеры из Таджикистана и Кыргызстана, описанные в разделах 3.4.3 и 3.4.4. (Michel & Rosen, 2024).

Рисунок 28: Стадо взрослых самцов сибирского горного козла – основного объекта питания снежного барса в Центральной Азии – в охотничьем хозяйстве, управляемом местными жителями. Таджикистан. Фото: ANCOT.

Охотничий туризм создает мощные стимулы для предотвращения браконьерства и вообще нерациональной охоты. Это объясняется тем, что для такого вида охоты требуется достаточное количество самцов копытных старшего возраста, предпочтительно не слишком пугливых, чтобы охотник мог приблизиться к ним с помощью местных проводников. Для достижения этой цели общая численность популяции должна быть достаточно большой, а смертность в ней – низкой, чтобы достаточное количество самцов могли дожить до старости. В популяциях, которые подвергаются браконьерству, эти требования, как правило, не выполняются – численность невелика, старшие возрастные группы отсутствуют, а животные очень осторожны и держатся на большом расстоянии от людей. Установление очень строгих квот на добычу, как описано в отношении архаров (см. раздел 4.2.2), необходимо, чтобы обеспечить успешность охот, избегая при этом отбора против крупных самцов и сохраняя достаточно много старых животных в качестве потенциальной добычи снежного барса. Верге (Wegge 1997) предложил установить квоты в размере 20–25% от предполагаемого количества самцов трофейного возраста, что составляет менее 4% от общей численности популяции до начала сезона охоты. В Таджикистане, например, для мархура, применялась квота, не превышающая 1% от учтенной численности популяции и 20% от числа самцов старше 8 лет (Michel & Rosen, 2024).

Потенциально, если популяция достаточно велика, местным жителям также можно было бы разрешить устойчивую охоту для пропитания и в качестве спорта. Однако объектом

такой охоты были бы разные возрастные категории, в целом изымалось бы больше животных, и потому она оказывала бы большее влияние на численность популяции, а также – в зависимости от интенсивности и сроков охоты – и на поведение копытных, а следовательно, и на доступность их для снежных барсов. При отсутствии возможностей для иностранного охотничьего туризма этот вариант, тем не менее, может заслуживать рассмотрения. Местная охота может иметь особое значение для сохранения природы, если она способна улучшить ситуацию, по сравнению с нерегулируемым добыванием браконьерами – например, путем предоставления возможностей легальной охоты и/или если она помогает предотвратить деградацию местообитаний вследствие перевыпаса скота.

Важным элементом сохранения снежного барса является четкое донесение до населения понимания, что толерантность к хищникам и их сохранение – необходимы. В Пакистане (Hussain, 2003) и Таджикистане (собственные наблюдения Ш. Михеля) некоторые лица, вовлеченные в сохранение и устойчивое использование копытных на основе участия местных сообществ, видели в снежном барсе угрозу своим природоохранным целям, а равно своим экономическим интересам. В одном случае охотовед семейного охотхозяйства даже привел в горы небольшое стадо домашних коз в надежде, что они станут более легкой добычей для снежного барса, чем «его» дикие животные (мархуры). Эксперты по охране природы не рекомендуют подкармливать диких хищников домашними копытными, поскольку хищники могут привыкнуть, что домашний скот это легкая добыча, к тому же домашние копытные могут переносить инфекционные заболевания своим диким сородичам (Ostrowski et al., 2012). Однако нет никаких свидетельств какого-либо преследования снежных барсов в этой связи. В Таджикистане местные жители, осуществляющие управление ресурсами диких копытных, быстро поняли, что снежный барс не оказывает негативного воздействия на популяции этих животных: при хорошей защите от браконьерства достаточное количество самцов достигает преклонного возраста, что делает их привлекательными трофеями, несмотря на то, что некоторые животные становятся добычей снежных барсов. На самом деле, многие люди рассматривают снежного барса как индикатор своего природоохранного успеха, и с гордостью делятся кадрами встреч со снежными барсами.

Увеличение численности диких копытных и, как следствие, рост численности снежного барса могут привести к повышению частоты нападений и на домашний скот (Mishra et al., 2016). Поэтому превентивные меры в виде, например, защищенных от хищников загонов и адаптированных методов выпаса скота, имеют большое значение для предотвращения случаев убийства хищника ради защиты домашних животных. Также могут быть нужны схемы страхования домашнего скота, желательны управляемые на уровне местных сообществ, как, например, в Пакистане – они помогают местному населению примириться с обитанием снежного барса (Kunkel et al., 2016).

В контексте сохранения снежного барса с помощью подходов, основанных на участии местных сообществ, добиться сохранения местообитаний труднее, чем обеспечить предотвращение незаконного добывания барсов и их объектов питания. Стимулы, создаваемые устойчивым использованием диких копытных, которыми питается снежный барс, и другими связанными с барсом экономическими выгодами, редко достигают уровня, приводящего к существенному снижению нагрузки, вызванной землепользованием, особенно выпасом скота. Некоторые примеры, например, из Спити (см. выше) и Ладакха (Mishra et al., 2024), а также из некоторых районов Таджикистана (личные сообщения

местных партнеров Ш. Михелю), показывают, что сочетание ощутимых выгод от использования диких животных и повышения осведомленности об устойчивом использовании пастбищ может побудить местное население создавать постоянные или временные зоны, закрытые для выпаса скота либо с ограниченным выпасом, а также сокращать другую вредную хозяйственную практику, как, например, заготовку полукустарничков на топливо в некоторых районах.

Имеются свидетельства, что после внедрения подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местных сообществ (CBWM), в соответствующих охотничьих хозяйствах Таджикистана численность популяций диких копытных, таких как сибирский горный козел и архар, увеличилась, как показано на рисунке 25 и описано, например, в разделе 3.4.3. При этом, регистрации фотоловушками показали присутствие в этих охотхозяйствах значительного числа индивидуально различимых особей снежного барса. При регулярных учетах на территории охотхозяйства НПО «Бургут» на Восточном Памире выявлена тенденция к увеличению числа зафиксированных особей: весной 2013 г. не было ни одного, летом 2014 г. – не менее 3, летом 2016 г. – 5 и летом 2018 г. – 9 особей снежного барса. Непосредственные встречи снежного барса также стали чаще, что позволило попробовать организовать туры, ориентированные на наблюдение за дикими животными, прежде всего – за снежным барсом, как упоминалось выше.

В Кыргызстане управление популяциями диких животных на основе участия местных сообществ (CBWM) аналогичным образом способствует сохранению снежного барса. На нескольких территориях, охраняемых местными НПО на основе временных соглашений или в качестве арендованных охотничьих хозяйств, местные традиционные охотники вносят свой вклад в восстановление диких копытных, предотвращая браконьерство. Некоторые из этих копытных важны как объект питания снежного барса. На территории НПО "Джанайдар", охраняемой с 2015 года, количество наблюдений архаров увеличилось в десять раз всего за 6 лет, а на соседней охраняемой территории, также используемой в качестве охотничьего заказника другой организацией, количество наблюдений архаров увеличилось примерно в пять раз за тот же период (подробнее см. раздел 3.4.4). Хотя исследований, охватывающих все эти территории, не проводилось, некоторые данные, полученные с помощью фотоловушек, также свидетельствуют о росте численности снежного барса в связи с увеличением численности диких копытных. В 2015 году фотоловушка зафиксировала только одного снежного барса в этом районе, в то время как в 2021 году на одном участке фотоловушка запечатлела самку с двумя котятками.

К другим видам, которые могут выиграть от снижения пресса выпаса скота и/или браконьерства в результате применения подходов управления популяциями диких животных, основанных на участии местных сообществ (CBWM), относятся косуля, марал и кабан. Эти копытные также иногда становятся добычей снежных барсов. Это дополнительно показывает, что управление популяциями диких копытных, основанное на местных сообществах, приносит пользу снежному барсу.

Однако внедрение этих подходов (CBWM) в охотничьих хозяйствах Центральной Азии сопряжено с определенными трудностями. Законодательные препятствия описаны в разделе 3.4.2, а политические вызовы показаны на примере Таджикистана (см. раздел 3.4.3). Закрытие по решению правительства Таджикистана большинства местных НПО, занимавшихся охраной диких животных, и передача охотничьего хозяйства коммерческой фирме, которая и так уже располагала лучшей территорией для архаров и получала большинство клиентов, вероятно, серьезно подорвали потенциал охраны снежного барса

с вовлечением местного населения. Эти события не только затронули охотничий туризм как важнейший источник доходов для охраны природы и вовлечения местного населения, но и существенно затруднили туризм по наблюдению за дикими животными, который продвигался на рынке и материально поддерживался ныне закрытыми НПО. Новые коммерческие владельцы охотничьих хозяйств препятствуют вовлечению местных жителей в деятельность, связанную с туризмом и мониторингом диких животных. Борьба с браконьерством без поддержки местного населения, скорее всего, будет менее эффективной. Кроме того, браконьерство по таким причинам, как недовольство или отсутствие контроля со стороны местного населения, может вновь участиться. В сочетании с потенциально неустойчивой охотой и незначительными инвестициями в охрану природы из-за преобладания интереса новых владельцев коммерческих территорий к краткосрочной максимизации прибыли это может быстро свести на нет достигнутый к настоящему времени положительный тренд динамики численности снежного барса.

Подведем итоги: сохранение снежного барса с помощью инициатив на уровне местных сообществ становится возможным, благодаря туризму по наблюдению за дикими животными и охоте на копытных, являющихся объектами питания снежного барса. Возможности для наблюдений за снежным барсом в обсуждаемых странах ограничены из-за редкости этого вида, отдаленности мест его обитания и его скрытного образа жизни. Но в регионе существуют успешные примеры, и следует изучить возможность их тиражирования в отдельных местах. Основанное на участии местных сообществ управление популяциями диких животных (CBWM), обладает высоким потенциалом для создания стимулов к сохранению диких копытных - объектов питания снежного барса и его местообитаний. Этот подход в отношении видов, входящих в рацион снежного барса, имеет шансы на успех в тех случаях, когда члены местного сообщества, заинтересованные в сохранении диких животных – обычно это традиционные охотники, будь то неформальные или официальные – могут получить право управлять популяциями диких животных, иметь полномочия для предотвращения браконьерства и возможность получения прибыли от этой деятельности. Шансы на успех зависят от общей политической и экономической обстановки, надлежащего содействия на этапе создания структур местного управления популяциями диких животных и от личностей вовлеченных людей. Даже в тех случаях, когда охота в настоящее время невозможна, реалистичная перспектива устойчивого использования соответствующих видов, служащих объектами питания снежного барса, может стать мощным стимулом для активной защиты диких животных еще до того, как станет возможной первая легальная охота.

4.4 Бухарский олень

Ниже мы рассмотрим, как местные сообщества могли бы принять участие в сохранении и управлении популяцией бухарского оленя и получать выгоды от присутствия этого вида на используемых ими землях. Разработка туристских предложений, ориентированных на наблюдение за бухарскими оленями, имеет определенный потенциал, особенно в сочетании с другими туристскими предложениями. Однако, учитывая нынешнюю численность бухарского оленя на ООПТ, а также высокий уровень браконьерства за пределами ООПТ, стоило бы рассмотреть разрешение охоты на этот вид. Это послужило бы стимулом для толерантного отношения к оленям за пределами ООПТ и, при

необходимости, могло бы быть использовано для контроля их численности и уменьшения конфликтов с землепользователями.

Подходы, основанные на участии местных сообществ, для сохранения бухарского оленя пока не применялись. На техническом семинаре Меморандума о взаимопонимании по бухарскому оленю в рамках Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных в октябре 2020 года была принята Программа работ по бухарскому оленю на 2021–2026 годы. Она включает в себя мероприятия по поддержанию и восстановлению доступных местообитаний путем оптимизации отношений с местными сообществами и повышения уровня их признания. Разработан комплекс мероприятий, направленных на вовлечение местных сообществ в сохранение бухарского оленя. Эти мероприятия включают альтернативные формы получения доходов для местного населения, повышение эффективности устойчивого использования природных ресурсов, развитие экотуризма с привлечением местных сообществ, разработку компенсационных схем и мер по минимизации ущерба для фермеров, а также изучение целесообразности разведения оленей для производства пантов. Поскольку в настоящее время бухарский олень имеет статус охраняемого вида в национальном законодательстве и включен в Приложение I КМВ, возможность добывания оленей из свободноживущих популяций в данной Программе работ не рассматривается.

Вблизи мест, где обитает бухарский олень, обычно есть хотя бы небольшие участки, используемые в сельском хозяйстве. Соответственно, вовлечение местных землепользователей в управление его популяцией было бы полезно для смягчения и предотвращения конфликтов. В настоящее время бухарский олень воспринимается землепользователями как вредитель и применение подходов управления популяциями оленя, основанных на участии местных сообществ (CBWM), может помочь изменить это отношение местного населения. В соответствии с принципами, описанными в разделах 3.1–3.3, местное население могло бы напрямую извлечь выгоду из присутствия бухарских оленей и в то же время выработать хозяйское отношение к этим животным. Толерантность к присутствию бухарского оленя и к связанным с ним потерям урожая, поддержка его сохранения и активное вовлечение местных сообществ будут более вероятны, если удастся не просто сократить ущерб землепользователям, но и создать ощутимые выгоды от присутствия бухарского оленя. Если эти выгоды достанутся только части населения, потребуются механизмы, обеспечивающие сбалансированное распределение выгод между всеми землепользователями, несущими потери из-за бухарского оленя.

Как указано в разделе 2.3.4, одной из основных угроз для бухарского оленя является потеря местообитаний. В целях улучшения охраны бухарского оленя подходы, основанные на участии местных сообществ, могут быть применены для повышения мотивации к восстановлению и сохранению тугайных лесов и окружающих местообитаний, аналогично примеру с восстановлением мангровых лесов, которого добились члены местных сообществ, мотивированные перспективой использования острорылого крокодила в Колумбии (3.3.1). Часть доходов от использования с изъятием и без может быть непосредственно использована для восстановления среды обитания. Кроме того, разрешение охоты на животных при условии принятия мер по восстановлению среды обитания могло бы стать материальным стимулом для сохранения животных и их местообитаний. Меры по восстановлению могли бы включать обязательства тех, кто

получает выгоды от охоты, исключать некоторые территории из сельскохозяйственного использования, оставляя их только для обитания оленей.

4.4.1 Использование без изъятия животных

Обитание бухарского оленя почти исключительно на охраняемых природных территориях, находящихся под управлением государства, предоставляет лишь ограниченные возможности для развития туризма, основанного на участии местных сообществ. В связи со скрытым образом жизни бухарских оленей, наблюдать за ними трудно. Из-за сходства с европейским благородным оленем и вапити или маралом Северной Америки и Азии бухарский олень не выглядит особо экзотическим или особенно привлекательным для туристов. Однако это животное довольно крупное и не пугливое в местах, где на него не ведется незаконная охота. Благодаря этому, существует определенный потенциал для повышения привлекательности бухарского оленя как объекта наблюдения с помощью соответствующей маркетинговой стратегии.

Тугайные леса, служащие местообитанием бухарского оленя, также представляют определенный туристский интерес и могут быть включены в туристские туры по странам Центральной Азии. Места обитания бухарского оленя также находятся в непосредственной близости от впечатляющих объектов культурного наследия и разнообразных ландшафтов, таких как пустыни, степи и горы. Возможность увидеть такое редкое животное, как бухарский олень, в таких ландшафтах имеет потенциал для привлечения туристов, который до сих пор практически не использовался.

Например, две недавно основанные новые популяции в Иле-Балхашском резервате и в Туркестанском лесничестве в долине Сырдарьи в Казахстане могут стать перспективными местами наблюдения. Последнее место находится относительно недалеко от города Туркестан с его культурным наследием. Следовательно, туристское использование бухарского оленя и мест его обитания возможно, но само по себе оно, вероятно, принесет лишь ограниченный доход. Потребуется интеграция этого предложения в более крупные туристские пакеты, включающие посещение культурных достопримечательностей, и хорошая маркетинговая стратегия, чтобы сделать наблюдение за бухарскими оленями более популярным. Особенно сложным препятствием для развития туризма, как с другими целевыми видами, является отсутствие у управляющих организаций законного права быть единственным организатором туров для наблюдения диких животных и природы на своей территории, и полномочий, чтобы помешать несогласованному и неоплачиваемому посещению третьими лицами. Это также относится к развитию туристских предложений за пределами ООПТ, где охраняется бухарский олень.

До тех пор, пока бухарский олень встречается в основном на охраняемых природных территориях или территориях, иным образом контролируемых государством, без какой-либо возможности вовлечения местного населения в управление популяцией, внедрение подходов, основанных на участии местных сообществ (CBWM), очевидно, имеет ограниченный потенциал. Однако расширение ареала за пределы ООПТ может привести к появлению новых возможностей, и местные жители уже смогут предлагать услуги туристам, например, размещение и продажу местных продуктов.

4.4.2 Использование с изъятием животных

В настоящее время существуют строгие правовые ограничения на добычу бухарского оленя. Этот вид занесен в Приложение I КМВ, которое не допускает добычи, за очень немногими исключениями, ограниченными по времени и в пространстве (статья III КМВ). Соответственно, бухарский олень находится под охраной закона во всех странах ареала, и разрешения на охоту не выдаются, за редким исключением в Узбекистане. Кроме того, бухарский олень в настоящее время встречается в основном на ООПТ, где охота, как правило, запрещена. Однако в Казахстане есть одна популяция на частично огороженной охотничьей территории, в окрестностях которой свободно живут несколько десятков животных. Рост популяции на ООПТ, реинтродукция на новые участки и естественное расселение могут привести к расширению ареала в районы, где устойчивая охота окажется допустимым вариантом.

Панты марала используются в медицинских целях, главным образом, в азиатских странах, и этот вид выращивается специально для этих целей, например, на Алтае в Российской Федерации. М. Грицына и ее коллеги (2019) предложили развивать бухарское оленеводство для получения пантов как экономически привлекательный вариант, который мог бы даже обеспечить финансирование природоохранных мероприятий. Например, эти средства можно было бы использовать для разработки мер по разрешению конфликта вокруг участка «Бадай-Тугай» Нижне-Амударьинского государственного биосферного резервата, где высокая численность бухарского оленя связана с растущим ущербом сельскому хозяйству. Однако такой подход был бы непригоден для решения двух ключевых проблем: несоответствия между увеличением численности популяции бухарского оленя и недостаточностью доступных местообитаний, не используемых в хозяйстве, а также конфликта между интересами землепользователей и обитанием бухарского оленя на обрабатываемых территориях.

Сверх того, содержание бухарского оленя в условиях вольерного хозяйства сопряжено с различными проблемными аспектами и рисками. Любое содержание животных в неволе сопряжено с рисками одомашнивания, генетического дрейфа и ветеринарных проблем. Это может также сказаться на свободноживущей популяции, если ее контакт с вольерной группировкой не полностью исключен, и выращенных в вольере оленей случайно или намеренно выпускают в природу. Высокая плотность популяции бухарских оленей в вольерах приводит к сильной деградации растительности, которая не похожа на их естественную среду обитания и требует дополнительной подкормки кормовыми культурами. Прирученные самцы оленей могут быть всерьез опасны для людей, особенно во время гона. В Таджикистане, по сообщениям, бык бухарского оленя убил своего зрителя (личн. сообщение местного партнера Ш. Михелю). Подобные несчастные случаи со смертельным исходом известны и в других местах. Все эти риски разведения бухарского оленя, которые трудно контролировать, перевешивают потенциальные выгоды. Следовательно, дальнейшее рассмотрение или внедрение этого подхода не представляется целесообразным.

Рисунок 29: Вольер для содержания бухарских оленей в Зарафшанском национальном природном парке (быв. Зарафшанский заповедник) в Узбекистане. Фото: Ш. Михель

Почти все популяции близко родственных бухарскому оленю благородных оленей и вапити, или маралов, обитающих в своих естественных местообитаниях, устойчиво используются в целях различных форм охоты. Даже во многих национальных парках Европы на благородного оленя охотятся в выделенных для этого зонах (например, в Берхтесгадене, Мюрице, Шварцвальде, Гарце в Германии) либо охота производится во время миграции оленей за пределы национального парка (например, Швейцарский национальный парк в Швейцарии, «Баварский лес» в Германии). Охота на маралов ведется в Казахстане, Монголии и России. В зависимости от конкретной ситуации, состояния популяции и целей управления, эти олени используются для трофейной охоты, получения оленины для собственного потребления или торговли, а также для регулирования численности популяции. Примеры такого использования существуют для различных подвидов благородного оленя в Европе, Северной Америке и Азии (Milner et al., 2006, Olausson & Myrnerud, 2012). Различные виды охоты требуют разного управления популяцией. Как правило, типы охоты сочетаются в различных пропорциях.

Чисто трофейная охота на взрослых самцов не подходит для сокращения численности популяции. Ее можно применять только в том случае, если целью управления является непрерывный рост управляемой популяции. Фактически, трофейная охота может стать мощным экономическим стимулом для перехода к росту численности ранее истощенной популяции (см. примеры трофейной охоты на территориях, управляемых местными

сообществами, разделы 3.3 и 3.4). Однако такой рост популяции может вступать в противоречие с интересами других землепользователей.

В случае охоты ради оленины целью будут, в первую очередь, молодые возрастные группы. Такая охота может ограничить рост популяции, в зависимости от установленной квоты на изъятие. Если мы хотим ускорить сокращение популяции, необходимо изымать значительную часть взрослых самок. Поскольку благородный олень и родственные ему виды являются социальными животными, детеныши которых зависят от своей матери до следующего сезона рождения, такой подход требует особой осторожности. Во время таких охот для эффективного сокращения популяции охотники должны следить за тем, чтобы сначала всегда убивали олененка, а уже потом самку, чтобы не оставалось осиротевших детенышей. Иначе, осиротевшие оленята будут страдать от отсутствия социальных связей, что приведет к плохому физическому развитию или смерти (Simon et al., 2021).

Любая форма охоты на бухарского оленя потребовала бы внесения изменений в законодательство. В целом, целесообразно проводить всесторонние консультации с общественностью, чтобы добиться широкого признания планируемых мер. На международном уровне политические решения должны быть тщательно подготовлены путем разработки хорошо продуманных концепций устойчивого использования бухарского оленя, которые убедили бы защитников этого вида. Если охота на бухарского оленя желательна, необходимо исключить этот вид из Приложения I КМВ и перенести его в Приложение II.

Как описано в разделе 2.2.4, основные угрозы бухарскому оленю включают деградацию местообитаний по антропогенным причинам и из-за перенаселения доступных местообитаний в пределах ООПТ (Cornelis et al., 2019). В дополнение, естественное расселение в некоторых случаях ограничено утратой связанности между участками пригодных местообитаний или низкой толерантностью к присутствию оленей либо браконьерством за пределами охраняемых территорий. С биологической и управленческой точек зрения, правильно организованная охота на бухарского оленя, например, с использованием подходов, опирающихся на местные сообщества (CBWM), могла бы стать подходящим инструментом для устранения этих угроз. Если добывание бухарского оленя станет возможным, оно должно быть устроено таким образом, чтобы местные сообщества получили полномочия для управления популяцией с материальной выгодой для себя. Это поспособствовало бы сократить возражения против присутствия оленей на возделываемых территориях, куда они расселяются, снизило бы браконьерство и, таким образом, помогло бы расширению ареала. Меры по предотвращению или уменьшению негативного воздействия избыточной численности оленей на тугайные экосистемы могут также включать использование этого вида с изъятием животных. Предлагается переселение излишков бухарского оленя из слишком больших локальных популяций. Это помогло бы восстановлению видового ареала, но не решит проблему перенаселения, поскольку переселение не прекратит рост популяции, и в любом случае будет касаться лишь небольшого количества животных. В случае успеха реинтродукции новая локальная популяция также достигнет предела емкости местообитания в течение нескольких лет.

Как объяснялось выше, в зависимости от целей управления, можно рассматривать и комбинировать различные виды охоты. Спортивная охота для иностранных и отечественных охотников может быть наиболее экономически значимым источником доходов, и это осуществимо при сравнительно небольших популяциях, не препятствуя их

дальнейшему росту. Охота ради оленины может удовлетворить местные потребности и, возможно, спрос специализированных ресторанов, но для обеспечения устойчивости в этом случае численность промысловых популяций должна быть выше. При наличии рыночного спроса и привлекательных цен дополнительный доход может приносить использование рогов, полученных от самцов, добываемых в свободноживущих популяциях. Необходимо будет оценить экономические издержки и выгоды, учитывая и немонетарную пользу для вовлеченных охотников и для всего общества.

Вероятно, добиться наибольшего признания полезности бухарского оленя и, соответственно, наилучших результатов его сохранения, позволит подход, опирающийся на участие местных сообществ, в тех районах, где среди землепользователей есть местные охотники. Необходимо будет определить структуры, наиболее подходящие в качестве управляющих организаций, с точки зрения наличия фактических и потенциальных местообитаний и заинтересованных людей. Затем нужно содействовать созданию этих управляющих организаций, опирающихся на местные сообщества, и предоставить им право управлять популяцией бухарского оленя. В эту систему необходимо интегрировать регулирование воздействия бухарского оленя на землепользование и, возможно, механизмы компенсации. Поскольку ареал бухарского оленя в настоящее время сильно фрагментирован, им следует управлять как метапопуляцией, занимающей большую территорию. Это означает обеспечение связанности субпопуляций: где это возможно – посредством связей между местообитаниями и устранения миграционных барьеров, а при необходимости – и с помощью обмена генами при содействии человека.

В заключение, следует отметить, что потенциал использования подходов, основанных на участии местных сообществ, для управления популяциями бухарского оленя (CBWM) в настоящее время ограничен, поскольку этот вид в основном встречается на ООПТ, управляемых государством. Использование в качестве объекта туризма, нацеленного только на само по себе наблюдение за бухарскими оленями, имеет ограниченный потенциал, но может стать дополнительным преимуществом в туристских пакетах, которые включают, например, посещение культурных объектов. Использование, предполагающее добывание животных, в настоящее время юридически невозможно, за некоторыми исключениями. После внесения изменений в Приложения КМВ и национальное законодательство могут стать возможными различные формы добывания. Все они могут способствовать смягчению конфликтов между человеком и популяциями диких животных, а также помогут контролировать численность популяций на перенаселенных ООПТ. Развитие подходов, опирающихся на местные сообщества, потенциально может устранить несколько угроз для бухарского оленя, таких как деградация местообитаний и конкуренция с другими видами землепользования. Такой подход может способствовать расширению ареала за пределы охраняемых территорий и соединению субпопуляций оленя, разделенных освоенными сельскохозяйственными территориями.

5. Рекомендации по разработке политики для лиц, принимающих решения на национальном уровне

5.1. Общие рекомендации по применению CBWM целевым государствам данного исследования (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан)

Применение подходов, основанных на участии местных сообществ, для управления популяциями видов ЦАИМ и местами их обитания заслуживает большего внимания лиц, принимающих решения. Опыт со всего мира, в том числе из Центральной Азии, показал, что такие подходы (CBWM) могут усилить меры по борьбе с браконьерством и эффективно уменьшить или смягчить конфликт между человеком и дикими животными. CBWM может создавать важные стимулы, побуждающие местное население воздерживаться от незаконного и неустойчивого добывания животных и поддерживать сохранение их местообитаний, как было показано на примерах четырех выбранных нами видов – архара, бухарского оленя, сайгака и снежного барса.

Экономические выгоды от применения CBWM

Меры по сохранению крупных млекопитающих должны учитывать экономические аспекты. Экономические выгоды от использования с изъятием животных из природы, такого как охота, или от использования без изъятия, такого как туризм с наблюдениями за дикими животными, должны в максимально возможной степени компенсировать затраты на охрану популяций и управление ими, а также издержки для землепользователей, связанные с присутствием диких животных. Имеются в виду издержки, связанные с потерями в результате конкуренции за пастбища между скотом и дикими копытными, набегов диких животных на посевы, нападений хищников на домашний скот или необходимости корректировать землепользование, чтобы снизить вред для диких животных и их местообитаний. Кроме того, как показано в данном исследовании, выгоды, получаемые от устойчивого использования диких животных, могут стать источником инвестиций в развитие сел и местные социальные программы. Для достижения этой цели можно использовать политические меры и субсидирование начального этапа разработки подходов, основанных на участии местного населения (CBWM), например, для поддержки бизнес-планирования, наращивания потенциала, маркетинга и инвестиций в оборудование и инфраструктуру, где это необходимо. Накопленный в мире и в нашем регионе опыт показывает, что правильно применяемые подходы CBWM, например, опирающиеся на некоммерческие организации местных жителей или семейные компании, часто бывают экономически жизнеспособными и субсидирование требуется только на начальных этапах.

В некоторых случаях, когда экономические параметры не позволяют обеспечить полную самодостаточность природоохранной инициативы, основанной на участии местного населения, имеет смысл субсидировать и текущие расходы. CBWM обеспечивает природоохранные выгоды не только для непосредственно вовлеченного местного сообщества, поэтому такие субсидии, вероятно, окажутся менее затратными и более эффективными, чем вложения в усиление мер по охране диких животных силами

государственных инспекторов. Такие инвестиции не только будут способствовать сохранению видов, но и принесут пользу людям, живущим в непосредственной близости от мест обитания диких животных, формируя позитивное отношение и укрепляя их поддержку охраны диких животных. Это потенциально может смягчить конфликты между человеком и дикими животными и уменьшить или полностью исключить браконьерство (примеры приведены в разделе 3.3).

- При принятии решений учитывать экономические выгоды от CBWM в качестве стимула для улучшения сохранения диких животных и их местообитаний, а также в качестве вклада в развитие сельских районов.

Рассмотрение вопроса об использовании с изъятием животных

Любое рассмотрение подходов к использованию диких животных должно основываться на природоохранном статусе вида и реальных угрозах. Применение CBWM для развития устойчивого использования, включающего добычу (изъятие из природы) животных, имеет смысл рассматривать даже для небольших и/или сокращающихся популяций, если существует высокая вероятность, что чистый природоохранный эффект такого подхода окажется положительным. Такое возможно, если планируемое использование получится организовать так, что оно не нанесет вреда популяции, но приведет к снижению выявленных угроз. Например, строго регулируемая трофейная охота, предполагающая ежегодное добывание только очень небольшого числа старых самцов полигамного вида копытных, может быть целесообразной и полезной, если она организована таким образом, чтобы эффективно предотвращать браконьерское изъятие такого же или большего числа животных. Даже если такое использование в настоящее время невозможно из-за низкой численности популяции и/или юридических препятствий, реалистичные перспективы использования на будущее, например, после того, как численность популяции восстановится до определенного уровня, могут стать стимулом для привлечения местных заинтересованных сторон и развития подходов CBWM. Чтобы не поставить выживание популяции под угрозу, решения об использовании, включающем добычу, обязательно должны основываться на достоверных данных о конкретной популяции и тщательном анализе потенциального воздействия изъятия животных на динамику ее численности в соответствии с самыми высокими научными стандартами.

- Рассматривать устойчивое использование с изъятием, как меру сохранения диких животных и принимать решения о его применении на основе достоверных научных данных.

Красные книги

Следует пересмотреть широко используемый в целевых странах подход, когда в Красные книги вносят редкие и угрожаемые виды, что влечет их строгую охрану. Критерии включения в Красную книгу и принятые категории статуса следовало бы основывать на Руководстве по применению критериев Красного списка МСОП на региональном и национальном уровнях (МСОП, 2012). Красные книги должны служить прозрачным и предсказуемым руководством к планированию и регулированию сохранения видов, эффективно устраняя выявленные угрозы. Для некоторых видов, занесенных в Красную книгу, возможность ограниченного использования с изъятием из природы, может

стимулировать местное население к защите этих животных, особенно в ситуациях, когда нынешняя государственная охрана неспособна эффективно предотвращать браконьерство и не обеспечивает восстановление популяции (см. главу 3).

- Привести процедуры оценки видов для занесения в Красные книги в соответствии с руководящими принципами МСОП.
- Рассмотреть возможность разрешения ограниченной охоты на отдельные виды животных, занесенные в Красную книгу, если есть доказательства того, что это будет способствовать их сохранению.

Запреты на охоту

Полный запрет охоты создает высокий риск потери эффективных природоохранных стимулов и, таким образом, может иметь негативные последствия для сохранения видов (см. раздел 3.4.4). Такой запрет охоты потенциально может сильно повлиять на инициативы управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), которые опираются на возможность получения дохода от устойчивого использования, предполагающего добывание животных. Поэтому его следует применять только в отношении тех видов, для которых законная охота (имеющая место фактически или потенциально возможная) представляет угрозу, и в тех случаях, когда более эффективное регулирование законной охоты либо не подходит для сохранения этого вида, либо не может быть эффективно применено. Например, виды с естественно большой продолжительностью жизни и очень низким уровнем воспроизводства, такие как дрофа *Otis tarda*, не очень хорошо подходят для регулируемой устойчивой охоты.

- Пересмотреть действующие нормативные акты, чтобы установить запреты на охоту только для видов, которым угрожает законная охота. В частности, отдавать предпочтение более эффективному регулированию охоты и рассмотреть возможность отмены существующих запретов на охоту, которые противоречат природоохранным нуждам и подходам управления, основанным на участии местных сообществ (CBWM).

Заказники

Режимы заказников (здесь – ООПТ, созданные с целью сохранения одного или немногих видов животных) и других ООПТ, допускающих ограниченное хозяйственное использование, должны быть пересмотрены, чтобы устранить нежелательные стимулы, приводящие к способам землепользования, которые негативно влияют на местообитания диких животных. В заказниках и подобных ООПТ, созданных с целью сохранения охотничьих видов, устойчивое использование этих видов с применением подходов, основанных на участии местного населения (CBWM), должно быть допустимым, если при рассмотрении конкретного случая будет выявлено, что такое использование может способствовать сохранению вида. При этом должна быть и возможность запрета или ограничения землепользования, наносящего вред этим видам или их среде обитания –

например, выпаса скота. Эти изменения могли бы значительно помочь сохранению таких территорий и населяющих их диких животных.

- Рассмотреть возможность изменения законодательства о заказниках и подобных территориях, чтобы: 1) разрешить устойчивое изъятие целевых видов, например, с помощью подхода, основанного на участии местных сообществ (CBWM), и 2) гарантировать, что любое землепользование на территории таких ООПТ не наносит вреда диким животным.

Вовлечение местного населения в природоохранную деятельность

Охрана природы, основанная на участии местных сообществ, требует активного вовлечения тех местных жителей, которые потенциально заинтересованы в диких животных, в частности традиционных охотников, будь то официальных или неформальных. Привлечение тех, кто способен остановить незаконное и нерациональное использование, означает также обращение к людям, которые, возможно, были непосредственно вовлечены в браконьерство.

Проведение границы между (потенциально) легальными и нелегальными пользователями может быть сложной задачей. Необходимо принимать во внимание различные аспекты легальности, готовность участвовать в законном устойчивом использовании и признание более широкими сообществами. Обсуждения с местным населением должны вестись на основе совместного участия. Заинтересованным местным жителям нужна поддержка в развитии подходящих организационных структур – лучше всего, в форме некоммерческих, негосударственных организаций местного уровня, либо в привлечении официальных органов местного самоуправления и их подразделений (например, пастбищных комитетов). Вовлекать более широкие слои местного населения вместо того, чтобы сосредотачивать активность только в обычно узком кругу охотников, может быть полезно для достижения общественного признания, поддержки, совместного использования выгод и социального контроля. Однако такое широкое вовлечение может привести к тому, что участвующие охотники не будут чувствовать себя в достаточной степени хозяевами и, таким образом, это снизит их мотивацию и готовность следовать правилам.

- Поощрять создание некоммерческих НПО на уровне местных сообществ в качестве организаций, занимающихся управлением популяциями диких животных и их сохранением.

Охотничьи хозяйства, закрепленные за местными некоммерческими организациями

В Центральной Азии существуют охотничьи хозяйства, которыми управляют как коммерческие предприятия, так и местные некоммерческие НПО, созданные местными жителями. Обе модели могут дополнять друг друга, и нужно обеспечить возможность их сосуществования. В зависимости от конкретных условий на местном уровне, тот или иной подход может оказаться более подходящим. Благодаря укорененности в местном сообществе, эти НПО хорошо подходят для внедрения управления популяциями диких животных, основанного на участии местного населения (CBWM), и особенно эффективны в случаях сильной сплоченности сообщества. Такие подходы должны быть организованы инклюзивным и прозрачным образом, так чтобы обеспечивать использование доходов

главным образом для сохранения природы и на благо сообщества. Коммерческие компании могли бы быть более эффективными, чем созданные местным сообществом НПО, особенно там, где сплоченность сообщества и общественный контроль слабы. Государство должно установить правила закрепления охотничьих хозяйств и распределения разрешений на охоту, которые были бы справедливыми и прозрачными, и обеспечивали бы верховенство закона. Это мотивирует охотпользователей вкладываться в сохранение и восстановление диких животных и их местообитаний.

- Поощрять и поддерживать охотничьи хозяйства, управляемые местными некоммерческими организациями, в качестве подхода, дополняющего управление коммерческими охотпользователями.
- Пересмотреть законодательство и административные практики и внести в них необходимые изменения, чтобы облегчить закрепление охотничьих хозяйств за НПО, созданными местными сообществами.
- Где это уместно, рассмотреть возможность снижения уровня денежной ответственности некоммерческих охотпользователей за браконьерство, совершенное на их территории посторонними лицами.

Границы охотничьих хозяйств

Для эффективного управления популяциями диких животных необходимо разумно очертить границы управляемой территории (охотничьего хозяйства), особенно если планируется устойчивое использование с изъятием. Эти границы могут определяться территориальными потребностями используемой части популяции целевого вида. Для горных копытных речь может идти о нескольких десятках тысяч гектаров, в зависимости от рельефа и особенностей доступных местообитаний. Для сайгаков это могут быть сотни тысяч гектаров, тогда как для бухарского оленя может быть достаточно нескольких сотен гектаров. При проведении границ также нужно учитывать расположение территорий, традиционно используемых местным населением для выпаса скота, земледелия, охоты и других видов хозяйственной деятельности. Кроме того, границы охотничьего хозяйства могут следовать существующим административным и природным границам. Чтобы избежать конфликтов, границы управляемой территории должны быть видны на местности. Оптимально, если такая управляемая территория совпадает с участком местообитаний, постоянно или сезонно используемым определенными субпопуляциями основных целевых видов. Если площадь охотничьего хозяйства слишком мала, оно не сможет поддерживать численность животных, достаточную для устойчивого использования, и это может спровоцировать неустойчивое отношение к охоте по принципу «первый пришел – первый добыл». И наоборот, слишком обширная территория хозяйства потребовала бы вовлечения людей из многих местных сообществ, сильно отличающихся друг от друга, что вызвало бы трудности в создании совместных организационных структур, внутреннюю конкуренцию и конфликты.

Если объект управления – популяция номадных диких животных с большими территориальными потребностями и непредсказуемым или сезонно меняющимся использованием пространства, область ее распространения стоит разделить на несколько поддающихся управлению территорий – это могут быть охотничьи хозяйства или территории местных сообществ, и эти управляемые территории потребуются объединить в

ассоциацию или сеть. Поскольку цена сосуществования с дикими животными (затраты на их охрану, потери от их воздействия на землепользование), а равно и выгоды от их использования, как правило, неравномерно распределяются по ареалу популяции и обычно не достигают максимума в каком-то одном месте, такая ассоциация поможет сделать оценку потерь и выгод по всему ареалу и обеспечить справедливое распределение затрат и доходов между всеми членами ассоциации в соответствии с общепринятыми критериями.

- Проанализировать существующие и создать новые охотничьи хозяйства, убедившись, что эти хозяйства имеют достаточный размер для управления популяциями видов диких животных, принимая во внимание границы земель местных сообществ, административные единицы и топографические особенности.
- Поощрять создание ассоциаций охотничьих хозяйств для управления популяциями видов диких животных с широким ареалом распространения.

Поддержка туризма, ориентированного на наблюдение за дикими животными

Как показано в этом исследовании, наблюдение за дикими животными имеет большой потенциал в качестве стимула для сохранения природы, но не находит широкого применения в регионе. В рассматриваемых странах существует несколько успешных примеров туризма с целью наблюдения за дикими животными (см. разделы 3.4.3–3.4.5), но более широкие возможности часто не используются из-за определенных препятствий, некоторые из которых порождены действующим законодательством. Например, организация, управляющая охотничьим хозяйством, не имеет исключительного права предлагать туры по наблюдению за дикими животными на территории этого хозяйства. Закон разрешает любой другой организации или частному лицу организовывать там туристскую деятельность без необходимости нести расходы по управлению популяциями диких животных. Другие препятствия включают отсутствие туристской инфраструктуры, бизнес-планов или хорошего маркетинга. Причиной этого в основном является нехватка финансирования и ограниченные возможности заинтересованных организаций, в том числе – организаций местного населения. Для решения этой проблемы в странах Центральной Азии было бы целесообразно разработать государственные программы финансирования, направленные на развитие туризма, связанного с дикими животными. Они могут быть частью общих туристских программ или программ развития сельских районов, поскольку таковые уже существуют в некоторых странах. Такое финансирование могло бы сопровождаться наращиванием потенциала местных сообществ, заинтересованных в разработке туристских предложений, и наращиванием потенциала лиц, принимающих решения. Эти предложения могут быть разработаны в сотрудничестве с сотрудниками ООПТ, что повысит привлекательность территорий для туристов. Такие программы могут стимулировать сосуществование диких животных и людей, поддерживать особо охраняемые природные территории и смягчать конфликты между человеком и дикими животными.

- Внести изменения в законодательство об использовании диких животных без изъятия, предоставив субъектам управления охотничьими хозяйствами исключительные права на предоставление туристских услуг на территории этих хозяйств.
- Разработать и внедрить государственные программы финансирования для поддержки создания туристских предложений, связанных с дикими животными в странах Центральной Азии.
- Предоставлять обучение и финансовую поддержку местному населению для поддержки развития экологически безопасного туристского бизнеса по наблюдению за дикими животными.

Частные или управляемые местным сообществом охраняемые природные территории

В целом, для сохранения диких животных и управления их популяциями полезно контролировать землепользование, чтобы управляющее лицо могло ограничивать деятельность, наносящую вред диким животным или их местообитаниям. Это особенно относится к случаям, когда в качестве приоритетного для определенного вида или территории выбрано управление популяцией без изъятия животных из естественной среды

обитания (например, наблюдение за дикими животными), поскольку успех такой деятельности зависит от благополучия популяции. Сейчас местные сообщества в Центральной Азии могут принимать ответственность за охотничьи хозяйства и, таким образом, контролировать диких животных – но без каких бы то ни было полномочий по управлению землепользованием. Это может привести к противоречию между целями управления сельскохозяйственных землепользователей и охотпользователей. Появление охраняемых территорий, управляемых частными структурами, такими как организации, созданные местными сообществами, может быть полезной альтернативой, по примеру общинных природоохранных организаций Намибии (см. главу 3.3.2). Для того, кто управляет такой частной или созданной сообществом охраняемой территорией, основной обязанностью будет сохранение диких животных и их местообитаний. Управляющая организация должна иметь права эксклюзивно использовать диких животных и их местообитания либо принимать решение об их использовании другими лицами. Это позволило бы управлять землепользованием с пользой для дикой природы. Наблюдение за дикими животными и другие виды природного туризма могут стать экономической основой для управления такими частными или общественными охраняемыми природными территориями, в то время как охота может быть разрешена при наличии подходящих популяций охотничьих видов.

Однако такая модель потребовала бы внесения изменений в законодательство всех стран Центральной Азии, поскольку ООПТ, как правило, контролируются только государственными учреждениями – за исключением Кыргызстана, где местное население также может управлять охраняемыми территориями (см. раздел 3.4.4). Для сравнения, в Казахстане единственным законным способом создания частной или общественной охраняемой природной территории, управляемой местными жителями, является закрепление охотничьего хозяйства и строгое ограничение в нем охоты, хотя в этом случае управляющая организация не контролирует землепользование, а только имеет право использовать и обязанность охранять диких животных на закрепленной территории. Такой подход может быть очень сложным для управляющей НПО, как показал опыт АСБК по управлению выделенным охотничьим хозяйством в качестве “экологического парка” (раздел 3.4.5).

Поскольку охраняемые природные территории, управляемые частными или созданными местным сообществом организациями, могут быть эффективным природоохранным инструментом, который, по сравнению с охотничьими хозяйствами, основанными на охотничьем законодательстве, лучше обеспечивает сохранение местообитаний, следует рассмотреть их создание в Центральной Азии, несмотря на то, что это потребует существенной адаптации законодательства.

- Рассматривать охраняемые природные территории, управляемые частными лицами, в качестве одного из способов достижения целей по сохранению

территорий Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы в области биоразнообразия КБР (цель "30 на 30").

- Внести изменения в законодательство, разрешив создание частных охраняемых природных территорий, где популяции диких животных и землепользование должны управляться организацией, отвечающей за эту территорию.
- Выявить и устранить препятствия для управления охраняемыми природными территориями некоммерческими организациями.

5.2 Рекомендации Сторонам Конвенций ООН и касающиеся вовлечения МСОП

5.2.1 Сторонам КМВ

В целом, подходы, основанные на участии местных сообществ, не рассматриваются в тексте Конвенции, но упоминаются в некоторых документах КМВ, относящихся к конкретным видам или регионам. Например, в контексте ЦАИМ резолюция 11.24 (пересм. КС-13) содержит мероприятия по оценке применимости устойчивого использования к видам ЦАИМ в регионе, обращая внимание на накопление выгод для местных сообществ и на соответствующее законодательство, а также по поощрению в регионе ЦАИМ использования животных без добывания, особенно экотуризма, основанного на местных сообществах, и по разработке программ устойчивого экотуризма.

В Международном плане действий по сохранению архара (Mallon et al., 2014) упоминаются преимущества хорошо организованной трофейной охоты, а также проблемы недостаточно прозрачного использования и распределения доходов от продажи разрешений на охоту, особенно среди местных сообществ. Сюда относится полностью результат 1.2 – «Архар используется и управляется устойчиво при поддержке местного населения», включающий меры по официальному вовлечению местного населения в управление популяцией и устойчивое использование архаров и их местообитаний, меры, способствующие долгосрочному закреплению прав на управление за местными сообществами, и другие. Однако реализация этого плана действий и, в частности, аспектов, связанных с вовлечением местного населения в управление популяциями диких животных, оказалась сложной задачей.

В планах действий по бухарскому оленю и сайгаку подходы, основанные на участии местных сообществ и устойчивом использовании, заслуживают более детального рассмотрения. На прошлых встречах Сторон и на технических семинарах Меморандума о взаимопонимании по бухарскому оленю и Меморандума о взаимопонимании по сайгаку среди участников, особенно из стран ареала, преобладали сомнения, стоит ли рассматривать или принимать такие подходы. Повышение осведомленности о СВММ может быть полезным и позволит государствам ареала в Центральной Азии рассмотреть возможность разработки соответствующей политики в дополнение к текущей природоохранной деятельности. Данное исследование показывает, что управление популяциями диких животных, основанное на участии местных сообществ, предполагающее или не предполагающее добывание животных, может принести значительные выгоды для сохранения видов, занесенных в приложения КМВ, при соблюдении предварительных условий, описанных в разделе 3.1 (см. также примеры,

относящиеся к конкретным видам, в разделе 4). Авторы приходят к выводу, что подход СВММ животных заслуживает большего внимания в качестве стимула для сохранения крупных млекопитающих в контексте КМВ, и предлагают Сторонам КМВ следующие рекомендации.

- Полностью реализовать мероприятия, связанные с СВММ, предусмотренные Программой работ ЦАИМ и Международным планом действий по сохранению архара.
- Оценить потенциал подходов к экотуризму и охотничьему туризму, основанных на участии местных сообществ, для улучшения охраны мигрирующих видов и их местообитаний в Центральной Азии, а также за ее пределами, и включить СВММ в соответствующие инструменты КМВ.
- Оценить опыт других конвенций (например, Конвенции о вилкуне и других соответствующих политических механизмов) в решении проблемы конкуренции за пастбища как угрозы для мигрирующих видов в Центральной Азии (раздел 3.3.3).
- Предложить Секретариату КМВ провести мероприятия по наращиванию потенциала для информирования лиц, принимающих решения, о подходах СВММ, их преимуществах, связанных с ними рисках и предпосылках успеха.

Статус бухарского оленя

Текст Конвенции о мигрирующих видах разрешает добычу видов КМВ, перечисленных в Приложении II, и предписывает, чтобы стороны КМВ запрещали добычу видов, включенных в Приложение I. Что касается бухарского оленя, то текущее включение его в Приложение I КМВ может стать препятствием для организации экономически оправданного управления его популяцией с участием местных сообществ или на основе других управленческих подходов, включающих добычу животных. Добывание бухарского оленя может стать необходимым в связи с тем, что ООПТ перенаселены, а вне ООПТ имеют место конфликты между человеком и оленем. В соответствии с пунктом 3 статьи III Конвенции КМВ мигрирующий вид может быть исключен из Приложения I, когда Конференция Сторон выявит следующее:

а) надежные доказательства, включая наилучшие из имеющихся научных данных, указывают на то, что данный вид больше не находится под угрозой исчезновения, и

б) маловероятно, что данный вид снова окажется под угрозой исчезновения из-за потери защиты в связи с его удалением из Приложения I.

Согласно Красному списку МСОП, бухарский олень является синонимом или возможно подвидом таримского благородного оленя *Cervus hanglu*, который с 2017 года оценивается как вид, вызывающий наименьшие опасения, с тенденцией к росту популяции. Таким образом, поскольку Бухарский олень не находится под угрозой исчезновения, можно рассмотреть возможность исключения бухарского оленя из Приложения I КМВ.

- Сторонам, являющимся странами ареала бухарского оленя, рассмотреть возможность исключения бухарского оленя из Приложения I к КМВ и сохранения его только в Приложении II в соответствии с критериями включения видов и текущим

природоохранным статусом подвида, например, чтобы сделать возможным в будущем внедрение CBWM с использованием, включающим добычу.

5.2.2 Касательно СИТЕС

Рекомендации, касающиеся СИТЕС, в настоящее время актуальны только для одного из целевых видов данного исследования – сайгака. Применение управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), либо с целью добычи, либо для наблюдений за сайгаками в их естественной среде обитания, потребует исследований, маркетинга и разработки туристских предложений, создания новых структур управления и механизмов контроля, что требует значительных инвестиций. Международная торговля продукцией из сайгака, при надлежащем управлении и строгом контроле, может стать источником дохода для инвестирования в инициативы местного населения в местах обитания сайгака.

В настоящее время сайгак включен в Приложение II Конвенции СИТЕС с аннотацией (пометкой) «Нулевая экспортная квота для образцов, происходящих из дикой природы, торгуемых в коммерческих целях». В отличие от национальных законов, которые могут быть довольно легко изменены одной страной, изменить статус сайгака в рамках СИТЕС можно только с одобрения Конференции Сторон, а это означает, что Стороны СИТЕС нужно убедить в необходимости изменений. Пока экспортная квота остается нулевой, финансовые выгоды, достаточные для экономически обоснованной охраны вида и управления им, не могут быть получены, и требуются значительные инвестиции из государственного бюджета.

Удаление аннотации о нулевой квоте откроет путь для международной торговли. В случае, если международная торговля образцами природного происхождения станет возможной, получаемые от нее доходы следует разделять с местными сообществами, живущими в ареале обитания сайгака. Такая выгода для местного населения потенциально может сформировать позитивное отношение к сайгакам, смягчить конфликты, помочь предотвратить браконьерство и мотивировать людей терпимо относиться к ним на своей земле. Деньги, полученные от международной торговли продукцией из сайгака, позволят осуществлять более масштабные вложения, по сравнению с нынешним запретом на торговлю, что может стать источником финансирования для сохранения природы и развития местных сообществ (раздел 4.2.2). Доходы от легальной торговли сделали бы сайгака экономически выгодным элементом землепользования, тем самым обеспечив важные стимулы для сохранения сайгака и его местообитаний.

Чтобы международная торговля состоялась, необходимо создать эффективную систему управления запасами рогов сайгака. Сторонникам потенциальной отмены нулевой квоты придется также разработать хорошо продуманный план устойчивого использования сайгака и создать систему контроля рынка и торговли, включая систему маркировки рогов, гарантирующие, что использование сайгака будет хорошо контролируемым, законным и устойчивым.

- Рассмотреть возможность внесения предложения об отмене действующей аннотации о нулевой квоте СИТЕС на экспорт образцов сайгака, происходящих из дикой природы, торгуемых в коммерческих целях, и запросить консультационную поддержку Секретариата СИТЕС о процедуре, необходимой для этого.

5.2.3 Касательно МСОП

Действующая при Международном союзе охраны природы (МСОП) Группа специалистов по устойчивому использованию и жизнеобеспечению (SULi) – это глобальная сеть добровольцев, созданная МСОП в рамках совместной инициативы Комиссии по выживанию видов (Species Survival Commission, SSC) и Комиссии по экологической, экономической и социальной политике (Commission on Environmental, Economic and Social Policy, CEESP). Деятельность группы направлена на глобальную мобилизацию экспертного знания в сферах науки, политики и практики для решения неотложных проблем чрезмерной эксплуатации диких видов и в поддержку надежных, справедливых моделей устойчивого использования, отвечающих потребностям и приоритетам человека.

Члены группы активно участвовали в повышении осведомленности об управлении популяциями диких животных, основанном на усатии местных сообществ (CBWM), во всем мире и в Центральной Азии (см. раздел 3.2), обеспечивали известность опыта Центральной Азии в международном контексте, например, путем включения центральноазиатских кейсов в подборку тематических исследований по [СИТЕС и жизнеобеспечению](#). Группа специалистов по устойчивому использованию и жизнеобеспечению и также существующие в рамках SSC группы специалистов по отдельным таксонам предоставили экспертные консультации и техническое руководство правительствам стран Центральной Азии в контексте КМВ и СИТЕС.

Действующая при SSC Группа специалистов по конфликтам между человеком и дикими животными и сосуществованию человека с дикими животными (Human-Wildlife Conflict & Coexistence Specialist Group, HWCC SG) – это междисциплинарная экспертно-консультативная группа, целью которой является поддержка специалистов, работающих в области конфликтов и сосуществования человека и диких животных, путем предоставления междисциплинарных рекомендаций, ресурсов и наращивания потенциала. Задачами группы являются: 1) выступать в качестве консультативного органа по вопросам конфликтов между человеком и дикими животными и сосуществования человека с дикими животными, который может обеспечить платформу для обмена передовым опытом; 2) содействовать междисциплинарным подходам к смягчению конфликтов между человеком и дикими животными путем поощрения сотрудничества экспертов из многих различных областей и 3) наращивать потенциал путем разработки технических или рамочных руководящих материалов, учебных семинаров и обучающих платформ.

HWCC SG пока не была широко вовлечена в проблемы Центральной Азии, несмотря на многочисленные (возникающие) случаи конфликтов между человеком и дикими животными в регионе. Стороны в Центральной Азии могут рассмотреть возможность активного привлечения этой группы экспертов для получения консультаций по урегулированию конфликтов между человеком и дикими животными посредством, комплексного, основанного на хорошем информировании и сотрудничестве процесса, в котором будет учтен социальный, культурный и экономический контекст.

Природоохранная политика основывается на регулярных оценках природоохранного статуса видов в Красном списке МСОП. Оценка таримского благородного оленя, подвидом которого, вероятно, является бухарский олень (текущий статус представлен в разделе 2.2.4), должна быть вскоре пересмотрена и это может открыть больше возможностей для

управления популяциями, основанного на участии местных сообществ (CBWM), как обсуждается в данном исследовании.

- Группе специалистов по устойчивому использованию и жизнеобеспечению и группам специалистов Комиссии по выживанию видов МСОП продолжать оказывать техническую поддержку государствам ареала ЦАИМ по подходам CBWM.
- Группе специалистов по оленям Комиссии по выживанию видов МСОП пересмотреть оценку бухарского оленя в Красном списке МСОП для обоснования разработки мер по сохранению и управлению.
- Государствам ареала ЦАИМ рассмотреть возможность привлечения Группы специалистов по конфликтам и сосуществованию человека и диких животных Комиссии по выживанию видов МСОП для получения консультаций по управлению конфликтами между человеком и дикими животными в Центральной Азии.

5.3 Рекомендации государствам ареала по каждому из целевых видов

5.3.1 Сайгак

Имея широкий ареал, сайгаки ежегодно мигрируют на большие расстояния и образуют большие стада, разделяются на несколько популяций. Соответственно, они влияют на жизнь многих людей. Чтобы обеспечить позитивное отношение местного населения к сайгаку, важным шагом является вовлечение местных сообществ в управление популяциями сайгака посредством соответствующих систем совместного управления и распределения выгод, а также поддержка развития использования сайгака без добывания животных (см. также: Milner-Gulland et al., 2020). Несколько возможных решений для этого представлены ниже, более подробную информацию смотрите в Стратегии сохранения и управления сайгака в Казахстане (CMS, 2023). Вероятно, сам по себе ни один из предложенных вариантов вовлечения местного населения не станет достаточным стимулом, но все вместе они могут способствовать формированию чувства хозяина и позитивного отношения местного населения к сайгаку, а также смягчению конфликтов, что принесет большую пользу сохранению сайгака.

Туризм, ориентированный на наблюдение за сайгаками

Как обсуждалось в разделе 4.1.1, не требующее добывания использование в форме туризма, ориентированного на наблюдение диких животных, требует значительных первоначальных инвестиций. Программа государственной поддержки могла бы послужить катализатором развития туристской инфраструктуры и маркетинга. Прежде чем оказывать поддержку определенным проектам, следует провести анализ их экономической жизнеспособности. Не все локации и подходы имеют потенциал для привлечения достаточного количества туристов и получения достаточных доходов, чтобы покрыть все расходы, а также обеспечить преимущества для местного населения. Участие местного населения всегда должно быть критерием для предоставления поддержки.

- В различных конкретных местах оценить целесообразность развития экологического туризма, включающего наблюдение за сайгаками, основанного на

участии местного населения, и в наиболее перспективных местах – оказать поддержку развитию соответствующего бизнеса.

Общественные советы для управления популяциями сайгака

Применение подхода CBWM требует вовлечения местных сообществ в процесс принятия решений, чтобы обеспечить хозяйское отношение к ресурсу, широкое понимание и поддержку управленческих решений на местном уровне, а также привлечение других заинтересованных сторон в рамках подхода, основанного на совместном участии (см. раздел 4.1.2). Этого можно достичь путем создания общественных советов по управлению, в состав которых входят представители органов управления животным миром национального и регионального уровней, службы охраны диких животных, ООПТ, охотхозяйств и соответствующих НПО, ученые и представители местных сообществ. Отдельный такой общественный совет нужен для каждой популяции сайгака, поскольку природоохранный контекст для каждой популяции имеет свои особенности. Местные сообщества или, скорее, их ассоциации или сетевые объединения должны направлять своих делегатов в такие советы.

- Создать общественные управленческие советы для каждой популяции сайгака с участием представителей всех соответствующих заинтересованных сторон, которые будут принимать решения по таким вопросам управления, как устойчивое использование, мониторинг и устранение угроз.

Охотничий туризм в охотничьих хозяйствах, закрепленных за местными сообществами

Для того чтобы охотничьи хозяйства в ареале сайгака, особенно те, которые находятся в ведении НПО, созданных местным сообществом, или ассоциаций таких НПО, могли получать достаточный доход для компенсации расходов на патрулирование по борьбе с браконьерством и защиту местообитаний, в качестве возможного варианта следует рассмотреть ограниченный охотничий туризм. Такая ограниченная охота в конечном итоге может принести пользу сохранению сайгака, поскольку местные жители будут чувствовать себя хозяевами сайгака и будут мотивированы предотвращать браконьерство со стороны организованных преступных групп коммерческих браконьеров. Такие охотничьи хозяйства, управляемые общественными организациями на базе местных сообществ, имели бы возможность получать охотничьи квоты от государства и использовать их для развития охотничьего туризма.

- Рассмотреть возможность развития трофейного охотничьего туризма в качестве источника дохода для охотничьих хозяйств в ареале обитания сайгака, особенно для тех, которые закреплены за организациями, созданными местными жителями.

Разрешения на охоту для местных сообществ

Для того чтобы местные жители могли получать выгоду от высокой численности сайгаков и потенциальной крупномасштабной охоты, следует рассмотреть возможность выдавать местным сообществам в ареале сайгака разрешения на охоту для личных нужд – бесплатно или по низкой цене. Каждому сообществу давалось бы право охоты на определенное

количество животных, пропорционально числу жителей и важности занимаемой сообществом территории для сохранения сайгака. Рекомендуется выдавать эти разрешения для охоты в каком-то определенном охотничьем хозяйстве, где в сезон охоты держится достаточное количество сайгаков. Нельзя допускать торговлю продукцией этой охоты и должны быть созданы механизмы борьбы с мошенничеством.

- Если на сайгаков ведется крупномасштабная промысловая охота, предоставить определенное количество разрешений на охоту для собственных нужд местным сообществам в пределах ареала сайгака, чтобы позволить им добывать сайгаков в нескольких специально выбранных охотничьих хозяйствах, где сайгаки держатся в сезон охоты.

Субсидируемое мясо для местных сообществ

Если выдача разрешений на охоту нецелесообразна, или в дополнение к этим разрешениям, следует рассмотреть другие способы распределения выгод. Возможный в будущем крупномасштабный промысел сайгака будет источником значительного объема продукции из сайгака, особенно мяса. Для местных жителей было бы привлекательно получать мясо сайгака в значительных количествах по низкой цене – по себестоимости или даже субсидированное, чтобы хватало создать запас мяса на какую-то часть года. Это может способствовать формированию позитивного отношения к сайгаку и к его сохранению, а также поможет разрешать конфликты и предотвращать браконьерство.

- В случае крупномасштабного промысла сайгака рассмотреть возможность предоставления местному населению субсидированного мяса в качестве легко реализуемого механизма распределения выгод.

Предоставление местным сообществам доли в доходах

Продавая продукцию из сайгака, полученную в результате крупномасштабного промысла, государство сможет заработать значительные суммы денег, если в будущем будет разрешена международная торговля. Заинтересованные стороны из ареала обитания сайгака, такие как местные сообщества и охотничьи хозяйства, должны получать определенную долю этих доходов, которую они смогут использовать для защиты сайгака, местного развития и социальных проектов. Эти доходы должны распределяться в пределах ареала определенной популяции с помощью общепризнанного механизма, таким образом, чтобы все заинтересованные стороны получили равную выгоду. Следует рассмотреть возможность создания фонда, куда поступала бы доля доходов от использования сайгака, передаваемая для нужд местного населения. Затем фонд

распределял бы денежные средства по местным сообществам. Подробнее – смотрите раздел 4.1.2.

- Перераспределять часть денежных доходов от будущего крупномасштабного промысла сайгака в пользу охотничьих хозяйств и местных сообществ посредством четко определенного и прозрачного механизма распределения;
- Рассмотреть возможность создания фонда для поддержки местного населения, который будет получать долю доходов от промысла сайгака и торговли его продукцией, и распределять эти средства по местным сообществам.

Сбор рогов

Следует разрешить сбор рогов сайгака, остающихся после естественной смерти животных, с условием, что обнаруженные рога должны быть доставлены в определенные пункты сбора или переданы государственному органу, осуществляющему управление популяцией сайгака. В случае продажи таких собранных рогов в рамках будущей международной торговли, 100% полученного дохода должно направляться в фонд, который финансирует местное развитие или социальные проекты в ареале обитания сайгака. Следует избегать выплаты вознаграждения непосредственно сборщику. Однако риск неправильного использования такой возможности сохраняется, и необходимо предусмотреть надлежащие механизмы контроля (естественная смерть животного подтверждается указанием географических координат, фотографиями и тщательным исследованием рогов), чтобы проверить, действительно ли рога являются результатом естественной гибели.

- Создать механизмы контроля и пункты сбора рогов животных, погибших естественной смертью;
- Разрешить сбор рогов сайгака, полученных в результате естественной смертности животных, при условии эффективного контроля, чтобы увеличить выгоды для местного населения.

Легальная международная торговля

Для достижения максимальной экономической выгоды, позволяющей компенсировать затраты на охрану сайгака и сосуществование его с сельскими жителями и их домашним скотом, необходимо развивать строго контролируруемую легальную международную торговлю продукцией из сайгака, эффективно предотвращая незаконную торговлю. Мясо сайгака, возможно, станет первым товарным продуктом (Milner-Gulland et al., 2020), но рога обеспечат значительно больший доход. Однако, прежде чем можно будет изменить аннотацию в Приложении СИТЕС, необходимо внедрить адаптивное управление популяцией сайгака с ее корректным мониторингом, а также систему управления запасами, включающую международно признанный метод мечения рогов для

предотвращения легализации незаконно добытых рогов. Для получения более подробной информации см. Отчет об устойчивом использовании сайгака (Milner-Gulland et al., 2020).

- Внедрить адаптивное управление популяциями сайгака на основе надежного и всестороннего мониторинга популяции;
- Установить эффективные механизмы управления запасами рогов сайгака, включая их маркировку и регистрацию;
- Координировать с другими странами ареала все меры по подготовке международной торговли продукцией из сайгака;
- Разработать предложение об отмене аннотации о нулевой квоте на коммерческую торговлю дериватами сайгака, происходящими из дикой природы, в Приложении СИТЕС и добиваться его одобрения Конференцией Сторон СИТЕС, основываясь на проверенных механизмах эффективного контроля за законной добычей и торговлей, а также предотвращения незаконной торговли и легализации нелегально добытых рогов сайгака.

5.3.2 Архар

Следует поддерживать туристские предложения, основанные на наблюдении за дикими животными, в том числе за архарами, популяцией которых управляют местные жители и их организации, чтобы стимулировать защиту от браконьерства и других угроз. Некоторые успешные примеры показали потенциал туристских предложений, которые следует распространить на другие районы (см. разделы 3.4.3 и 4.2.1).

Архар – очень привлекательный охотничий вид, трофеи которого представлены в международной торговле. Как описано в разделе 4.2.2, в тех регионах Центральной Азии, где разрешена охота на архара, большинство охотничьих хозяйств с высокой численностью архаров находятся в управлении коммерческих охотпользователей. Правительствам следует рассмотреть возможность предоставления большего количества охотничьих хозяйств, где обитают или ранее обитали архары, для реализации инициатив местного населения в дополнение к коммерческому подходу. Например, охотничьи хозяйства, где в настоящее время численность архаров низка или их появление нерегулярно, или только потенциально пригодные для реколонизации архарами, могут быть переданы организациям, созданным местными сообществами. Это способствовало бы более тесной связности между локальными популяциями архаров и восстановлению их прежнего ареала. Квоты на охоту должны быть распределены между организациями, ответственными за территории определенных охотничьих хозяйств, если популяции архаров там соответствуют биологическим условиям, описанным в разделе 4.2.2.

- Поддерживать разработку туристских предложений по наблюдению за дикими животными (включая архаров), основанных на участии местных сообществ, посредством первоначальных инвестиций и помощи в разработке и продвижении туристских продуктов, обеспечивая таким образом связь между выгодами и природоохранными усилиями;
- Для использования с добытием животных выделять организациям, созданным местным населением, подходящие территории, потенциально пригодные для управления популяциями архаров;
- Выделять охотничьи квоты для созданных местным населением юридических лиц, управляющих охотничьими хозяйствами, когда численность архаров в этих хозяйствах достигнет установленных пороговых значений.

5.3.3 Снежный барс

Поскольку конфликты хищника со скотоводами представляют собой основную угрозу для снежного барса, его сохранению в значительной степени способствовало бы смягчение этих конфликтов и параллельно – использование без добывания, для целей экотуризма. Успешные примеры экотуризма, основанного на участии местных сообществ из ареала снежного барса, следовало бы воспроизвести в странах, рассматриваемых в данном исследовании.

Применяемые меры по смягчению конфликтов между человеком и снежным барсом – закрытые от хищников загоны для скота, методы защищенного выпаса и страхование домашнего скота – могут ослабить восприятие местными жителями снежного барса как угрозы их средствам к существованию. Если можно будет применить подходы, основанные

на участии местных сообществ (CBWM), для развития экотуристских предложений, так что снежный барс станет источником дополнительного дохода, отношение местного населения к присутствию крупных хищников может даже поменяться на позитивное, что пойдет на пользу сохранению вида.

Кормовой базой снежного барса служат дикие копытные. Основанное на участии местных сообществ управление их популяциями (CBWM), ориентированное на использование с добыванием, может создать мощные стимулы для защиты копытных от браконьерства и сохранения их местообитаний, тем самым решая проблему недостатка кормовых ресурсов снежного барса. Из этих соображений, за пределами ООПТ со строгими и хорошо соблюдаемыми запретами на охоту могут быть выделены территории для управления популяциями диких животных. Коммерческим охотпользователям, а равно и организациям местных жителей, должны быть предоставлены возможности для закрепления за ними таких территорий в форме охотничьих хозяйств. Квоты для трофейной охоты на копытных, служащих кормовыми объектами снежного барса, должны распределяться как НПО, созданным местными сообществами, так и коммерческим фирмам, управляющим охотничьими хозяйствами, исходя из биологических условий и популяционных характеристик этих охотничьих видов копытных (см. раздел 4.2.2).

Кроме того, или в качестве альтернативного подхода, могут быть установлены квоты на любительскую охоту и охоту для личных нужд на сибирского козерога, ориентированные на другие (непригодные для трофейной охоты) поло-возрастные категории, в частности на молодых самцов. Такая охота, может принести дополнительные выгоды местному населению от использования диких животных. В конечном счете, при надлежащем управлении, исключаящем перепромысел, она будет полезна для охраны природы, но неизбежно приведет к большему изъятию животных. Поэтому любительская охота и охота для личных нужд должна допускаться только на тех территориях, где численность популяции при самой консервативной оценке достигла предела экологической емкости, а распределение квот должно быть тщательно продумано в процессе принятия решений на основе широкого участия лиц, управляющих охотничьими хозяйствами.

Чтобы повысить доступность для снежного барса его естественной кормовой базы, во многих районах необходимо улучшить управление пастбищами. Следует обеспечить возможность ограничения или исключения выпаса скота на территории охотничьих хозяйствах, отведенных для управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM). Это может быть сделано путем временной или долгосрочной аренды пастбищ организациями, созданными местными жителями, и другими обладателями прав на управление популяциями диких животных, а также путем внесения изменений в законодательство, где это необходимо.

- Оказывать финансовую и техническую поддержку для применения мер по смягчению конфликтов между человеком и дикими животными в ареале обитания снежного барса;
- Рассмотреть возможность создания частных охраняемых природных территорий и развития туризма, основанного на участии местных сообществ, в целях содействия сохранению местообитаний снежного барса;
- Рассмотреть возможность использования подходов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (CBWM), с добыванием в

отношении видов, которые служат кормовой базой снежного барса (козерог, мархур, архар и т.д.), для поддержки их сохранения;

- Предоставлять охотпользователям в (потенциальном) ареале снежного барса ограниченные квоты для охоты на старых самцов тех видов копытных, которые являются кормовой базой снежного барса, в соответствии с научными стандартами, чтобы не нанести вред популяции;
- Разрешать ограниченную местную охоту на копытных, являющихся кормовыми ресурсами снежного барса, только на территориях с высокой плотностью популяций этих видов;
- Разрешить организациям, управляющим охотничьими хозяйствами, долгосрочно или на короткое время арендовать пастбища, чтобы влиять на землепользование ради благополучия видов, являющихся кормовой базой снежного барса.

5.3.4 Бухарский олень

Наблюдение за дикими животными

Бухарский олень – довольно крупное и, при отсутствии браконьерства, не особо пугливое животное, привлекательное для людей, особенно в сочетании с его предпочитаемым биотопом – тугайными лесами. Следует продолжить изучение и апробацию возможностей развития туризма, ориентированного на наблюдение за дикими животными, в том числе за бухарскими оленями, и применения для этого подходов CBWM. В Казахстане такие возможности могут быть особенно перспективными для двух недавно созданных популяционных группировок – в Иле-Балхашском резервате и в Туркестанском лесхозе в долине Сырдарьи. Обе территории подходят для туризма, и местное население получило бы прибыль от предоставления услуг туристам, продажи своих изделий и т.д. В Узбекистане также разрабатываются некоторые туристские предложения с посещением мест обитания бухарских оленей.

- Поддерживать развитие экологического туризма, основанного на наблюдениях за бухарскими оленями в их естественной среде обитания, с вовлечением местного населения.

Использование диких животных с добыванием

Чтобы говорить об использовании с добыванием, необходимо пересмотреть строгий охранный статус бухарского оленя в странах ареала, приняв во внимание оценку Красного списка МСОП и перенаселенность оленями нескольких ООПТ, приводящую к деградации местообитаний. Во всех государствах ареала необходимо разработать соответствующие изменения в законодательстве.

Если вид будет исключен из Приложения I КМВ, может быть рассмотрено устойчивое использование в виде различных видов охоты, в зависимости от ситуации в конкретной популяции (подробнее см. раздел 4.4.2). Это позволило бы развивать подходы CBWM с использованием, предполагающим добывание животных, для улучшения сохранения вида и его местообитаний. На национальном уровне в краткосрочной перспективе следует рассмотреть возможность выдачи разрешений на охоту в порядке исключения, на

основании решений правительства. В среднесрочной и долгосрочной перспективе есть два варианта, как сделать бухарского оленя доступным для охоты: либо общее изменение правовых последствий включения видов в Красную книгу, либо исключение данного вида из Красной книги.

Местные сообщества необходимо вовлекать в организацию различных типов охоты или, по крайней мере, они должны получать что-то из полученных от охоты доходов. Это принесло бы пользу и охране природы, поскольку смягчило бы конфликты, и так сократило бы браконьерский пресс на оленей. Разведение бухарского оленя для получения пантов и других целей, что в настоящее время является одной из мер, включенных в План действий Меморандума о взаимопонимании по бухарскому оленю –нецелесообразно, поскольку этот подход связан с высокими рисками и порождает множество проблемных вопросов, как описано в разделе 4.3.4.

- Рассмотреть необходимые законодательные изменения, разрешающие охоту на бухарского оленя, в случае исключения его из Приложения I КМВ: например, исключение вида из Красных книг, прозрачные процедуры установления квот и получения разрешений;
- Рассмотреть СВММ с трофейной охотой на одиночных самцов в популяциях, насчитывающих не менее 100 учетных животных и достаточную долю взрослых особей;
- Рассмотреть возможность любительской охоты и охоты ради оленины, особенно там, где сокращение численности популяции желательно для предотвращения деградации местообитаний;
- Вовлечь местные сообщества в управление популяциями бухарского оленя для пилотного внедрения СВММ с перспективой будущего использования с добытием животных или, по крайней мере, получения местным населением своей доли выгод от охоты;
- Не допускать организации вольерного разведения бухарского оленя.

Новые охотничьи хозяйства для бухарских оленей

Территории за пределами ООПТ, даже те, где есть подходящие местообитания, обычно не заселены бухарскими оленями, главным образом из-за давления браконьерства. Территории, где обитает или возможно появится в будущем бухарский олень,

следовало бы предоставить заинтересованным организациям, предпочтительно созданным местными жителями, в качестве охотничьих хозяйств для отработки подходов управления популяциями диких животных, основанного на участии местных сообществ (СВММ). Когда условия устойчивости будут соблюдены и произойдут изменения в законодательстве, эти организации должны получить квоты для охоты на бухарского оленя, основанные на научных критериях. Разрешение на использование определенного количества животных может быть связано с обязательством сохранять и восстанавливать местообитания бухарского оленя, или же часть полученного дохода может

быть непосредственно инвестирована в восстановительные мероприятия. Это также будет способствовать сохранению биоразнообразия в целом.

- Создать новые охотничьи хозяйства с перспективой использования бухарского оленя за пределами охраняемых территорий в будущем;
- Рассмотреть возможности использования подходов CBWM в качестве вклада в сохранение и восстановление местообитаний бухарского оленя.

Используемая литература

24.kg, 2020. Ещё одного спасённого барса доставили в Бишкек. 24.kg, 11.01.2020, https://24.kg/obschestvo/140204_esche_odnogo_spasennogo_barsa_dostavili_vbishkek/, accessed 16.11.2022

АСБК, 2023. Результаты авиаучета сайгаков в Казахстане - 2023.

<https://www.acbk.kz/article/default/view?id=628>

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г., 1961. Млекопитающие Советского Союза. Том I, Парнокопытные и непарнокопытные / Под ред. В. Г. Гептнера и Н. П. Наумова. М.: Гос. изд-во «Высшая школа», Москва, 777 ст.

Грицына М.А., Мармазинская Н.В. и Абдураупов Т.В. 2019. Обзор возможных мер по предотвращению конфликта между бухарскими оленями и местным населением. Ташкент, 53 с.

Деом Ж. М., Сала Р. 2009. Регулирование поголовья диких животных в аридных регионах в древности: новые свидетельства из Северного Устюрта //Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. матер. науч-практ. конф. Алматы: Дайк-Пресс. 135-141.

Департамент сохранения биоразнообразия и особо охраняемых природных территорий, 2022. Информация о деятельности Департамента сохранения биоразнообразия и особо охраняемых природных территорий при Министерстве природных ресурсов, экологии и технического надзора Кыргызской республики за 2021г. Бишкек, 31 ст.

Евтюха, Л.А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (Хакасов). Abakan, 109 p. <http://kronk.spb.ru/library/evtuhova-la-1948.2.4.htm>

Заповедник Чёрные Земли, 2022. Наша деятельность. <https://zapovednik-chernyezemli.ru/дикая-природа-россии>, 10.11.2022

Информбюро, 2022. Рога и копыта: Кому была нужна лицензия на уничтожение 80 тысяч сайгаков?. Informburo.kz, 19.07.2022, <https://informburo.kz/stati/roga-i-kopyta-komu-byla-nuzhna-licenziya-na-unichtozhenie-80-tysyach-sajgakov>, accessed 07.11.2022

Калмыков, В., 2015. Мониторинг сайгака заказника “Степной” Астраханской области. Сайга Ньюс, 19, ст. 12-13, Альянс по сохранению сайгаков

Карабаева, А., 2022. Местные сообщества создают заповедники в Кыргызстане. Онлайн новости ЦАИМ. <https://www.cms.int/cami/en/news/местные-сообщества-создают-заповедники-в-Кыргызстане>, accessed 04.07.2024.

Маанаев, Е. Дж., Усупова, Н.С., Абрахманов, Т.А., 2015. Учебно-методические рекомендации для подготовки к государственным экзаменам по “Истории Кыргызстана” для выпускников высших учебных заведений. Бишкек, Кыргызский государственный университет именно И. Арабаева. 78 ст.

Попов, С., 2020. Становление заповедного дела в России. <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/stanovlenie-zapovednogo-dela-v-rossii-kak-chleny-rgo-zashchishchali-prirodu-s-melom-i-ruzhyem-v-ruka/>

Рожнов В., Ячменникова А., Эрнандес-Бланко Х., Сальман П., Чистополова М., Сальман А., Минаев А., Луцкекина А., 2023. Применение дистанционных методов и искусственного

интеллекта для оценки численности популяции сайгака Северо-Западного Прикаспия и использования им пространства. Сайга Ньюс. 29. ст. 26-30.

Сапожников Г. Н. 1976. Дикие бараны Таджикистана. Душанбе: Дониш. 200 с.

Служба центральных коммуникаций при Президенте Республики Казахстан, 2022.

Снежный барс под защитой 12 стран. <https://ortcom.kz/en/novosti/1666327088>, 21.10.2022 (accessed on 31.01.2023)

Соколов В.Е., Сыроечковский Е.Е. ред. 1990. Заповедники СССР: Заповедники Средней Азии и Казахстана. М.: Мысль. 399 стр.

Соколов В. Е., Жирнов Л. В. 1998. Сайгак. Филогения, систематика, экология, охрана и использование. М.: Типография Россельхозакадемии. 358 стр.

Соков А. И. 1971. Биология и охотничье-промысловое значение хищных млекопитающих Таджикистана. Автореф. дисс. канд. биол. наук. Душанбе. 21 стр.

Сотников В.Л., 1986. Кулан. Кайнар, Алма-Ата, 92 ст.

ТенгриНьюс, 2022а. Сайгаки начали конкурировать с сельхозживотными – министр экологии. Tengrinews.kz, 01.07.2022, https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/saygaki-nachali-konkurirovat-selhozjivotnyimi-ministr-469934/, accessed 08.11.2022

ТенгриНьюс, 2022b. 100 килограммов рогов сайги изъяли у браконьеров в Алматинской области. Tengrinews.kz, 04.11.2022, https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/100-kilogrammov-rogov-saygi-izyuali-brakonerov-almatinskoy-482235/, accessed 09.11.2022

ТенгриНьюс, 2022с. КНБ: 5 казахстанцев задержаны со 100 килограммами браконьерского груза. Tengrinews.kz, 10.11.2022, <https://tengrinews.kz/crime/knb-pyatero-kazahstantsev-zaderjanyi-100-kilogrammami-482768/>, accessed 09.11.2022

Фадеев В.А., Слудский А.А. Сайгак в Казахстане. Алма-Ата, 1982. 160 с.

Федосенко, А.К., 2002. Уриал (Состояние популяции, экология, поведение, хозяйственно использование). Москва, Департамент по охране и развитию охотничьих ресурсов Минсельхоза России. 153 ст.

Чимеддорж Б., 2017. Local herders feel strong antipathy towards Saigas. Сайга Ньюс, 22: 10. Альянс по сохранению сайгака.

Чимеддорж Б. 2020. Совет совместного управления по сохранению монгольского сайгака следует создать в Монголию. Сайга Ньюс, Вып. 25. 9-10. Альянс по сохранению сайгака.

Чимеддорж Б. 2022. Численность монгольского сайгака возросла до 8500. Сайга Ньюс, Вып. 27. 5. Альянс по сохранению сайгака.

Чимеддорж Б., Бувейбатар Б. 2017. Анализ ситуации с монгольской популяцией сайгака в результате массовой гибели от чумы мелких жвачных животных. Сайга Ньюс, Вып. 22. 22-26. Альянс по сохранению сайгака.

Чимеддорж Б., Бувейбатар Б. 2021. поголовье монгольского сайгака увеличилось. Сайга Ньюс, Вып. 26. 6. Альянс по сохранению сайгака.

Чимеддорж Б., Гантулга Б., Файн А. Е., Энхтувшин Е., Бувейбатар Б. 2020. Обновленные данные по оценке популяции монгольского сайгака. Сайга Ньюс, Вып. 25. 17-19. Альянс по сохранению сайгака.

- Agrawal, A., 2001. Common Property Institutions and Sustainable Governance of Resources, Montreal. World Development, 29, 1649-1672.
- Aitpaeva, G. 2006. The Triad of Crime, Punishment, and Forgiveness in the Kyrgyz Epic Kojojash. Journal of Folklore Research Vol. 43, No. 2 (May - Aug., 2006), pp. 109-128
- Akramov, U., Najmiddinov, N., Ghoddousi, A., *et al.* 2022. Markhor *Capra falconeri* monitoring in Tajikistan shows population recovery. Oryx, 56, 4, p. 493. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0030605322000497>
- Ali, H., Younus; M., Ud Din, J., Bischof, R., Nawaz, M. A. 2017. Do Marco Polo argali Ovis ammon polii persist in Pakistan? Oryx. <https://doi.org/10.1017/S0030605317000229>
- Amirov, S.S., Betts, A., Yagodin, V.N. 2015. Mapping ancient hunting installations on the Ustyurt Plateau, Uzbekistan and Kazakhstan: New results from Remote Sensing Imagery. Paléorient 41, 1, pp. 199-219.
- Amirov, Z.G. 2012. Состояние бухарского оленя в Таджикистане. Доклады Академии наук Республики Таджикистан, 5
- Asia-Plus 2021. Saving snow leopards in Tajikistan: rehab center for snow leopards being built in GBAO's Murgab district. <https://asiaplustj.info/en/news/tajikistan/society/20211022/saving-snow-leopards-in-tajikistan-rehab-center-for-snow-leopards-being-built-in-gbaos-murgab-district>
- Bar-On, Y. M., Phillips, R., & Milo, R. 2018. The biomass distribution on Earth. Proceedings of the National Academy of Sciences, 115, 25, pp. 6506-6511. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1711842115>
- Bannikov, A.G., 1963. Die Saiga-Antilope. Die Neue Brehm-Bücherei, 146 p.
- Bayandonoi, G., Lkhagvajav, P., Alexander, J. S., Durbach, I., Borchers, D., Munkhtsog, B., Munkhtogtokh, O., Chimeddorj, B., Sergelen, E. and Sharma, K. (eds). 2021. Nationwide Snow Leopard Population Assessment of Mongolia. Key Findings. Summary Report. Ulaanbaatar, WWF Mongolia. 22 p. <https://globalsnowleopard.org/wp-content/uploads/2021/03/Nationwide-Snow-leopard-population-assessment-report-23032021-Final.pdf>
- Berger, J., Buveibaatar, B., Mishra, Ch. 2013. Globalization of the Cashmere Market and the Decline of Large Mammals in Central Asia. Conservation Biology, 27, 4, pp. 679–689. DOI: <https://doi.org/10.1111/cobi.12100>
- Blank, D., Li, Y. 2021. Sustainable use of wildlife resources in Central Asia. *Regional Sustainability* 2: 144–155. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2021.05.001>
- Broghammer T., C. Herche, S. Lovari. 2017. Survey of Markhor in Tajikistan 2017. Results and management recommendations. IUCN Species Survival Commission, Caprinae Specialist Group. 30 p.
- Brook, S.M., Donnithorne-Tait, D., Lorenzini, R., Lovari, S., Masseti, M., Pereladova, O., Ahmad, K. & Thakur, M., 2017a. *Cervus hanglu* (amended version of 2017 assessment). The IUCN Red List of Threatened Species 2017: e.T4261A120733024. DOI: <http://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2017-3.RLTS.T4261A120733024.en>.

- Brook, S.M., Thakur, M., Ranjitsinh, M.K., Donnithorne-Tait, D., Ahmad, K., 2017b. *Cervus hanglu ssp. hanglu*. *The IUCN Red List of Threatened Species* 2017: e.T113259123A113281791. DOI: <https://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2017-2.RLTS.T113259123A113281791.en>.
- CBD, 2018. Decision Adopted by the Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity: 14/7. Sustainable wildlife management. In Proceedings of the Fourteenth Meeting of the Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity, Sharm el-Sheikh, Egypt, 17–29 November 2018.
- CITES, 2022. Community-based harvest and trade of Vicuña fibre in Peru. CITES and Livelihoods Case Study 2022. https://cites.org/sites/default/files/eng/prog/Livelihoods/case_studies/2022/CITES_%26_livelihoods_fact_sheet_Vicuna%20Peru.pdf
- CMS, 2011. Bukhara Deer Overview Report. Prepared by WWF Central Asia Programme on behalf of the CMS Secretariat. 16 p.
- CMS, 2015. Overview Report on Conservation Status and MoU Implementation. Third meeting of the signatories of the MoU concerning conservation, restoration and sustainable use of Saiga the antelope. Tashkent, Uzbekistan, 26-29 October 2015. UNEP/CMS/Saiga/MOS3/Doc.6
- CMS, 2020a. Bukhara Deer Overview Report. Technical workshop under the Memorandum of understanding concerning conservation and restoration of the Bukhara Deer (*Cervus elaphus bactrianus*), Online, 19-22 October 2020. UNEP/CMS/BKD/MOS2/Doc.5. <https://www.cms.int/bukhara-deer/en/document/overview-report-9>
- CMS, 2020b. National report on the implementation of the MoU from Russia. Date of preparation: 15.07.2020
- CMS, 2020c. National report on the implementation of the MoU from Kazakhstan. Date of preparation: 17.07.2020
- CMS, 2021. Overview report on conservation status and MoU implementation. Fourth meeting of the Signatories to the Memorandum of Understanding concerning Conservation, Restoration and Sustainable Use of the Saiga Antelope, 28th-29th September 2021
- CMS, 2023. Strategy for the Conservation and Management of Saiga in Kazakhstan. Consultative Meeting “Identifying solutions to human-wildlife conflict involving Saiga Antelopes in Kazakhstan.”, 25-27 May 2023, Astana. https://www.cms.int/sites/default/files/document/cms_scm_astana_outcome2_strategy_en_0.pdf
- Coltman, D., O’Donoghue, P. Jorgenson, J., Hogg, J.T., Strobeck, C., Festa-Bianchet, M. 2003. Undesirable evolutionary consequences of trophy hunting. *Nature* 426: 655-658. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature02177>
- Conservation Namibia, 2024. The Game Products Trust Fund. 10.06.2024, <https://conservationnamibia.com/factsheets/game-products-trust-fund.php>
- Cooney, R., Roe, D., Dublin, H., Phelps, J., Wilkie, D., Keane, A., Travers, H., Skinner, D., Challender, D.W.S., Allan, J.R. and Biggs, D., 2017. From Poachers to Protectors: Engaging Local Communities in Solutions to Illegal Wildlife Trade. *Conservation Letters*, 10, 3, 367-374. DOI: <https://doi.org/10.1111/conl.12294>

- Cooney, R., Roe, D., Dublin, H. and Booker, F., 2018. Wild life, Wild Livelihoods: Involving Communities in Sustainable Wildlife Management and Combatting the Illegal Wildlife Trade. UNEP, Nairobi
- Cornelis D., Kan E., Gond V., Cesaro J.-D., Peltier R., 2020. Estimation of red Deer population and impact on Tugay forest ecosystem in the Lower Amu Darya State Biosphere Reserve, Uzbekistan. *Bois et Forêts des Tropiques*, 346, pp. 65-78. DOI:<https://doi.org/10.19182/bft2020.346.a36297>
- Crassard, R., Abu-Azizeh, W., Barge, O., Brochier, J.E., Chahoud, J., Regagnon, E., 2022. The Use of Desert Kites as Hunting Mega-Traps: Functional Evidence and Potential Impacts on Socioeconomic and Ecological Spheres. *Journal of World Prehistory*, **35**, 1–44. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10963-022-09165-z>
- Cui, S., Milner-Gulland, E., Singh, N., Chu, H., Li, C., Chen, J., Jiang, Z., 2017. Historical range, extirpation and prospects for reintroduction of Saigas in China. *Scientific Reports* 7, 44200. DOI: <https://doi.org/10.1038/srep44200>
- Davis, B.W., Li, G., Murphy, W.J., 2010. Supermatrix and species tree methods resolve phylogenetic relationships within the big cats, *Panthera* (Carnivora: Felidae). *Mol. Phylogenet. Evol.* 56, 64–76.
- Elista.org, 2022. В Калмыкии растёт численность популяции сайгаков. http://www.elista.org/socium/v_kalmykii_rastet_chislennost_populyacii_sajgakov/, accessed 07.11.2022
- FAO, CIFOR, CIRAD and WCS (2021) What do we mean by community-based sustainable wildlife management? SWM Technical Brief Series, FAO, Rome [<https://www.fao.org/3/cb6486en/cb6486en.pdf>]
- Fedosenko, A. K., Lushchekina, A. A., 2005. Population status of the Pamir Argali (Marco Polo Sheep) in Tajikistan. Unpublished manuscript. 23 p.
- Festa-Bianchet, M. 2016. When does selective hunting select, how can we tell, and what should we do about it? *Mammal Review* 47 (2017) 76–81
- Frisina, M. 2002. Population Status of Transcaspian Urial (*Ovis orientalis [vignei] arkal*) at Aktau Buzachinsky Nature Reserve, Kazakhstan. *Biennial Symposium Northern Wild Sheep and Goat Council* 13: 203-210.
- Government of the Republic of Tajikistan, 2022. National Plan of actions to preserve the Snow Leopard (*Panthera uncia*) and its ecosystems in Tajikistan for 2022-2026. Unpubl. draft.
- Harris, R.B. 2007. *Wildlife Conservation in China: Preserving the Habitat of China's Wild West*. M. E. Sharpe, Inc., Armonk, New York, USA.
- Harris, R.B., Wingard, G. and Bi, J-h. (2009). Status of the least understood wild sheep, the endangered northern Chinese Argali (*Ovis ammon jubata*). Final Report. Unpublished report to the Sir Peter Scott Fund. IUCN, Gland, Switzerland.
- Howe, C., Medzhidov, R., Milner-Gulland E.-J., 2011. Evaluating the relative effectiveness of alternative conservation interventions in influencing stated behavioural intentions: the Saiga antelope in Kalmykia (Russia). *Environmental Conservation*, 38, 1, pp. 37-44.
- Hussain, Sh., 2003. The status of the Snow Leopard in Pakistan and its conflict with local farmers. *Oryx*, 37, 1, pp. 26-33. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0030605303000085>

- IIED, 2018. Community Voices: local perspectives on international responses to illegal wildlife trade. Workshop Report. IIED, London
- IPBES, 2019. Global assessment report on biodiversity and ecosystem services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (pp. 1-1082). Brondízio, E. S., Settele, J., Díaz, S., and Ngo, H. T. (eds). IPBES secretariat, Bonn, Germany.
- IUCN, 2012. Listing criteria and categories would best be based on the Guidelines for Application of IUCN Red List Criteria at Regional and National Levels. Version 4.0. Gland, Switzerland and Cambridge, UK. <https://www.iucnredlist.org/resources/regionalguidelines>.
- IUCN SSC Antelope Specialist Group, 2018. Saiga tatarica. The IUCN Red List of Threatened Species 2018: e.T19832A50194357. DOI: <https://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2018-2.RLTS.T19832A50194357.en>.
- Jamwal, P., Takpa, J., Parsons, M.H., 2018. Factors contributing to a striking shift in human–wildlife dynamics in Hemis National Park, India: 22 years of reported Snow Leopard depredation. *Oryx*, 53, 1, pp. 58-62. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0030605317001892>.
- Kabar, 2022a. На Иссык-Куле у браконьеров нашли шкуру и череп снежного барса. Кыргызское национальное информационное агенство, 26.04.2022, <https://www.kabar.kg/news/na-issyk-kule-u-brakon-erov-nashli-shkuru-i-cherep-snezhnogo-barsa/>, accessed 17.11.2022
- Kabar, 2022b. В Бишкеке у мужчины нашли череп и шкуру снежного барса. Кыргызское национальное информационное агенство, 30.09.2022, <https://kabar.kg/news/v-bishkeke-u-muzhchiny-nashli-cherep-i-shkuru-snezhnogo-barsa/>, accessed 17.11.2022
- Kachel, Sh., McCarthy, K.P., Oshurmamadov, O., 2016. Investigating the potential impact of trophy hunting of wild ungulates on Snow Leopard *Panthera uncia* conservation in Tajikistan. *Oryx*, 51, 4, pp. 597-604. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0030605316000193>
- Kaczensky, P. & Linnell, J. D. C. 2015. Rapid assessment of the mammalian community in the Badkhyz Ecosystem, Turkmenistan, October 2014. NINA Report 1148. 38 pp.
- Kasterine, A. and Lichtenstein, G., 2018. Trade in Vicuña: the Implications for Conservation and Rural Livelihoods. International Trade Centre, Geneva
- Kean, H., & Howell, P. (Eds.). (2018). *The Routledge Companion to Animal-Human History* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429468933>
- Khanal, G., Mishra, Ch., Suryawanshi, K. R., 2020. Relative influence of wild prey and livestock abundance on carnivore-caused livestock predation. *Ecology and Evolution*, 2020, 00, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1002/ece3.6815>
- Khanyari, M., Zhumabai uulu, K., Luecke, S., Mishra, Ch., Suryawanshi, K.R., 2020. Understanding population baselines: status of mountain ungulate populations in the Central Tien Shan Mountains, Kyrgyzstan. *Mammalia*, 85, 1. DOI: <https://doi.org/10.1515/mammalia-2020-0005>
- kloop, 2020. Милиция Бишкека задержала мужчину по подозрению в продаже шкуры снежного барса. Kloop.kg, 08.09.2020, <https://kloop.kg/blog/2020/09/08/militsiya-bishkeka-zaderzhala-muzhchinu-po-podozreniyu-v-prodazhe-shkury-snezhnogo-barsa/>, accessed 17.11.2022

- kloop, 2021. ГКНБ: В Оше задержан мужчина, пытавшийся продать шкуры снежного барса за 4,5 тысячи \$. Kloop.kg, 19.04.2021, <https://kloop.kg/blog/2021/04/19/gknb-v-oshe-zaderzhan-muzhchina-pytavshijsya-prodat-shkury-snezhnogo-barsa-za-4-5-tys/>, accessed 17.11.2022
- kloop, 2022. Умер снежный барс Жаабарс, которого спасли более двух лет назад. kloop.kg, 17.09.2022, <https://kloop.kg/blog/2022/09/17/v-karakole-umer-snezhnyj-bars-zhaabars-kotorogo-spasli-bolee-dvuh-let-nazad/>, accessed 17.11.2022
- Kock, R.A., Orynbayev, M., Robinson, S., Zuther, S., Singh, N.J., Beauvais, W., Morgan, E.R., Kerimbayev, A., Khomenko, S., Martineau, H.M., et al. 2018. Saigas on the brink: Multidisciplinary analysis of the factors influencing mass mortality events. *Science Advances*, 4, 1. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao2314>
- Koshkarev E. P., Vyrypaev V., 2000. What has happened to the snow leopard after the break-up of Soviet Union. *Snow Line*. 16 (1-2), p.7-8.
- Kühl, S.A. 2008. *The Conservation Ecology of the Saiga Antelope*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Division of Biology, Imperial College London, University of London. 175 p.
- Kühl, S.A., Balinova, N., Bykova, E., Arylov, Y.N., Esipov, A., Lushchekina, A.A., Milner-Gulland, E.J., 2009. The role of Saiga poaching in rural communities: Linkages between attitudes, socio-economic circumstances and behaviour. *Biological Conservation* 142, 7, pp. 1442-1449. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2009.02.009>
- Kunkel, K., Hussain, Sh., Khatiwada, A., 2016. Chapter 13.3: A Review of Lessons, Successes, and Pitfalls of Livestock Insurance Schemes. in: McCarthy, T., Mallon, D. (Eds). *Snow Leopards*. Elsevier. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2014-0-01301-9>
- Landwirtschaftskammer Rheinland-Pfalz, 2015. Klassifikation und Bewertung von Schwarzwildschäden an Grünland. Schriftenreihe der Landwirtschaftskammer Rheinland-Pfalz.
- Luikart, G., S. Amish, J. Winnie, R. Godinho, A. Beja-Pereira, F.W. Allendorf, and R.B. Harris, 2011. High connectivity among Argali from Afghanistan and adjacent countries: Assessment using neutral and candidate gene microsatellite. *Conservation Genetics* 12: 921-931.
- Maheshwari, A., Sathyakumar, S., 2019. Snow Leopard stewardship in mitigating human-wildlife conflict in Hemis National Park, Ladakh, India. *Human Dimensions of Wildlife*. DOI: <https://doi.org/10.1080/10871209.2019.1610815>.
- Mallon, D. and Kulikov, M. (Compilers), 2015. *Transboundary Snow Leopard Conservation in Central Asia: Report of the FFI/CMS Workshop, 1-2 December 2014*. Cambridge, UK & Bonn Germany: Fauna & Flora International and Convention on Migratory Species.
- Mallon, D. and McCarthy, T. (Eds) (2024). *Snow Leopards - Biodiversity of the World: Conservation from Genes to Landscapes*. Elsevier.
- Mallon, D., Singh, N., and Röttger, C., 2014. *International Single Species Action Plan for the Conservation of the Argali Ovis ammon*. CMS Technical Series No. 33. Bonn, Germany.
- Maroney, R. L. 2006. Community based wildlife management planning in protected areas: the case of Altai argali in Mongolia. In: D.J. Bedunah, E. D. McArthur and M. Fernandez-Gimenez (eds), *Rangelands of Central Asia: Proceedings of the Conference on Transformations, Issues, and Future Challenges*. 2004, January 27, pp. 37-49. Salt Lake City, Utah, USA.

McCarthy, T., Mallon, D., Jackson, R., Zahler, P. & McCarthy, K., 2017. *Panthera uncia*. The IUCN Red List of Threatened Species 2017: e.T22732A50664030. DOI: <https://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2017-2.RLTS.T22732A50664030.en>. Accessed on 07 November 2022.

McNeely, J. and Miller, K., 1984 National parks, conservation and development: the role of protected areas in sustaining society: proceedings of the World Congress on National Parks, Bali, Indonesia, 11-22 October 1982. IUCN, Gland

MEFT/NACSO, 2023. The state of community conservation in Namibia (Annual Report 2022). MEFT/NACSO, Windhoek, 86p.

Michel, S., Rosen Michel, T., Saidov, A., Karimov, Kh., Alidodov, M., Kholmatov, I., 2015. Population status of Heptner's Markhor *Capra falconeri heptneri* in Tajikistan: challenges for conservation. *Oryx*, 49, 3, pp. 506-513. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0030605313000860>

Michel, S. and Rosen, T., 2024 Chapter 20.3: Hunting of Prey Species: A Review of Lessons, Successes, and Pitfalls – Experiences from Kyrgyzstan and Tajikistan. Pp. 265–274. In: Mallon, D. and McCarthy, T. (Eds) (2024). *Snow Leopards - Biodiversity of the World: Conservation from Genes to Landscapes*. Elsevier.

Milner, J.M., Bonenfant, C., Mysterud, A., Gaillard, J.-M., Csanyi, S., Stenseth, N.C. 2006. Temporal and spatial development of red deer harvesting in Europe: biological and cultural factors. *Journal of Applied Ecology* 43:4. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2664.2006.01183.x>

Milner-Gulland, E.J., Kholodova M.V., Bekenov, A.B., Bukreeva, O.M., Grachev, I.A., Amgalan, L., Lushchekina, A.A., 2001. Dramatic declines in Saiga antelope populations. *Oryx*, 35, 4, pp. 340-345. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-3008.2001.00202.x>

Milner-Gulland, E.J., Bukreeva, O.M., Coulson, T., Lushchekina, A.A., Kholodova M.V., Bekenov, A.B., Grachev, I.A., 2003. Reproductive collapse in Saiga antelope harems. *Nature*, 422, p. 135

Milner-Gulland, E.J., Hughes, P., Bykova, E., Buuveibaatar, B., Chimeddorj, B., Karimova, T. Yu., Lushchekina, A.A., Salemgareyev, A.R., von Meibom, S., Zuther, S., 2020. Устойчивое использование антилопы сайги: обзор и перспективы. Отчёт для Федерального агенство по охране природы Германии и Конвенции по сохранению мигрирующих диких животных.

Mishra, Ch., Bhatnagar Y. V., Trivedi, P., et al., 2024. Chapter 18.2: The Role of Village Reserves in Revitalizing the Natural Prey Base of the Snow Leopard. In: Mallon, D. and McCarthy, T. (Eds) (2024). *Snow Leopards - Biodiversity of the World: Conservation from Genes to Landscapes*. Elsevier.

Mishra, C.; Redpath, S.R.; Suryawanshi, K.R. Livestock Predation by Snow Leopards: Conflicts and the Search for Solutions. In *Snow Leopards: Biodiversity of the World: Conservation from Genes to Landscapes*; McCarthy, T., Mallon, D., Eds.; Elsevier Academic Press: Amsterdam, The Netherlands, 2024; pp. 55–62.

Moheb, Z., Mostafawi, N., Noori, H., et al., 2012. Urial Survey in the Hindu Kush Range in the Wakhan Corridor, Badakhshan Province, Afghanistan. *WCS*. 26 p.

Murphree, M.W., 1993. Communities as resource management institutions. Gatekeeper series no. 36, IIED.

- Murphree, M.W., 2000. Boundaries and borders: the question of scale in the theory and practice of common property management, VIII-th biennial conference of the International Association for the Study of Common Property, Bloomington, Indiana
- Namgail, T. 2004. *Interactions between argali and livestock, Gya-Miru Wildlife Sanctuary, Ladakh, India*. Final Project Report. International Snow Leopard Trust, Seattle, WA, USA.
- Namgail, T., Fox, J. L. and Bhatnager, Y. V. 2007. Habitat shift and time budget of the Tibetan argali: the influence of livestock grazing. *Ecological Research* 22: 25-31.
- National Explorer, 2017. Крупную партию рогов архара и козерога задержали на кыргызской-таджикской границе. https://www.nexplorer.ru/print/news__14044.htm
- Nelson F. and Agrawal A., 2008. Patronage or Participation? Community-Based Natural Resource Management Reform in Sub-Saharan Africa. *Development and Change*, 39, 4, pp. 557-585. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2008.00496.x>
- Nowell, K., Li, J., Paltsyn, M., Sharma, R.K., 2016. An Ounce of Prevention: Snow Leopard Crime Revisited. TRAFFIC, Cambridge, UK.
- Olaussen, J.O., Myrnerud, A., 2012. Red deer hunting—commercializing versus availability. *Eur J Wildl Res* 58, 597–607. <https://doi.org/10.1007/s10344-012-0610-x>
- Ostrom E., 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Ostrowski, S., Thiaucourt, F., Amirbekov, M., Mahmudshoev, A., Manso-Silván, L., Michel, S. (2012) Fatal outbreak of *Mycoplasma capricolum* pneumonia in endangered markhor, Tajikistan. *Emerging Infectious Diseases* 17(12): 2338-2341. <http://dx.doi.org/10.3201/eid1712.110187>
- People Not Poaching, 2022. Engaging communities to tackle illegal wildlife trade – lessons from Southeast Asia, South America and sub-Saharan Africa. IIED and IUCN SULI, London
- Planet Indonesia, 2021. Reducing Illegal Wildlife Trafficking through a Community-based Conservation Approach in West Kalimantan, Indonesia. People Not Poaching, 10.06.2024, <https://www.peoplenotpoaching.org/reducing-illegal-wildlife-trafficking-through-community-based-conservation-approach-west-kalimantan>
- Reading, R. P., Amgalanbaatar, S., 2016. Argali sheep (*Ovis ammon*) and Siberian ibex (*Capra sibirica*) trophy hunting in Mongolia. In: McCarthy, T. and Mallon, D. (eds). *Snow Leopards - Biodiversity of the World: Conservation from Genes to Landscapes.*, pp. 236-241, 248-250. Elsevier.
- Reading, R., Michel, S., Amgalanbaatar, S., 2020a. *Ovis ammon*. The IUCN Red List of Threatened Species 2020: e.T15733A22146397. DOI: <https://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2020-2.RLTS.T15733A22146397.en>. Accessed on 08 November 2022.
- Reading, R., Michel, S., Suryawanshi, K. and Bhatnagar, Y.V., 2020b. *Capra sibirica*. The IUCN Red List of Threatened Species 2020: e.T42398A22148720. DOI: <https://dx.doi.org/10.2305/IUCN.UK.2020-2.RLTS.T42398A22148720.en>. Accessed on 08 November 2022.
- Ritchie, H., Roser, M., 2021. Biodiversity. Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: <https://ourworldindata.org/biodiversity>

Roe, D. and Booker, F., 2019. Engaging local communities in tackling illegal wildlife trade: A synthesis of approaches and lessons for best practice. *Conservation Science and Practice*, 1:e26. DOI: <https://doi.org/10.1111/csp2.2>

Roe, D., Nelson, F., and Sandbrook, C., 2009. *Community Management of Natural Resources in Africa: Impacts, Experiences and Future Directions*. IIED, London

Rosen, T., 2012. Analyzing Gaps and Options for Enhancing Argali Conservation in Central Asia within the Context of the Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals. Report prepared for The Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals (CMS), Bonn, Germany and the GIZ Regional Program on Sustainable Use of Natural Resources in Central Asia.

Sajeva, G., Borrini-Feyerabend, G. and Niederberger, T., 2019. Meanings and more... Policy Brief of the ICCA Consortium no. 7. ICCA Consortium in collaboration with Cenesta.

Schaller, G. B. and Kang, A. L., 2008. Status of Marco Polo sheep *Ovis ammon polii* in China and adjacent countries: conservation of a vulnerable subspecies. *Oryx* 42: 100-106.

Simon, O., Ebert, C. & Kinser, A., 2021. Zum Risiko von Kälberwaisen bei Bewegungsjagden auf Rotwild - Konsequenzen für den Muttertierschutz. Eine Studie im Auftrag der Deutschen Wildtier Stiftung (Hrsg.) [The risk of calf orphans during driven hunts for red deer - consequences for the protection of mother animals. A study commissioned by the German Wildlife Foundation (ed.)], 14 p., <https://bit.ly/3q4oRX5> (in German).

Soanes, M., Bahadur, A., Shakya, C., Smith, B., Patel, S., Rumbaitis del Rio, C., Coger, T., Dinshaw, A., Patel, S., Huq, S., Musa, M., Rahman, M., Gupta, S., Dolcemascolo, G. and Mann, T., 2021. *Principles for locally led adaptation*. IIED, London.

SLT (Snow Leopard Trust), 2024. The Threats. <https://snowleopard.org/the-threats/>, accessed 02.07.2024.

Sputniknews, 2019. Запад Казахстана страдает от нашествия сайгаков. Sputniknews Kazakhstan, 04.06.2019, https://ru.sputniknews.kz/regions/20190604/10371274/zapad-kazakhstan-nashestviye-saygak.html?utm_source=news.mail.ru&utm_medium=informer&utm_campaign=rian_partners, accessed 08.11.2022

Sputnik, 2022. Шкуру и череп спежного барса хотели вывезти в мешке в Казахстан. Sputnik Kyrgyzstan, 19.01.2022, <https://ru.sputnik.kg/20220119/kyrgyzstan-shkura-cherep-ilbirs-pogranichniki-1061352643.html>, accessed 19.11.2022

Suryawanshi, K.R., Redpath, S. M., Bhatnagar Y.V., Ramakrishnan, U., Chaturvedi, V., Smouth, S. C., Mishra, Ch. 2017. Impact of wild prey availability on livestock predation by snow leopards. *Royal Society open science*. 4: 170026. <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.170026>

Suryawanshi, K.R., Reddy, A., Sharma, M., et al., 2021. Estimating Snow Leopard and prey populations at large spatial scales. *Ecological Solutions and Evidence*, 2, 4 (e12115). DOI: <https://doi.org/10.1002/2688-8319.12115>

Tashbaeva K., Kuzhanazarov M., Ranov V., Samashev Z., 2001. *Petroglyphs of Central Asia*. International Institute for Central Asian Studies Samarkand, 220 p.

UNEP and GRIDArendal, 2020. Getting Climate-Smart with the Snow Leopard in Central Asia: A Species and Climate Change Brief for the Vanishing Treasures Programme. Nairobi, United Nations Environment Programme.

USFWS, 2022. Enhancement finding. *Ovis ammon polii*. File number 75862D. 17 p.

Valdez, R., Michel, S., Subbotin, A., Klich, D., 2016. Status and Population Structure of a Hunted Population of Marco Polo Argali *Ovis ammon polii* (Cetartiodactyla, Bovidae) in Southeastern Tajikistan. *Mammalia*, 80, 1, pp. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.1515/mammalia-2014-0116>

Wegge, P. 1997. Appendix I Preliminary guidelines for sustainable use of wild caprins. Pp. 365-372 In: Shackleton (ed.) and IUCN/SSC Caprinae Specialist Group Wild Sheep and Goats and their Relatives – Status Survey and Conservation Action Plan for Caprinae. IUCN, Gland, Switzerland.

Wilson, D.E. and Reeder, D.M. (eds), 2005. *Mammal Species of the World: A Taxonomic and Geographical Reference*. Third edition. John Hopkins University Press, Baltimore. Web: <https://www.departments.bucknell.edu/biology/resources/msw3/>

Wright, E. M., Bhammar, H., Gonzalez Velosa, A. M., and Sobrevila, C., 2016. Analysis of international funding to tackle illegal wildlife trade. World Bank Group, Washington DC. Available online at: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/695451479221164739/analysis-of-international-funding-to-tackle-illegal-wildlife-trade>

WRI (undated). Principles for locally-led adaptation. World Resources Institute <https://www.wri.org/initiatives/locally-led-adaptation>

WWF, 2022. Living Planet Report 2022 – Building a nature-positive society. Almond, R.E.A., Grooten, M., Juffe Bignoli, D. & Petersen, T. (Eds). WWF, Gland, Switzerland.

WWF and IIED, 2019. More than words: Are commitments to tackle illegal wildlife trade being met? WWF-UK, Godalming. Available online at: https://www.wwf.org.uk/sites/default/files/2019-08/WWF_IWT_Report_v8.pdf

WWF Mongolia, 2023. Mongolian Saiga population hits 15,540. 07.06.2024, https://mongolia.panda.org/en/news_en/?382035/Mongolian-Saiga-population-hits-15540

Young, J.K., Olson, K.A., Reading, R.P., Amgalanbaatar, S. and Berger, J., 2011. Is wildlife going to the dogs? Impacts of feral and free-ranging dogs on wildlife populations. *BioScience* 61(2): 125-132.

Секретариат КМВ
Кампус ООН
Platz der Vereinten Nationen 1
D-53113 Бонн
Германия

Тел: (+49) 228 815 24 01 / 02
Факс: (+49) 228 815 24 49
E-mail: cms.secretariat@cms.int
www.cms.int